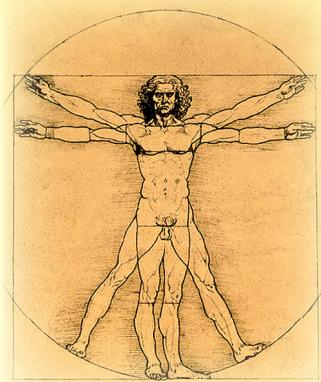

Учёные записки

ISSN 2076-4359
№ VI (78)
2024

Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета

Науки о человеке, обществе и культуре

16+

Рукописи проходят обязательное рецензирование.

Отделы журнала «Управление», «Вычислительная техника и информатика», «Машиностроение», «Культурология и искусствознание» включены в перечень изданий ВАК РФ.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций России. Свидетельство ПИ № ФС7738212 от 30.11.2009.

ISSN 2076-4359 = Ученые записки Komsomolskogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta

Уважаемые авторы, пожалуйста, присылайте свои материалы на адрес электронной почты: journal@knastu.ru

Правила оформления материалов размещены на странице журнала «Учёные записки КнАГТУ», находящейся на сайте <https://uzknastu.ru>

Материалы, оформленные с нарушением данных правил, к рассмотрению не принимаются.

Адрес учредителя и издателя: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, д. 27
Телефон для справок: +7 (4217) 528-548

Адрес редакции: 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, д. 50, ауд. 508

Индекс журнала в каталоге Роспечать: 66090.
Цена свободная.
© Все права на опубликованные материалы принадлежат учредителю журнала – ФГБОУ ВО «КнАГУ», при их цитировании ссылка на журнал обязательна.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет»

Журнал основан в 2010 году

Редакционная коллегия:

Главный редактор журнала:	Алексей Иванович Евстигнеев, доктор технических наук, профессор. E-mail: diss@knastu.ru
Заместитель главного редактора журнала:	Александр Витальевич Космынин, доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosc@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о природе и технике»:	Евгения Павловна Иванкова, кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru
Выпускающий редактор серии «Науки о человеке, обществе и культуре»:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Литературный редактор:	Татьяна Николаевна Карпова. E-mail: karpovat@list.ru
Технический редактор:	Татьяна Николаевна Карпова. E-mail: karpovat@list.ru
Перевод на английский язык:	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
Дизайн и верстка:	Оксана Вадимовна Приходченко, кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru
Менеджер информационных ресурсов:	Татьяна Владимировна Степанова. E-mail: osnid@knastu.ru
Администратор сайта:	Алексей Александрович Просолович, кандидат технических наук. E-mail: cik@knastu.ru

Серия: «Науки о природе и технике»

Ответственный секретарь серии «Науки о природе и технике»	Евгения Павловна Иванкова, кандидат технических наук, доцент. E-mail: peit@knastu.ru
---	--

Отделы:

1. Авиационная и ракетно-космическая техника (2.5.13 - Проектирование, конструкция и производство летательных аппаратов)	Сергей Иванович Феоктистов, доктор технических наук, профессор. E-mail: ssf@knastu.ru Сергей Борисович Марынин, доктор технических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru
2. Энергетика (2.4.2 - Электротехнические комплексы и системы)	Константин Константинович Ким, доктор технических наук, профессор. E-mail: kimkk@inbox.ru Александр Владимирович Сериков, доктор технических наук, профессор. E-mail: em@knastu.ru Сергей Николаевич Иванов, доктор технических наук, доцент. E-mail: snivanov57@mail.ru
3. Управление (2.3.3 - Автоматизация и управление технологическими процессами и производствами)	Вячеслав Алексеевич Соловьев, доктор технических наук, профессор. E-mail: keraru@knastu.ru Андрей Юрьевич Торгашов, доктор технических наук, доцент. E-mail: torgashov@iacp.dvo.ru
4. Вычислительная техника и информатика (1.2.2 - Математическое моделирование, численные методы комплексов программ)	Валерий Иванович Одиноков, доктор технических наук, профессор. E-mail: osnid@knastu.ru Александр Витальевич Космынин, доктор технических наук, профессор. E-mail: avkosc@knastu.ru
5. Машиностроение (2.5.5 - Технология и оборудование механической и физико-технической обработки)	Борис Яковлевич Мокрицкий, доктор технических наук, профессор. E-mail: boris@knastu.ru Владимир Сергеевич Щетинин, доктор технических наук, доцент. E-mail: schetynin@mail.ru
6. Материаловедение и химические технологии (2.6.17 - Материаловедение)	Эдуард Анатольевич Дмитриев, доктор технических наук, профессор. E-mail: rector@knastu.ru Олег Викторович Башков, доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru
7. Математика и механика (1.1.8 - Механика деформируемого твёрдого тела)	Анатолий Александрович Буренин, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН. E-mail: burenin@iacp.dvo.ru Константин Сергеевич Бормотин, доктор физико-математических наук, доцент. E-mail: as@knastu.ru Олег Викторович Башков, доктор технических наук, профессор. E-mail: bashkov_ov@mail.ru Олег Евгеньевич Сысоев, доктор технических наук, профессор. E-mail: sia@knastu.ru

Серия: «Науки о человеке, обществе и культуре»

Ответственный секретарь серии «Науки о человеке, обществе и культуре»	Галина Алексеевна Шушарина, кандидат филологических наук, доцент. E-mail: lmk@knastu.ru
---	---

Отделы:

1. Культурология и искусствознание (5.10.1 - Теория и история культуры, искусства)	Яна Станиславовна Крыжановская, доктор культурологии, доцент. E-mail: krijanowskaia.yulai2012@yandex.ru Евгения Валерьевна Савелова, доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент.
2. Психология и педагогика (5.8.1 - Общая педагогика, история педагогики и образования)	Виктория Юрьевна Прокофьева, доктор филологических наук, профессор. E-mail: proko@knastu.ru Илья Игоревич Докучаев, доктор философских наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru
3. История (5.6.1 - Отечественная история)	Татьяна Евгеньевна Наливайко, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: tenal@knastu.ru
	Жанна Валерьяновна Петрунина, доктор исторических наук, профессор. E-mail: petrunina71@bk.ru, history@knastu.ru

Периодичность: два раза в квартал (один номер каждой серии в квартал)

Содержание

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ

Галкина Е. Г., Канчуга А. Д.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В СРЕДОВОМ РЕШЕНИИ

МБОУ СОШ ИМЕНИ АКИМА САМАРА СЕЛА КОНДОН 4

Колядинова К. Н.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

ТРАДИЦИОННЫХ ИГР НАРОДА ХЭЧЖЭ В КИТАЕ 13

Крыжановская Я. С., Нищимных А. А.

КОРПОРАТИВНЫЙ МУЗЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО

ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ ЭНЕРГЕТИКИ ИМ. В. П. БОЖЕДОМОВА, Г. ХАБАРОВСК) 18

Крыжановская Я. С., Хомчук А. В.

МУЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ

АМУРСКОГО ГОРОДСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ 25

Ло Да, Савелова Е. В.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ

МУЗЕЯ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН (30 – 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА) 33

Марков А. В., Штайн О. А.

ЛИДИЯ ЮДИФОВНА БЕРДЯЕВА: ДУХОВНЫЙ ПРОФИЛЬ И МЫСЛЬ О КУЛЬТУРЕ 41

Мусалитина Е. А., Пустовит Н. Е.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ (ВЗГЛЯД ИНОСТРАНЦЕВ) 48

Нарейко И. Г., Савелова Е. В.

СНЕЖНО-ЛЕДЯНОЙ ГОРОДОК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ:

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 57

Петрунина Ж. В., Абабков Д. Р.

ОБРАЗ МАНЬЧЖУРИИ КОНЦА XIX СТОЛЕТИЯ

В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ АНГЛИЧАН И АМЕРИКАНЦЕВ 64

Скоринов С. Н.

КУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ю. П. ПУСТЕЛЬНИКОВА ПО РУКОВОДСТВУ ХАБАРОВСКИМ

ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТОМ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ (23.12.1991–11.03.1993) 69

Смирнова. И. И.

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХОРРОР:

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИСТОЧНИКОВ 80

Суленёва Н. В., Емченко Е. П.

ЛОГИКО-ИНТОНАЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА 87

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Казанцев Д. А.

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ

ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА 91

Ларченко Ю. Г.

ОНЛАЙН-КУРС КАК ТЕХНОЛОГИЯ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

В ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА 100

ИСТОРИЯ

Ващук А. С.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ И ПРОЕКТ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА

В 1990-Е – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА

(НА МАТЕРИАЛАХ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ) 105

Дербенев А. С.

США – ИЗРАИЛЬ: БОРЬБА ЗА ЭГОИСТИЧНЫЕ ГРУППОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ 116

Затесова О. М.

СТАНОВЛЕНИЕ КУРОРТНОЙ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-Е ГОДЫ 121

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОЗНАНИЕ
CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

Галкина Е. Г., Канчуга А. Д.
E. G. Galkina, A. D. Kanchuga

**НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В СРЕДОВОМ РЕШЕНИИ МБОУ СОШ ИМЕНИ АКИМА
САМАРА СЕЛА КОНДОН**

**NATIONAL CULTURE IN THE ENVIRONMENTAL SOLUTION OF SECONDARY SCHOOL
NAMED AFTER AKIM SAMARA OF KONDON VILLAGE**

Галкина Елена Георгиевна – кандидат культурологии, доцент кафедры «Дизайн архитектурной среды» Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(924)227-87-40. E-mail: arhigeg@mail.ru.

Elena G. Galkina – PhD in Cultural Studies, Associate Professor, Architectural Environment Design Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(924)227-87-40. E-mail: arhigeg@mail.ru.

Канчуга Альбина Дмитриевна – магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(914)404-79-34. E-mail: Bina.Kanchuga@gmail.com.

Albina D. Kanchuga – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(914)404-79-34. E-mail: Bina.Kanchuga@gmail.com.

Аннотация. В представленном исследовании рассматривается проблема сохранения культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. К малочисленным народам относятся нанайцы, проживающие по берегам реки Амур и его притоков Уссури, Сунгари в России и Китае. В статье рассматриваются вопросы сохранения и влияния нанайской культуры на средовые решения общественных зданий национального села Кондон Солнечного района Хабаровского края. Изучена история поселения, перечислены важные общественные точки. Приведены примеры нанайского искусства мастеров села Кондон. Для работы была выбрана территория школы имени Акима Самара, находящаяся в данном поселении. Рассмотрена историческая справка школы. Представлены итоги опроса среди учеников, работников школы, жителей села. Благодаря опросу выявлены основные проблемы средового решения общественного здания. Основной целью статьи является определение принципов национальной культуры в архитектуре, экстерьере и интерьере школы с приведёнными примерами этнического подхода в средовых решениях общественных мест.

Summary. The presented study examines the problem of preserving the culture of small peoples of the North, Siberia and the Far East. Small peoples include the Nanais living along the banks of the Amur River and its tributaries Ussuri and Songhua in Russia and China. The article discusses the issues of preservation and influence of Nanai culture on the environmental decisions of public buildings in the national village of Kondon, Solnechny district, Khabarovsk Territory. The history of the settlement has been studied and important public points have been listed. Examples of Nanai art by masters from the village of Kondon are given. The territory of the school named after Akim Samara, located in this settlement, was chosen for work. The historical background of the school is considered. The results of a survey among students, school staff, and village residents are presented. Thanks to the survey, the main problems of the environmental solution of a public building were identified. The main goal of the article is to determine the principles of national culture in the architecture, exterior and interior of the school with examples of the ethnic approach in environmental solutions for public places.

Ключевые слова: национальная культура, средовое решение, архитектура, экстерьер, интерьер, дизайн, нанайское искусство, село Кондон, школа.

Key words: national culture, environmental solution, architecture, exterior, interior, design, Nanai art, Kondon village, school.

УДК 72.03

Сохранение национальной культуры является актуальной проблемой как в России с её многонациональностью, так и за рубежом. Для этого в нашей стране проводятся исследования по этнической самоидентификации национальных культур, проходят конференции, посвящённые про-

блемам возрождения национальных традиций. Всё это помогает не только сохранять национальные традиции, но и возрождать их.

В селе Кондон в основном проживают нанайцы, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера. Жители трепетно относятся к своему искусству, народным ремёслам, родному языку; в сельском музее и музее школы хранится много экспонатов, в посёлке построен музей под открытым небом. Но большинство общественных мест не несёт в себе связь с нанайским искусством. Территория школы села Кондон не благоустроена, фасад здания нуждается в косметическом ремонте. Кроме этого, не хватает помещений, требуется увеличение пространства, а также необходимо интегрировать наследие нанайской культуры в интерьер школы.

Ещё одной причиной актуализации проблемы является ситуация, которая связана с поиском новых путей развития поселения и туризма. Для этого необходимо усилить работу по сохранению объектов, обеспечивающих туристическую привлекательность поселения, региона [5].

В разные исторические эпохи проектные решения индивидуальных жилищ были тесно связаны с духовными ценностями народа. Всё это передавалось через определённые формы, детали, декорации. Такое единство окружающей действительности и человека требовало определённых архитектурных решений. Традиционное зодчество развивалось в параллели с профессиональной архитектурой, вне исторических архитектурных стилей и направлений. Национальная архитектура есть порождение и прямое отражение культуры и религии, природных и климатических факторов, повседневного быта народа [4].

В настоящее время при разработке средовых решений необходимо обязательно учитывать особенности определённой местности, культуру народа, проживающего на данной территории. При этом в проектировании надо учитывать не только внешний вид, но и внутреннее пространство. Именно в таких застройках будут реализованы все приёмы и методы архитектурной организации традиционного национального здания.

Цель научной статьи – выявить концептуальный подход к организации средовых решений общеобразовательной школы с. Кондон (Солнечный район, Хабаровский край) в контексте этнохудожественных традиций, особенностей нанайской культуры.

Исследовательские задачи:

- изучить историю села Кондон, расположенного в Солнечном районе;
- выявить значимые точки общественного притяжения в селе;
- познакомиться с исторической справкой общеобразовательной школы с. Кондон;
- определить проблемы в средовом решении школы;
- проанализировать итоги опроса населения села по средовому решению школы;
- привести примеры использования нанайской культуры в искусстве с. Кондон;
- рассмотреть дальнейшие перспективы использования этнической культуры в интерьере и экsterьере школы с. Кондон.

История села Кондон. В Солнечном районе Хабаровского края село Кондон является единственным поселением с тысячелетней историей, где проживают нанайцы. Здесь, у реки Девятки, располагается небольшое село, где жители до сих пор живут, соблюдая национальные традиции, обычай, культуру. Нанайцы ведут традиционный образ жизни: занимаются охотой и рыболовством, сбором дикоросов. Общая численность населения на 2024 г. составляет 530 человек.

Рядом с селом протекает река Девятка – единственная река, вытекающая из озера Эврон. Доминантой в окружающем пространстве является сопка Кондо-Хурэ, что в переводе означает – Дракон.

По воспоминаниям старейшего следопыта тайги Никифора Дмитриевича Дзяпи: «Мой друг, капитан В. К. Арсеньев, и академик А. П. Окладников рассказывали мне, что первые люди обосновались в этих местах многие тысячи лет назад. Талантливый профессор Алексей Павлович Окладников возглавлял в 1960-х гг. археологические раскопки в Кондон. Археологическими поисками было вскрыто несколько селений каменного века. В одном из полуподземных жилищ неолитового периода была найдена скульптура с чертами миловидной нанайской девушки. Пролежала

она в жилище более шести тысяч лет. В учебном мире скульптуру уважительно называли “Кондонская Венера”» [2].

В многочисленных местах Приамурья археологи находили следы древнего человека, в том числе и по берегам рек Горюна и Девятки. Здесь и было обнаружено древнее стойбище Кондон.

Первое упоминание об улусе Кэндэ (Кондон) есть в уникальном документе – «распросные речи» Ивана Москвитина и Дмитрия Копылова, датируемые 28 сентября 1644 г. Этот документ сейчас хранится в Центральном государственном архиве древних актов в Москве.

По данным переписи 1897 г., нанайцы рода Самар, 82 человека, проживали на реке Горюн в селе Кондон.

Учёный-этнограф Лопатин Иван Алексеевич (1888–1970) в 1913 и 1914 гг. совершил несколько поездок на реку Горюн. В своей монографии «Гольды амурские, уссурийские и сунгариjsкие» он много писал про нанайские стойбища, находившиеся на той территории. С его помощью была проведена перепись населения, по данным которой численность стойбища Кэндэ составляла 113 человек [2].

Важные общественные места села Кондон. В селе Кондон не так много общественных мест из-за небольшой численности населения. Административным центром села является реконструированное здание бывшего детского сада. Само здание небольшое, одноэтажное, на прилегающей территории расположены детские игровые элементы, через дорогу находится средняя школа имени Акима Самара.

Школа является единственной в селе, она была построена в 2008 г. Здание старой общеобразовательной школы переделали под молодёжный центр «Мэрген» в 2013 г., для него школа выделила небольшой участок.

Напротив школы в 2015 г. был открыт детский сад «Берёзка» – двухэтажное здание с большим участком, на котором расположена детская площадка. Дошкольное учреждение соответствует всем современным стандартам и не отличается от городских прототипов. Детский сад рассчитан на 75 мест. Здание построено по программам поддержки коренных малочисленных народов Севера и развития дошкольного образования [8].

В селе существует врачебная амбулатория – одноэтажное небольшое здание, территория которого не благоустроена. Также в центре села расположен единственный магазин «Анис» (ЧП Сахаров). Напротив магазина расположен парк, в котором находится историческая зона – мемориальный памятник, посвящённый воинам Великой Отечественной войны. Детской площадке парка требуется замена игровых элементов, благоустройство территории.

При въезде в село приезжие сразу обращают внимание на танцевальную площадку, расположенную в центре поселения. Здесь проводят различные мероприятия, встречают гостей, проходят выступления национального ансамбля «Кэку» и фольклорно-вокального коллектива «Гэрин». Здесь также проводятся различные праздники, одним из них является важный для села праздник «День рыбака». Для этого праздника открывается музей под открытым небом, где представлены древние национальные жилища, продают нанайские подделки, выставляют на обозрение украшения, халаты и т. д. Рядом с площадкой располагаются волейбольное поле, футбольное поле с трибунами. Недавно селу выделили средства для реализации проекта по благоустройству данной территории. Построена огороженная детская площадка. Также в дальнейшем будут построены новые футбольная и волейбольная площадки.

Всем общественным местам с. Кондон требуется в той или иной мере ремонт, благоустройство территорий, разработка интерьера, экsterьера. Село нуждается во включении элементов нанайской культуры во внешний облик, интерьеры точек общественного притяжения для создания и сохранения стилистики этнической культуры. Это, несомненно, улучшит внешний облик села и будет способствовать большему привлечению туристов.

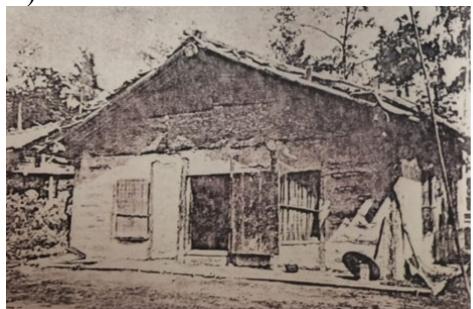
Историческая справка школы с. Кондон. В 1870 г. в г. Благовещенске была образована православная епархия. Позже организован Благовещенский епархиальный комитет Всероссийского православного миссионерства, который возглавили Михаил и Александр Протодиаконовы. С их

поддержкой и помощью в сёлах, расположенных по берегам Амура, стали открываться церковно-приходские школы.

Особенно был славен своими делами миссионер в п. Горинске Прокопий Протодиаконов. Вместе с ним работали священники Дмитрий Пляскин и Петр Копоровский. Третий Протодиаконов многое сделал для обучения будущих священников. В 1890 г. в с. Горинском неутомимый миссионер открыл церковно-приходскую школу, которую затем и возглавил [2]. Кроме этого, он помог в строительстве часовен во многих нанайских стойбищах. Так в с. Кондон была открыта в 1891 г. первая часовня.

Первая школа в с. Кондон была открыта при церкви в 1892 г. (см. рис. 1, а). Называлась она «Горинская туземная миссионерская одноклассная школа по изучению молитв». Учителямиствовал в ней монах Иван Васильевич Сухов.

а)

б)

Рис. 1. Первая школа с. Кондон, 1890-1896 гг. (а)
и здание первой Кондонской школы, 1902-1961 гг. (б)

В 1901 г. церковные власти г. Благовещенска приняли решение открыть кондонскую церковно-приходскую школу со штатом, который включал двух учителей и двух сторожей-истопников. Строительством занималась русско-китайская плотницкая артель, возглавленная Ивашкой Бормотовым. К августу 1902 г. здание школы было готово к открытию (см. рис. 1, б). Помимо села Кондон, в с. Торгон и с. Наан школы имели свои собственные хорошие здания. Школа просуществовала до 1961 г.

В 1963 г. была построена вторая кондонская школа, просуществовавшая до 2008 г. (см. рис. 2). Количество учащихся со временем выросло, поэтому решено было построить отдельно небольшое здание для учеников начальной школы, которое было расположено неподалёку.

Рис. 2. Вторая школа с. Кондон (1963–2008)

В 2008 г. было открыто новое здание на территории второй школы, которая в дальнейшем была перестроена в молодёжный центр «Мэрген» (2013 г.). Часть участка школы принадлежит данному молодёжному центру. В строительстве новой школы приняли участие жители с. Кондон.

Школа названа в честь первого нанайского поэта Акима Дмитриевича Самара (1916–1943): уроженец с. Кондон, член Союза писателей СССР, активный общественный деятель, он помог со-

здать первый приамурский пионерский отряд, комсомольскую ячейку, ликбез, учил грамоте взрослых нанайцев, при его участии создан первый нанайский народный театр, первый нанайский букварь. Аким Дмитриевич Самар геройски погиб в битве за Сталинград в 1943 г. [6].

Описание средового решения школы на 2024 г. Средняя общеобразовательная школа села Кондон была выбрана для изучения и разработки дизайнерских решений в магистерской работе (см. рис. 3, а). Школа является для жителей села важной точкой общественного притяжения. Рядом со школой (ул. Арсения Самар, д. 20), помимо жилых частных домов, расположены такие общественные здания, как молодёжный центр «Мэрген» (ул. Арсения Самар, д. 20), детский сад «Берёзка» (ул. Мартыненко, д. 24). Но в организации школьной среды в настоящее время существует множество проблем.

На участке отсутствуют элементы освещения, транзитные пути представлены в виде стихийно вытоптанных дорожек, которые требуют современного покрытия в виде мощения, резинового покрытия и т. п. Требуется полная замена асфальтового покрытия. При развитии территории потребуется расстановка малых архитектурных форм, таких как скамьи, навесы, урны. Не организована зона парковки как у центрального въезда в школу, так и со стороны молодёжного центра. Необходимо отделить школьную территорию от центра «Мэрген». На данной территории нарушены нормы озеленения общественных пространств, что не соответствует СНиП III-10-75 «Благоустройство территорий» (см. рис. 3, б).

а)

б)

Рис. 3. Школа с. Кондон, 2008 г.: а – фасад здания; б – территория школы

Большинство территории не задействовано под благоустройство. Необходима организация детской площадки, спортивной зоны, зоны отдыха и т. п. Для территории необходимо размещение современной хозяйственной зоны.

Во внутреннем пространстве школы не хватает учебных кабинетов, существует очень небольшая зона отдыха, отсутствует зона отдыха для учителей и работников школы. Из-за нехватки кабинетов учителям приходится совмещать занятия в одном кабинете, например один кабинет используется как для нанайского языка, так и для английского. Изначально предполагалось отдать старое здание школы для начальных классов, но т. к. данное здание уже задействовано, проблема разделения начальных и старших классов осталась.

Несмотря на то, что учителя и ученики стараются украшать интерьер школы нанайскими картинами, панно, различными деталями, существует необходимость разработать интерьер в едином нанайском стиле, сочетании учебного пространства с нанайским искусством. Также этого требует и внешний облик здания, нужна реновация фасада.

Необходимо рассмотреть реорганизацию инженерных систем. На сегодняшний день электрические провода для уличной настенной подсветки идут по внешним стенам здания, что влияет на внешний облик здания.

Итоги опроса по средовому решению школы. Для дальнейшего проектирования средового решения школьной территории и здания школы был проведён опрос среди жителей села Кондон. В опросе участвовало 92 человека. Среди общего числа опрошенных: ученики 5-го класса

(3 из 4 чел.); 6-го класса (4 из 7 чел.); 7-го класса (7 из 8 чел.); 8-го класса (5 из 5 чел.); 9-го класса (8 из 12 чел.); 10-го класса (4 из 5 чел.); 11-го класса (3 из 4 чел.); учителя (19 из 20 чел.). Также в опросе принял участие директор школы Койгерова Анна Сергеевна.

Более половины опрошенных – женщины (69,6 %). Большинство участников опроса – люди в возрасте 41-60 лет (27,2 %), остальные: 15-25 лет (22,8 %); до 14 лет (20,7 %); 26-40 лет (19,6 %); 61 год и больше (9,8 %). На вопрос: «Как долго вы живете в с. Кондон?» – ответы распределились следующим образом: 57,6 % – 20 лет и больше; 33,7 % – 10-19 лет; 4,3 % – 5-9 лет; 3,3 % – 1-4 года; 1,1 % – меньше года.

На вопрос: «Довольны ли Вы средовым решением (внешний вид здания, внутреннее пространство, благоустройство территории) общественных мест с. Кондон?» – большинство довольны (58,7 %), 16,3 % – затрудняются ответить. На вопрос о важности сохранения национальной культуры в селе большинство ответило положительно (97,8 %).

На вопрос: «Укажите свой статус, связанный со школой с. Кондон», – ответили следующим образом: ученики (37 %); работники (27,2 %); бывшие ученики (13 %); родители, родственники учеников (12 %); жители с. Кондон, посещающие или проходящие по территории школы (9,8 %); бывшие работники (1,1 %). Большинство опрошенных (83,7 %) считает нужным включать нанайскую культуру в средовое решение школы, 10,9 % затрудняются с ответом на данный вопрос. На вопрос: «Помимо работы и учёбы в школе, с какими целями вы чаще всего посещаете школьную территорию?» – большинство (64,1 %) ответило, что пересекают по пути куда-либо, 17,4 % – занимаются спортом, 15,2 % – прогулка с друзьями, 8,7 % – прогулка с детьми, остальные – ничего из предложенного, учёба, работа в школе. При оценке по пятибалльной шкале по уровню средового решения школы большинство поставило 3 балла (34,8 %).

На вопрос: «Какие функциональные зоны на школьной территории необходимо благоустроить в первую очередь?» – ответили (допускалось несколько вариантов ответа): зона активного отдыха (52,2 %); зона спокойного отдыха (44,6 %); пешеходная зона (37 %); зона парковки (32,6 %); историческая зона (32,6 %); детская площадка (30,4 %); освещение (25 %); зелёная зона (21,7 %). На вопрос: «Для какого возраста требуется организация детской площадки?» – на первом месте ответ «для всех возрастов» (48,8 %). На вопрос: «Если на школьной территории необходимы спортивные объекты, то какие именно?» – ответили: уличные тренажеры (45,6 %), площадка для воркаута (37,8 %), площадка для катания на роликах, скейтах и т. д. (25,6 %), велосипедные дорожки (24,4 %), всё вышеперечисленное (24,4 %), настольные игры (12,2 %), беговая дорожка (1,1 %), футбольное поле (1,1 %), волейбольная площадка (1,1 %).

На вопрос об установке на территории школы памятника-скульптуры, посвящённой поэту Акиму Самару, большинство ответило положительно (77,2 %). На вопрос: «Устраивает ли Вас внешний облик здания школы с. Кондон?» – 51,1 % ответил «да», 26,1 % – «нет». Для фасада здания был выбран современный стиль с использованием нанайского орнамента (41,3 %). На вопрос: «Устраивает ли Вас интерьер (внутреннее пространство) школы с. Кондон?» – 67,4 % ответило положительно. Для разработки интерьера 39,7 % опрошенных выбрали современный стиль с использованием нанайского орнамента.

Цвет вызывает эмоциональные переживания человека, которые весьма субъективны и неоднозначны. Многогранность цветовых «символов» связана с цветовым ощущением. Цвет является природным междисциплинарным средством моделирования открытых информационных систем. Так, природно-климатические факторы непосредственно влияют на цветовое решение, конкретная стилевая направленность за счёт цвета может придать свою особенность пространству, создать цветовые акценты, а следовательно, обогатить колористический образ [1]. Для определения цветового решения в разработке интерьера, фасада школы выбрали: голубой – 32,6 %, синий – 30,4 %, зелёный – 30,4 %, затрудняются ответить – 30,4 %, жёлтый – 27,2 %, красный – 20,7 %, оранжевый – 12 %. Также к данному вопросу предложили использование пастельных, нежных оттенков; использование серого, бежевого, белого; природных оттенков.

В последнем вопросе участники могли предложить свои варианты средового решения, описать важные проблемы по желанию. Многие написали об отсутствии зоны отдыха как для учени-

ков, так и для учителей, нехватке кабинетов для начальных классов. Предложили построить отдельное здание на территории школы для летней детской площадки. Среди дополнительных кабинетов, зон были предложены кабинеты начальных классов; музыкальный кабинет; игровая зона; кинозал для учеников; тренажёрный зал; кабинет психолога; зимний сад; танцевальный зал; музей; арт-мастерская; обновление кабинета информатики; кабинеты для дополнительного образования; кабинет географии; кабинет нанайского языка; большая учительская (так как на сегодняшний момент учительская расположена в помещении, где отсутствуют окна); увеличение рекреационной зоны; технические помещения; складские помещения; увеличение кабинета технологии; переговорная; кабинет ИЗО; кабинет ОБЖ; бассейн; автоматы с едой, напитками.

Также предложили организацию в рекреации тематических уголков с национальным колоритом, которые, кроме эстетической, должны нести и образовательную функцию. Школьная среда должна представлять собой околомузейное пространство с нацеленностью на экскурсионные посещения, информативный материал о нанайской культуре в её различных аспектах (история, искусство, быт, промыслы, традиции, игры и т. д.). Необходимы современные элементы («Точка роста», цифровые технологии и др.).

Анализ результатов анкетирования показал явный интерес жителей села к его преобразованию. Средовые проблемы, такие как отсутствие благоустройства школьной территории, отсутствие различных функциональных зон, существующая нехватка помещений в здании школы, не оставляют респондентов равнодушными. Кроме учёбы и работы, большинство людей только пересекают территорию при транзитном движении. Многие хотят увидеть связь современной культуры с наследием предков, использование нанайской культуры в средовом решении школы и считают важным сохранение национальной культуры в селе Кондон.

Примеры использования нанайского орнамента в работах мастеров села Кондон. Жители села чтят и соблюдают свои обычаи, традиции, проводят различные выставки по нанайскому искусству. Кондон всегда славился своими мастерами, сказителями, известен народным хореографическим ансамблем «Кэку» под руководством Дигор Натальи Мамоджоновны и фольклорно-вокальным коллективом «Гэрин». Для них создаёт сценические костюмы мастерица Любовь Федоровна Самар (см. рис. 4, а), дефиле её работ проходили в Китае, Японии. Любовь Самар является победителем первого краевого конкурса «Ремёсла земли Дерсу» (2004 г.). Кроме руководства ансамблем «Кэку», Н. М. Дигор входит в состав Союза художников РФ и АИАП ЮНЕСКО с 2020 г., её работы не раз были представлены на различных выставках (см. рис. 4, б). В 2022 г. была издана книга «Легенды и сказки нашего детства» с нанайскими сказками. Иллюстрации к ней были придуманы и вырезаны Натальей Мамоджоновной. В 2023 г. прошла выставка «Там, где спит дракон» в г. Хабаровске [7].

В средней школе с. Кондон ученики принимают участие в изготовлении из дерева различных традиционных картин, изделий под руководством Самар Михаила Александровича, учителя технологии и изобразительного искусства. Множество работ Самар М. А. украшают интерьер школы (см. рис. 4, в), на пришкольной территории построена беседка с традиционными нанайскими узорами (см. рис. 4, г). Каждый ученик оставил свой след в изготовлении узоров: девочки придумывали и рисовали узоры, а мальчики с Михаилом Александровичем вырезали по дереву. Даные занятия прививают полезные навыки ученикам и учат их важности сохранения нанайского искусства, традиций с ранних лет [3].

Отражение нанайской культуры в организации средовых решений общеобразовательной школы с. Кондон. На примере существующего в настоящее время интерьера школы с. Кондон можно сделать выводы по дальнейшей разработке проекта школы с использованием нанайского искусства, культуры. К таким особенностям можно отнести:

- стилизацию нанайского традиционного орнамента (древо жизни, изображение волн, животных, птиц, растений), использование определённых узоров в малых архитектурных формах и артобъектах;
- использование природных материалов – из дерева и его коры изготавливают картины, мебель и т. д.;

- плавность линий, округлые формы (так как нанайцы применяют волнистые, плавные узоры для того, чтобы отпугивать злых духов и запутывать их);
- цветовое решение (в культуре нанайцев жёлтый обозначает солнце; синий – р. Амур, небо; красный – огонь; зелёный – природу, траву);
- организация кабинета для музея, в экспонатах которого сохраняется культурное национальное наследие.

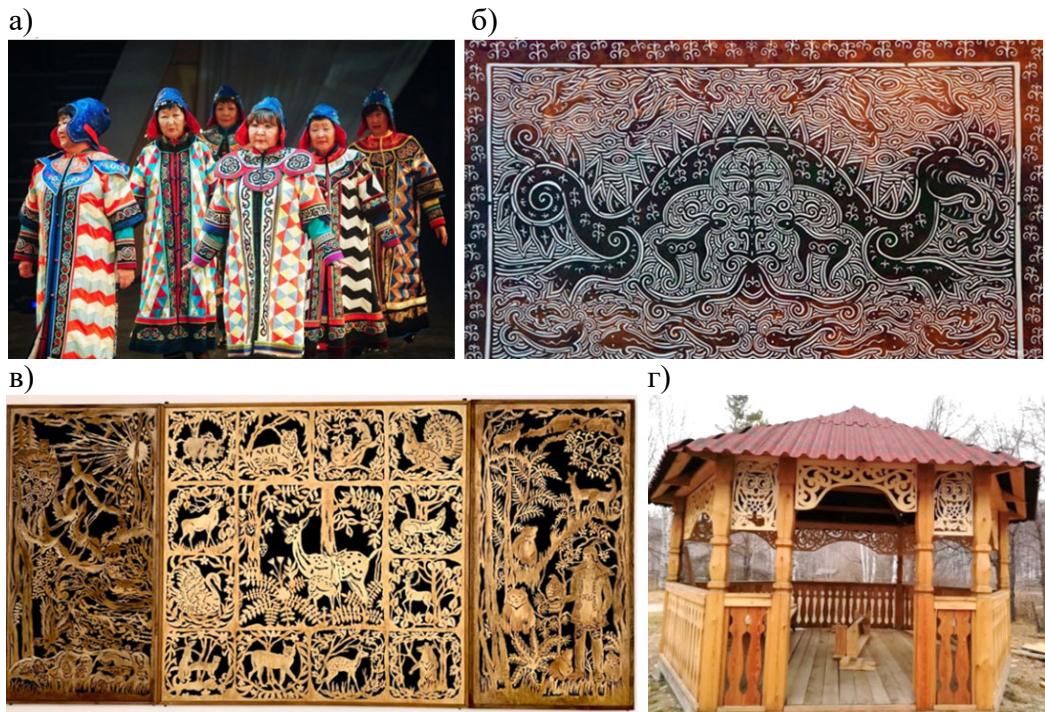

Рис. 4. Работы мастеров с. Кондон: а – дефиле нанайских халатов Самар Л. Ф.;
б – работы художника Дигор Н. М.; в – деревянное панно, Самар М. А.;
г – беседка с нанайскими узорами, Самар М. А.

В качестве заключения в проведённом исследовании можно предложить несколько дальнейших перспективных решений проблемы использования наследия национальной нанайской культуры в средовом решении с. Кондон, а именно в оформлении средней школы:

- Разработка интерьера, экsterьера в нанайском стиле у зрителя ассоциируется с использованием природных материалов, их оттенков. Национальные узоры, творческие работы изготавливают из дерева и его коры. Деревянные изделия впишутся в интерьер любого общественного помещения.

- Требуется организация школьного музея, увеличение пространства, возможна организация на территории школы музея под открытым небом. Ведь каждый год село посещают, в том числе и школу, туристы, учащиеся, работники различных школ, жители близлежащих посёлков. Данные решения способствуют большему привлечению гостей села и школы, познакомят с культурой и традициями нанайского села.

- В качестве примера использования нанайского орнамента взят студенческий проект автора исследования. Каждый из студентов-дизайнеров 3-го курса в рамках учебного проекта разрабатывал проект для гостиничного комплекса «Сиун», находящегося по улице Дзержинского, д. 3 (г. Комсомольск-на-Амуре). Специально для заказчика было спроектировано средовое решение с использованием нанайских узоров. Целями проекта были реконструкция фасада (см. рис. 5, а) и разработка интерьера номеров, коридора (см. рис. 5, б). Проект был признан лучшим, т. к. упор на применение нанайских мотивов символизировал неповторимость дальневосточного колорита. Данный

пример показывает, что дизайнерский ход с обращением к национальной стилистике имеет право быть и даёт положительные результаты, что можно применить и в селе Кондон.

а)

б)

Рис. 5. Проект гостиничного комплекса «Сиун»: а – разработка фасада с использованием нанайского орнамента; б – пример разработки интерьера с использованием нанайского орнамента

- Результаты исследования помогают понять важность влияния национальной культуры на архитектурное формообразование. Каждая из национальных культур имеет особенности, не похожа ни на какую другую, поэтому и национальная архитектура обладает своеобразными чертами.

- Нанайцы принадлежат к малочисленным народам Севера. К сожалению, их численность уменьшается, поэтому так важно сегодня сохранить для последующих поколений их самобытную культуру и неповторимость национального искусства. Такое сохранение культурного наследия важно и в архитектуре, разработке интерьера и экsterьера.

- Благодаря проведённому опросу среди жителей села Кондон были выявлены основные проблемы, касающиеся благоустройства территории, экстерьера и интерьера местной школы. Кроме этого, опрос доказывает важность сохранения национальной культуры в средовых решениях общественных мест национального села Кондон. Выявленные проблемы помогут в дальнейшем в разработке проекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Димитриади, Е. М. Анализ архитектурно-колористической образности городов Дальнего Востока / Е. М. Димитриади // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № II-2 (50). – С. 4-10.
2. Зуев, В. Ф. Село Кондон – земля легенд и сказаний / В. Ф. Зуев, П. Л. Фефилова, И. В. Панина. – Комсомольск-на-Амуре: Музей истории и регионального Совета ветеранов ДВЖД, из архива А. П. Путинцевой, 2016. – 390 с.
3. Канчуга, А. Д. Особенности нанайского искусства / А. Д. Канчуга // Трансформация информационно-коммуникативной среды общества в условиях вызовов современности: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2023. – С. 298-300.
4. Лемытская, Д. Е. Вопросы выявления и сохранения национальной идентичности в архитектуре Сибири (на примере Республики Хакасия) / Д. Е. Лемытская // Урбанистика. – 2018. – № 4. – С. 1-8.
5. Титаренко, И. Н. Сохранение культурного наследия исторических поселений в России: история и современные проблемы / И. Н. Титаренко // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 449. – С. 177-184.
6. EDURU.RU: Средняя общеобразовательная школа им. Акима Самара села Кондон Хабаровского края // Информационная система «ШКОЛЫ РОССИИ». – URL: <http://kondon.khv.eduru.ru> (дата обращения: 13.02.2024). – Текст: электронный.
7. Там, где спит дракон // 2024 КГБНУК «Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова». – Хабаровск, 2023. – URL: <https://hkm.ru/exhibition/tam-gde-spit-drakon/> (дата обращения: 09.02.2024). – Текст: электронный.
8. Вести-Хабаровск. Открытие детского сада в селе Кондон // YouTube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4IxaRnHlv-Q> (дата обращения: 13.02.2024). – Текст: электронный.

Колядинова К. Н.

K. N. Kolyadinova

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ИГР НАРОДА ХЭЧЖЭ В КИТАЕ

MYTHOLOGICAL AND SYMBOLIC ASPECTS OF TRADITIONAL GAMES OF HEDZHE PEOPLE IN CHINA

Колядинова Ксения Николаевна – аспирант Харбинского педагогического университета (Китай, Харбин); 150001, Харбин, кампус Сунбэй: экономическая зона Лиминь, ул. Шида, 1. E-mail: licht-ksenia@list.ru.
Kseniya N. Kolyadinova – PhD Student, Harbin Normal University (China, Harbin); Harbin, Songbei Campus: Limin Economic Zone, st. Shida 1. E-mail: licht-ksenia@list.ru.

Аннотация. Традиционные игры народа хэчжэ представляют собой уникальную часть нематериальной культуры, отражающую мировоззрение народа, его обычаи и социальную структуру. Они играют важную роль в образовании, социальной жизни и поддержании культурной идентичности народа хэчжэ. Исследование направлено на изучение мифологического и символического значения игр, их роли в поддержании культурного сознания и идентичности. Методом исследования является этнографический анализ, включающий сбор и изучение данных о традиционных играх, их правилах, участниках, символическом и мифологическом значении и функциях в обществе. Результаты исследования подчёркивают важность традиционных игр в передаче культурных ценностей и воспитании молодого поколения, а также их значение в сохранении и развитии культурного наследия народа хэчжэ в условиях глобализации.

Summary. Traditional games of the Hezhe people represent a unique part of their intangible culture, reflecting the worldview, customs, and social structure of the community. They play a significant role in education, social life, and maintaining the cultural identity of the Hezhe people. The study focuses on exploring the mythological and symbolic meanings of these games, their role in sustaining cultural awareness and identity. The research methodology involves ethnographic analysis, encompassing collection and study of data on traditional games, their rules, participants, symbolic and mythological significance, and societal functions. Findings underscore the importance of traditional games in transmitting cultural values, educating the younger generation, and their role in preserving and developing the cultural heritage of the Hezhe people amid globalization.

Ключевые слова: мифология, символика, традиционные игры, народ хэчжэ, нематериальная культура, Китай.

Key words: Mythology, symbolism, traditional games, Hezhe people, intangible culture, China.

УКД 008

Сохранение культурного наследия малочисленных народов в условиях глобализации является важной задачей современного общества [2]. Традиционные игры народа хэчжэ являются уникальной частью нематериальной культуры, отражая его мировоззрение, обычаи и социальную структуру. Эти игры, передаваемые из поколения в поколение, играют ключевую роль в социальной жизни и поддержании культурной идентичности.

Народ хэчжэ, также известный в России как нанайцы, является одной из самых малочисленных этнических групп в Китае, проживающей в районах Тунцзян, Фуюань и Жаохэ провинции Хэйлунцзян [3]. На протяжении истории хэчжэ сформировали уникальную спортивную культуру, связанную с рыбалкой и охотой. Традиционные игры этого народа не только развлекательны, но и обучают навыкам, необходимым для выживания в суровых условиях.

Настоящее исследование направлено на изучение мифологического и символического значения традиционных игр народа хэчжэ в Китае, а также на анализ их роли в поддержании культурного сознания и идентичности и их значения в китайском обществе.

В настоящее время проблема нематериального культурного наследия является объектом дискуссий широкого круга отечественных и зарубежных исследователей. Существенный вклад в исследование этой проблемы внесли Л. А. Климов, Т. С. Курьянова, М. Аливизату, Л. Соланила, Н. Акагава, Байер де Хаан, М. Е. Каулен, Л. Смит, Н. Кауфман, Р. Курин, Д. С. Лихачев, К. Ж. Нвабуезе, Р. Регенвану, Ч. Хикёнг, Н. Суми и др.

Исследование включало этнографический анализ и сбор данных о традиционных играх народа хэчжэ, их правилах, участниках, а также символическом и мифологическом значении. В ходе подготовки изучены источники на китайском и русском языках, установлены контакты с представителями общины Тунцзяна – важного центра со значительным числом народа хэчжэ, где традиционные игры и культурные практики сохранились наиболее полно. Жизнедеятельность общины хэчжэ в современных городских условиях характеризуется адаптацией к новым реалиям и поиском баланса между сохранением традиций и интеграцией в современное общество.

Основными методами сбора данных стали включённое наблюдение и интервью. Исследователь участвовал в жизни общины, фиксируя информацию в полевых дневниках и с помощью фотосъёмки, что позволило документировать правила игр и атмосферу событий. Интервью с членами общины проводились с применением диктофона и дополнялись письменными заметками. Наблюдения и интервью в «Тунцзянском музее народа хэчжэ» и «Саду в этническом стиле хэчжэ» предоставили данные о правилах, значении и эволюции игр. Выборка состояла из 14 респондентов разных возрастов (от 18 до 75 лет), представляющих различные социальные и профессиональные группы (сельское хозяйство – 6 чел., образование – 4 чел., культура и искусство – 3 чел., туризм – 1 чел.), основной упор был сделан на взрослых участников, т. к. они могут предоставить наиболее полные сведения о символике и мифологии игр. Установленные контакты с местными представителями значительно упростили участие исследователя в сакральных действиях, связанных с традиционными играми. Особое внимание было уделено соблюдению норм и обычаев для минимизации воздействия присутствия исследователя на процесс.

Анализ полученной информации начался с транскрибирования аудиозаписей и систематизации полевых заметок. Затем использовались методы тематического анализа для выявления ключевых тем и символов в традиционных играх. Анализировались вербальные и невербальные элементы игр для понимания их мифологического и символического значения. Количественные данные, такие как частота участия и количество игроков, обрабатывались простыми статистическими методами для обеспечения надёжности результатов.

Помимо первичных данных, использовались вторичные источники, включая ранее опубликованные этнографические исследования, записи игр, видеоматериалы и современные адаптации игр в рамках культурных программ Китая. Эти материалы обогатили данные, предоставив исторический контекст. Несмотря на то что исследование носило в основном качественный характер, обеспечению точности данных было уделено особое внимание. Для этого использовались методы триангуляции, включающие сравнение данных, полученных различными методами (наблюдение, интервью, анализ вторичных источников). Кроме того, данные были проверены на внутреннюю согласованность, что помогло минимизировать возможные ошибки и искажения. В случаях, когда возникали противоречивые свидетельства, проводились дополнительные интервью для уточнения и подтверждения информации. Игры наблюдались в естественных условиях во время традиционных праздников общины и фестиваля «Уригун», что позволило собрать данные, максимально отражающие реальность.

Нематериальное культурное наследие народа хэчжэ отражает уникальные представления о мире и социальном устройстве [4]. Так, традиционные игры народа хэчжэ играют важную роль в передаче культурных ценностей и воспитании молодого поколения [6]. Одним из примеров является традиционная игра «Чачицой», что в переводе с китайского языка означает «игра с тростниковым мячом» [8]. В нанайской культуре эта игра известна как «Чакпан» и служит для тренировки навыков ловли рыбы и охоты [1]. «Чачицой» продолжает рыболовно-охотничьи традиции хэчжэ, изначально предназначаясь для развития меткости и защиты от диких животных [13]. Народ

хэчжэ, имитируя ловлю рыбы, использовал деревянные вилы или бамбуковые палки для ловли катящихся травяных шаров, развивая тем самым реакцию и навыки.

В китайской традиционной литературе мифологическое значение игры «Чачицкой» исследовали Сюй Чанхань и Хуан Жэньюань в работе «Литература хэчжэ», которая является частью проекта по исследованию истории литературы этнических меньшинств Китая [11]. Мифологическое значение игры «Чачицкой» можно глубже понять, изучая её происхождение и эволюцию. Анализ показывает, что игра, берущая начало в рыбной ловле и охоте, тесно связана с образом жизни и культурой народа хэчжэ, выходя за рамки обычной спортивной деятельности.

В культуре хэчжэ рыбная ловля и охота играют ключевую роль в поддержании жизни. Эта игра не только демонстрирует физические способности и навыки народа хэчжэ, но и передаёт ценности единства, соревнования и мудрости выживания [12]. Китайские исследователи отмечают, что традиционная игра «Чачицкой» могла изменяться в своей форме и правилах с течением времени, однако её основополагающий дух – важность участия сообщества и коллективных действий – сохранялся [16]. Игра «Чачицкой» – это не только физическое состязание, но и социальное и культурное явление, укрепляющее связи и чувство идентичности с духом соперничества между двумя равными командами.

Анализ символического значения игры показывает её роль в передаче знаний о природных ресурсах и охотничьих традициях, важных для культурной идентичности хэчжэ. Участники изучают природу, растения, животных и традиционные методы охоты и рыболовства. Молодёжь обучается ловле рыбы и изготовлению инвентаря из природных материалов, что важно для сохранения традиционного ремесла. Инструменты, используемые в игре «Чачицкой», также имеют глубокое символическое значение. Бамбуковая палка олицетворяет стойкость и адаптивность, отражая способность народа выживать в различных природных условиях [17]. Шар, сделанный из травы, символизирует жизнь, возрождение и непрерывный природный цикл [9]. Эти элементы подчёркивают гармонию между человеком и природой, а также уважение к жизненной силе и природным циклам. Игра «Чачицкой», таким образом, становится не просто спортивным состязанием, но и символическим действием, через которое выражается философия жизни народа, его ценности и уважение к окружающей среде.

Другой пример традиционной игры – национальная борьба «Шуай цзяо» [15], в нанайской культуре известная как «Вачан» [5]. В китайской культуре борьба является частью спортивных соревнований и имеет глубокий культурный символизм [10]. Многие герои классической китайской литературы в совершенстве владеют навыками борьбы, к примеру, Ван Цин в романе «Граница воды» и Сюй Чу в романе «Троецарствие», таким образом делая борьбу символом национального духа Китая. Для народа хэчжэ национальная борьба «Шуай цзяо» важна не только как спорт, но и как средство укрепления общественной сплочённости и коллективной чести. Она возникла из трудовых практик и межплеменных конфликтов [14], укрепляя физическую подготовку и сплочённость общества.

Национальная борьба «Шуай цзяо» тесно связана с мифами и легендами народа хэчжэ. Например, в имаканском эпосе «Сян Соу Можигэн», что в переводе с языка хэчжэ означает «герой Сян Соу», национальная борьба «Шуай цзяо» описывается как важный способ состязания, отражающий её значимость в культуре хэчжэ. Кроме того, борцовские поединки часто сопровождались пением, образуя уникальный культурный феномен, который ещё больше усиливает символическое значение борьбы в культуре хэчжэ. Культурный смысл традиционных игр народа хэчжэ на примере национальной борьбы «Шуай цзяо» проявляет как положительные, так и отрицательные коннотации, в результате чего обнаруживается наличие концептуальных бинарных оппозиций: обучение и опасность, сотрудничество и соперничество. На фестивале «Уригун» борьба демонстрирует национальный дух и уважение к традициям хэчжэ.

Ещё одним примером является игра «Данмулин», что в переводе с китайского означает «забрасывание деревянных колёс». Изначально игра, связанная с деятельностью хэчжэ по строительству рыболовных лодок, заключалась в бросании и катании деревянных колёс, оставшихся от изготовления лодок. Со временем она усложнилась: теперь игроки бросают катящиеся колеса в сет-

ку и ловят их [7]. Так как исследований, описывающих правила игры, не было найдено, их описание основано на наблюдениях и интервью на фестивале «Уригун». В игре «Данмулин» участвуют два и более человек, использующих длинный деревянный шест для метания и ловли колеса. Успешный лов позволяет продвигаться вперёд, неудачный – отступать назад. Игра имеет глубокое символическое значение, связанное с рыболовством и охотой, и служит тренировкой в метании копья. Хотя прямой связи с мифами нет, «Данмулин» отражает традиционные верования и ценности хэчжэ, включая поклонение природе и акцент на гармонии и единстве. Бросание колеса символизирует высвобождение силы или контроль над природой, а сама игра напоминает священный ритуал, стремящийся восстановить космическое равновесие, что можно сопоставить с религиозными ритуалами в других культурах, например в древней Центральной Америке.

Категориальное деление традиционных игр в культуре хэчжэ включает пять основных групп: игры, связанные с трудовой деятельностью, физической подготовкой, подражанием животным, детские и комплексные игры. Наиболее значимыми являются игры, связанные с охотой и рыболовством. Эти категории подчёркивают высокий культурный и социальный статус игровых практик в обществе хэчжэ.

Исторически игры хэчжэ эволюционировали от ассимиляции к адаптации, выполняя развлекательные, образовательные и спортивные функции. Они передают культурные навыки, укрепляют социальные связи и развиваются коллективную идентичность. Совместное участие способствует командной работе и уважению. В условиях модернизации традиционные игры хэчжэ сталкиваются с изменениями и вызовами.

Во-первых, изменения в образе жизни и ценностях современного общества привели к снижению интереса к традиционным играм. Популярность современных технологий и развлечений сделала молодых людей более склонными к видеоиграм и другим современным формам досуга, что сокращает их участие в традиционных играх.

Во-вторых, глобализация и урбанизация повлияли на традиционный образ жизни народа хэчжэ, сократив занятия рыболовством и охотой, что ослабило социальную основу и культурное значение игр.

В-третьих, отсутствие письменности у народа хэчжэ ограничивает передачу культурных традиций, которая осуществляется устно, что повышает риск утраты информации со временем.

В-четвёртых, традиционная спортивная культура народа хэчжэ как субкультура находится под влиянием массовой спортивной культуры и постепенно теряет значимость, не привлекая должного внимания со стороны правительства. Это затрагивает не только спортивные мероприятия, но и образ жизни и формы досуга.

На основе проведённого исследования можно сделать следующие выводы. Идентификация мифологических и символических аспектов традиционных игр способствует сохранению национальной культуры народа хэчжэ и других малочисленных народов. Это особенно важно в условиях глобализации, когда уникальные культурные черты рисуют быть утраченными. Признание этих аспектов укрепляет культурное сознание и гордость за наследие, играя ключевую роль в сохранении этнической культуры.

Традиционные игры хэчжэ, такие как «Чачицой», национальная борьба «Шуай цзяо» и «Данмулин», являются важной частью нематериального культурного наследия. Они не только развлекательны, но и культурно значимы, отражая образ жизни и ценности народа хэчжэ. Эти игры способствуют передаче традиционных знаний и поддерживают культурную идентичность общины. Полученные данные подтвердили и расширили знания о традиционных играх, выявив их мифологические и символические значения и изменения, вызванные урбанизацией и глобализацией. Исследование показало, что традиционные игры остаются актуальными и важными для воспитания и социализации молодёжи, несмотря на вызовы глобализации и урбанизации. Они помогают сохранять и развивать культурное наследие, передавать ценности и обучать молодое поколение. В условиях изменения образа жизни и внедрения новых технологий популяризация и сохранение традиционных игр особенно важны для поддержания культурной идентичности народа хэчжэ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышникова, А. В. Нанайские игры и национальные виды спорта в физическом воспитании школьников Хабаровского края / А. В. Барышникова, Л. Г. Чернышева // Актуальные проблемы физического воспитания, спорта и безопасности жизнедеятельности: теория и практика: сборник научных трудов, Хабаровск, 23 ноября 2017 года / под ред. Р. С. Ткача, Е. Н. Ткач. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. – С. 157-162.
2. Мусалитина, Е. А. Проблемы сохранения культурного наследия малочисленных народов в условиях урбанизации современного Китая / Е. А. Мусалитина, И. Г. Турбанов // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 36-42.
3. Ставров, И. В. Малый народ большой страны: положение хэчжэ (нанайцев) в современном Китае / И. В. Ставров // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2019. – Т. 24. – С. 98-115.
4. Сунь На. Наследие и охрана технологии обработки рыбьей кожи Хэчжэ в Китае / Сунь На, Г. В. Алексеева // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад: материалы XXVII Международной научной конференции, Владивосток, 17 ноября 2022 года. Вып. 27. – Владивосток: Дальнаука, 2023. – С. 88-92.
5. Фадеева, О. О. Влияние национальных подвижных игр и состязаний на развитие физической культуры коренных народов Дальнего Востока / О. О. Фадеева, Е. В. Занкина // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы VI Всерос. нац. науч. конф. молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 10-14 апреля 2023 года. В 3 ч. Ч. 3. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2023. – С. 575-577.
6. Цзян, Ц. Образовательная стратегия по защите и наследию культуры хэчжэ (нанайцев) на правом берегу реки Хэйлунцзян (Амур) / Ц. Цзян, Л. Сун, И. А. Батуева // Педагогический журнал. – 2019. – Т. 9. – № 1-2. – С. 765-774.
7. Cai, J. The Evolution of the Wooden Wheel Game of the He Zhe Nationality and Its Inheritance and Development in Schools / J. Cai // Journal of Jilin Sport University. – 2016. – Vol. 32, No. 6. – P. 92-95.
8. Cui, Y. Discussion about the Modern National Culture of the Hezhen Nationality / Y. Cui, M. Jin // Heilongjiang National Series, 2004. – P. 72.
9. Jiang, N. Research on the Forked Frass Ball Culture of the Hezhe Ethnic / N. Jiang, S. Liu // Journal of Mudanjiang Normal University (Natural Science Edition). – 2024. – No. 1. – P. 42-45, 77.
10. Jin, L. Research on the Hezhen Wrestling Sports Types, Characteristics and Inheriting Methods / L. Jin, Y. Jin, G. Zhang // Journal of Mudanjiang Normal University, 2023, No 2. – P. 44-49.
11. Li, X. New Achievements in the Study of Hezhe Folk Literature: An Overview of «Hezhe Literature» / Li X., M. Han // Teaching and Research. – 1993. – No. 05. – P. 144.
12. Tan, J. Formation of Hoche's Fishery Culture and Its Inheritance / J. Tan // Academic Exchange. – 2012. – No. 3. – P. 64-68.
13. Wang, X. The Origin, Evolution and Development of the Grass Roots Sport of Hezhen Nationality / X. Wang // Wushu Studies. – 2018. – No. 3. – P. 120-121.
14. Wu, J. Interpretation of Hezhe Traditional Sports Culture from the Perspective of Genetic Epistemology / J. Wu, B. Hao // Journal of Hebei Sport University. – 2020. – Vol. 34, No. 1. – P. 92-96.
15. Zhang, H. Formation and transition of traditional sport of Hezhe nationality / H. Zhang, X. Li // Journal of Physical Education. – 2009. – Vol. 16, No. 4. – P. 93-98.
16. Zhang, Y. Popularization and Promotion of Hezhe Traditional Sports in Colleges and Universities in Heilongjiang Province from the view of Sunshine Sports / Y. Zhang, L. Liu // China Winter Sport. – 2014. – Vol. 36, No. 2. – P. 55-58.
17. Zhao, N. Cultrual and Functional Support in Designing of Bamboo Products / N. Zhao, D. Lei, L. Wu // Journal of Bamboo Research. – 2010. – No. 2. – P. 52-58.

Крыжановская Я. С., Нищимных А. А.
I. S. Kryzhanovskaia, A. A. Nishchimnykh

КОРПОРАТИВНЫЙ МУЗЕЙ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ ЭНЕРГЕТИКИ ИМ. В. П. БОЖЕДОМОВА, Г. ХАБАРОВСК)

CORPORATE MUSEUM IN THE CULTURAL SPACE OF A MODERN CITY (ON THE EXAMPLE OF THE V.P. BOZHEDOMOV ENERGY MUSEUM, KHABAROVSK)

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. 8(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture, 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. 8(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Нищимных Анна Андреевна – студент направления подготовки «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. 8(909)806-59-26. E-mail: 9098065926a@gmail.com.

Anna A. Nishchimnykh – Student Major in Museology and Protection of Cultural and Natural Heritage Objects, Khabarovsk State Institute of Culture, 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. 8(909)806-59-26. E-mail: 9098065926a@gmail.com.

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена корпоративного музея, который сегодня воспринимается не только как ресурс развития бренда компании, но как важный элемент городской культурной среды, открытый для коммуникации с разными группами посетителей. Актуальность исследования обусловлена расширением миссии корпоративных музеев – от первоначальной актуализации бренда и истории предприятия до решения социальных и культурно-просветительских задач. В работе прослеживается предыстория российских корпоративных музеев начиная с петровской Модель-камеры и заводских музеев XIX в. Обобщается опыт работы Музея энергетики им. В. П. Божедомова (г. Хабаровск) как одного из региональных корпоративных музеев, активно взаимодействующего не только со специалистами отрасли в рамках внутрикорпоративных программ, но со школьниками, студентами (включая детей с ОВЗ и инвалидностью), всеми желающими в рамках экскурсий, квестов и тематических занятий.

Summary. The article is devoted to the analysis of the phenomenon of the corporate museum, which today is perceived not only as a resource for the development of the company's brand, but as an important element of the urban cultural environment, open to communication with different groups of visitors. The relevance of the research is due to the expansion of the mission of corporate museums – from the initial actualization of the brand and the history of the enterprise to solving social, cultural and educational tasks. The work traces the prehistory of Russian corporate museums – starting with the Petrovsky Model Chamber and factory museums of the nineteenth century. The experience of the V. P. Bozhedomov Museum of Energy (Khabarovsk) is summarized as one of the regional corporate museums, actively interacting with not only industry specialists within the framework of internal corporate programs, but with schoolchildren, students (including children with disabilities and disabilities), everyone, conducting excursions, quests and thematic classes.

Ключевые слова: музеология, корпоративный музей, музейное занятие, Музей энергетики им. В. П. Божедомова, энергоквест.

Key words: museology, corporate museum, museum occupation, V. P. Bozhedomov Energy Museum, energoquest.

УДК 304.4 (374.32)

Корпоративные музеи – музеи, создаваемые крупными брендами для демонстрации своих достижений, – за последние десятилетия стали важной частью музейного мира. Распространённость термина уже свидетельствует о значимости таких институций, ориентированных на решение стратегических задач компаний музейными средствами. Сегодня география корпоративных музеев в нашей стране весьма обширна – от Владивостока до Калининграда, однако точное их количество назвать затруднительно. Так, Н. А. Никишин ещё в 2021 г. приводил данные, согласно которым корпоративные музеи в России – вторая по численности группа из негосударственных (после школьных музеев), а общее их число приближается к 7000 [3, 5]. Однако на платформе «Корпоративный музей» представлено 213 зарегистрированных участников, причём в «конкурсе регионов» лидирует Москва (25 музеев) и Санкт-Петербург (20) [6]. Дальний Восток в этом списке представляют Благовещенск (1), Владивосток (3), Комсомольск-на-Амуре (2), Хабаровск (3).

За последние годы не только выросло количество корпоративных музеев, расширилась их география, но и изменились формы работы, ориентированные на целевую аудиторию. Если первоначально деятельность музеев предприятий была обращена к коллегам, специалистам в данной отрасли, то сегодня такие музеи становятся всё более публичными, обращёнными к самой широкой аудитории. В словосочетании «корпоративный музей» акцент всё более смещается именно к «музею» как учреждению, выполняющему гуманистическую просветительскую миссию через знакомство с уникальными тематическими собраниями. Расширением миссии корпоративных музеев (от первоначальной актуализации бренда и истории предприятия до решения социальных и культурно-просветительских задач) и необходимостью анализа и оценки этого процесса обусловлена актуальность исследования.

Явление корпоративного музея сегодня недостаточно изучено, в литературе представлены лишь отдельные публикации Е. Н. Мастеницы, Н. Никишина, Ю. Сапанжа, Н. Сербиной, в которых анализируются основные направления деятельности музеев по формированию корпоративной культуры предприятий, функции таких музеев, их аудитория и социальный статус [9; 10; 13; 14]. И если общетеоретические вопросы функционирования корпоративных музеев рассматривались рядом российских авторов, то деятельность хабаровского Музея энергетики им. В. П. Божедомова пока не привлекала внимание исследователей.

Хотя феномен корпоративного музея в значительной степени является частью современной культуры, однако, как любое явление, он имеет свои исторические корни. В качестве первой корпоративной протомузейной формы можно рассматривать Модель-камеру в Санкт-Петербурге, основанную 24 января 1709 г., – именно эта дата в России отмечается как День корпоративных музеев. Модель-камера представляла собой пространство для хранения моделей кораблей и размещалась рядом с бюро, где разрабатывались проекты новых судов. В 1722 г., когда вышел в свет «Регламент о управлении адмиралтейства и верфи», в п. 25 гл. 20 этого документа говорилось: «Когда зачнут который корабль строить, то надлежит приказать тому мастеру, кто корабль строит, сделать половинчатую модель на доске, и оную купно с чертежом по спуске корабля, отдать в коллекцию Адмиралтейскую» [12]. Обладая обширными коллекциями моделей, чертежей и инструментов, Модель-камера использовалась как образовательная площадка для обучения моряков и корабельных инженеров. Не будучи музеем в полном смысле этого слова из-за ограниченного доступа и специфических задач, связанных с кораблестроением, Модель-камера наряду с прикладными выполняла музейные функции, такие как сбор, сохранение и изучение объектов морского строительства.

Из более поздних предтеч корпоративных музеев можно назвать Музей оружия при Тульском оружейном заводе (коллекция складывалась с 1724 г. по указу Петра, а уже в 1775 г. посетившая завод Екатерина II решила создать на её базе Палату редкого и образцового оружия), Музей железнодорожного транспорта (основан в 1813 г. в Санкт-Петербурге как фонд для хранения моделей Корпуса инженеров путей сообщения) и музей Петербургского фарфорового завода (основан в 1844 г. по распоряжению Николая I к 100-летию Императорского фарфорового завода как

хранилище образцов, достойных изучения и копирования). Появление этих музеев стало побочным продуктом промышленной революции и перехода от ручного труда к машинному.

В советское время корпоративные музеи отсутствовали, так же как и корпорации, из-за отказа государства от частной собственности. При этом работали отраслевые и ведомственные музеи, рассказывающие об истории заводов и фабрик. Эта общественная инициатива предприятий существовала десятилетиями для сохранения традиций трудовых коллективов. После распада СССР в 1991 г. многие предприятия прекратили своё существование, в то время как другие смогли сохранить работоспособность, а некоторые компании были реорганизованы в более мелкие. Со временем, уже в 2000-х гг., ветераны, отдавшие годы жизни производству, начинают понимать, что история их предприятия в новых социально-экономических условиях может исчезнуть. Именно эти люди инициируют создание ведомственных музеев. Сегодня тренд на организацию музея предприятия ужеочно закрепился в формате корпоративного музея, однако целью его создания являются не только беседы о прошлом и формирование традиций, но и презентация стратегии развития организации в будущем. Также этот тип музеев выполняет профориентационную функцию, показывая, какие специалисты требуются в той или иной сфере, и тем самым подкрепляют интерес молодёжи выбирать их отрасль для обучения и работы. Они помогают укреплять бренд и формировать позитивное восприятие компании в социуме.

Корпоративный музей – это «институт сообщества, объединённого признаком принадлежности его членов к конкретной организации, обладающей полной автономией в формировании собственной системы коммуникации, моделей деятельности и стратегий развития» [9, 14; 10, 9]. Такой музей не только аккумулирует, сохраняет и исследует культурно-историческое наследие отрасли, но и формирует внутреннюю культуру организации. По мысли Е. Н. Мастеницы, «музей выступает транслятором корпоративной культуры во внешнюю среду, поэтому и от качества предоставляемых музейных услуг зависит имидж предприятия или фирмы» [7, 118]. Будучи важным элементом корпоративной культуры, музеи очень наглядно представляют не просто историю организации, но легендарно-исторический компонент, без которого эта культура не может существовать. Такой компонент, включающий «сюжеты о становлении организации, этапах её сакрализованного исторического пути, трудностях и препятствиях, которые были успешно преодолены или преодолеваются, в моделировании альтернативного социального пространства корпоративной культуры формирует коллективную память организации как “священную историю”» [11, 6].

Сегодня таких музеев существует огромное количество, они различаются по характеру собрания, соответствующему специфике деятельности компаний, при этом цели их работы практически всегда одинаковы: они выполняют функцию образовательных центров, предлагая знания о формах и методах производства, нововведениях и истории определённой сферы деятельности, также они являются центрами по формированию и трансляции коллективной корпоративной мифологии, поддержанной героико-исторической составляющей, наконец, они помогают молодёжи с выбором профессии, воспитывают будущих сотрудников.

Музейная энциклопедия, определяя понятие «корпоративный музей», акцент делает на его профессиональной замкнутости: «эти музеи ... не ставят перед собой просветительских целей, не доступны для свободного посещения и более других ведомственных музеев ориентированы на решение корпоративных задач» [5]. Однако сегодня многие музеи выходят за рамки узкой профессионализации в публичное пространство, привлекая широкую аудиторию разных возрастов, являются важным туристским ресурсом.

Так, в культурном пространстве г. Хабаровска активно заявляет о себе целый ряд музеев разной тематики. Это хабаровский филиал Музея Банка России, Музей истории Амурского моста (ДВЖД), Музей «Тюремный замок», созданный УФСИН по Хабаровскому краю на базе СИЗО-1 и др. Все эти музеи на безвозмездной основе проводят экскурсии для горожан, школьников и студентов, участвуют в музейных праздниках, организуют квесты и т. п. Одним из таких открытых корпоративных музеев Хабаровска является Музей энергетики. Он был основан в 2010 г. как отдел АО «Дальневосточная генерирующая компания» по инициативе В. П. Божедомова, ветерана энергетики, проработавшего в этой сфере 50 лет. Виктор Петрович возглавил музей, собрание которого представляло историю становления энергетики Хабаровского края и Еврейской автономной обла-

сти. Спустя некоторое время концепция экспозиции была откорректирована, и теперь музей рассказывает всем желающим об истории развития энергетики от середины XVIII в. до наших дней.

В экспозиции представлены подлинные предметы и интерактивные экспонаты, всегда привлекающие внимание детей. И если на момент открытия собрание насчитывало 245 предметов, то сейчас фонды включают свыше 2500 единиц хранения, постоянно пополняясь. Самому стариинному экспонату 125 лет. Это огнеупорный кирпич из дымовой трубы котельной кадетского корпуса, сделанный в конце XIX в. на заводе А. Старцева, сына декабриста Н. Бестужева, потомки которого и сегодня работают в АО «ДГК» во Владивостоке. С 2018 г. Музей энергетики носит имя его основателя – В. П. Божедомова [8].

Сегодня основная целевая аудитория музея – это школьники и студенты, они составляют примерно 80 % от общего числа посетителей. На них в первую очередь рассчитано многообразие культурных программ – от классических экскурсий и лекций до интерактивных музейных занятий, квестов и виртуальных туров по музею.

Экскурсия – наиболее привычная форма работы с посетителями в музее. Обзорная экскурсия «От огнедышащей машины до ТЭЦ» предлагает посетителям от 14 лет новые знания по истории энергетики, представленные в увлекательной форме. В экскурсии 4 части. Первая часть посвящена истории энергетики – от паровой машины до лампы накаливания и прокладки первых ЛЭП. Рассказ сопровождается показом портретов изобретателей, демонстрацией изобретений того периода и общением с посетителями с помощью вопросов: «Какую единицу измерения назвали в честь Джеймса Ватта? Кто изобрёл лампу накаливания? Чем люди освещали свои дома до электричества?» Помимо базовых приёмов показа/рассказа, демонстрируется работа динамо-машины – наглядная и простая система для объяснения принципа работы. Во второй части речь идёт о становлении энергетики на Дальнем Востоке. Рассказ начинается с истории применения электричества военными во Владивостоке на оборонительных батареях и в торговых домах Кунста и Альберса. Далее посетители проходят к макету первой электростанции, затем по логической и временной цепи передвигаются к деревянному водоводу и истории строительства Хабаровской ТЭЦ-2. История энергетики времён Первой и Второй мировых войн иллюстрируется табличками с энергопоездами, фотографиями работников ТЭЦ-2 и виниловой пластинкой «Техника безопасности при работе котлоочистки». После этого гости узнают историю строительства Хабаровских ТЭЦ-1 и ТЭЦ-3, а завершается блок необычным опытом звонка по чугунному телефону, которому 70 лет.

В третьей части экскурсии слушатели знакомятся с принципами работы современной ТЭЦ: демонстрируются способ выработки электроэнергии, системы контроля и охлаждения воды, устройство утепления труб для передачи горячей воды в жилые дома. Материал этой части транслируется с помощью видеоролика либо с помощью схемы и макетов в зале. Преимущество первого варианта в том, что экскурсанты могут переключить внимание на другого рассказчика, тем самым сохраняя интерес. Преимущество второго – в наглядности схем и макетов, которые дают визуальное представление о предмете повествования. Завершает экскурсию рассказ о географии объектов АО «Дальневосточная генерирующая компания», иллюстрируемый интерактивной картой региона с отмеченными электростанциями. Таким образом, экскурсия не только выполняет культурно-образовательную функцию (в том числе дополняя школьные знания по физике, истории региона и т. п.), но и функцию профориентационную, привлекая новые кадры через трансляцию положительного имиджа компании.

Другая традиционная форма работы с посетителями – музейная лекция, т. е. образовательное мероприятие, проводимое в музее или на его базе с целью предоставления знаний по теме, связанной с музеиными коллекциями или исследованиями [1, 30]. Такие лекции могут охватывать широкий спектр тем и предназначаться разным слушателям – от школьников и студентов до узких специалистов. Формат их организации вариабелен: это открытые встречи, циклы лекций по определённой теме, лекции в рамках научных конференций и т. п. Но при любом подходе музейные лекции способствуют глубокому пониманию культурно-исторического контекста экспонатов, расширению кругозора посетителей. При этом главная особенность лекций в музее заключается в том, что небольшое число предметов дополняется видеопрезентацией, создающей визуальную связку иллюстрация-информация.

В Музее энергетики разработана лекция «По следам Эдисона», которая рассказывает об истории электрификации, великих изобретателях и учёных, определивших развитие промышленности, быта в XIX, XX и даже XXI вв. Первая часть лекции «XVIII век – век пара» посвящена изобретениям М. Ломоносова (громоотвод), И. Ползунова (паросиловая установка) и Дж. Уатта (паровой двигатель), которые спровоцировали переход от ручного труда к машинному. Рассказ дополняется демонстрацией работы электрофорной машины. Вторая часть «XIX век – эра электричества» содержит информацию об изобретении В. фон Сименса (динамо-машина), изобретении первых ламп (П. Яблочкин, А. Лодыгин, Т. Эдисон) и историю первых электростанций в США, России и на Дальнем Востоке. В отличие от экскурсии, в лекции присутствует меньше экспериментов и демонстраций приборов, но работа динамо-машины сюда включена. Третья часть «Битва токов» рассказывает о противостоянии Т. Эдисона, Дж. Вестингауза и Н. Теслы, а также о теории Н. Теслы о беспроводной передаче электричества. Лекция проходит во втором зале с показом музейных предметов (табличек с турбогенераторами и с энергопоездом № 158). «Применение электричества» – последняя часть, посвящённая применению электричества в быту, в городе и удалённых местах. Следует отметить, что такой подход, при котором история конкретной региональной организации (АО «Дальневосточная генерирующая компания») интегрирована в общий исторический контекст (история мировой электрификации), в том числе поддерживает корпоративную мифологию организации, подчёркивает её социальную значимость.

В отличие от музейных лекций и экскурсий, ориентированных на аудиторию 14+, музейно-педагогические занятия с интересом посещают младшие школьники. Музейное занятие – это образовательная активность, проводимая с целью обучения, воспитания и развития посетителей разных возрастных групп. Занятия могут включать мастер-классы, интерактивные игры, обсуждения и другие формы взаимодействия с аудиторией [15, 105]. Музейное занятие «В мире электричества» рассчитано на детей 7-13 лет. В первой его части, посвящённой истории открытия статического электричества, юные экскурсанты узнают о древнегреческом математике и философе Фалесе Мiletском, а также экспериментируют с эbonитовой палочкой и действием электрического поля на разные предметы. После этих опытов посетители рассуждают о правилах безопасности при грозе на открытых пространствах, параллельно узнавая про атмосферное статическое электричество. Для закрепления знаний проводится ряд опытов с электрофорной машиной. Во второй части занятия («Изобретение “ручного” электричества и примитивные электроприборы») демонстрируются работа примитивной электростанции в виде динамо-машины и макет первой дальневосточной электростанции, рассматривается работа популярных домашних электроприборов, акцентируется важность экономичного потребления электричества. В третьей части дети рассматривают устройство электростанции и сравнивают увиденное на макете и фотографиях с реальной ТЭЦ. Последняя часть представляет «Тесла-шоу» и включает демонстрацию работы катушки Тесла, разнообразной реакции ламп на неё и возможность безопасно потрогать молнию. В зависимости от возраста и интересов детей, а также климатических условий занятие может заканчиваться собираением тематических пазлов или созданием мелкими рисунками на тему ТЭЦ и её устройства на прилегающей территории музея. Таким образом, важная особенность музейного занятия заключается в его интерактивном характере – постоянном диалоге-контакте с экскурсантами с помощью подготовленных загадок, участия в опытах, совместных активностей и др.

Первоначально это занятие, как и ряд других, были разработаны в 2019 г. для программы «Каникулы в музее...», адресованной воспитанникам детских домов № 4 и 5 г. Хабаровска. Позже они с успехом распространились и на учеников других школ. Также Музей энергетики уже несколько лет активно сотрудничает с частной школой «Кит», где обучаются в том числе дети с ОВЗ и инвалидностью. Музейное занятие «В мире электричества» хорошо трансформируется под таких детей. Например, для детей с нарушением речевой функции в музее подготовлены специальные карточки с ответами на загадки, которые позволяют им участвовать в занятии без устного высказывания и таким образом преодолевать препятствия в общении.

Формой работы, недавно вошедшей в «репертуар» музея, является квест, т. е. интерактивное приключение или игра, в которой участники решают загадки, выполняют задания и исследуют

окружающее пространство для достижения определённой цели. Квесты могут проводиться как в реальном мире, так и в виртуальной среде и предлагают участникам возможность активно взаимодействовать с окружающей средой и другими участниками [3, 151]. Основные характеристики квеста: исследование, командная работа, временные ограничения, интерактивность, развлекательный и образовательный формат. В Музее энергетики был разработан энергоквест «Путь к сердцу ТЭЦ». Обычно музейные квесты проходят на экспозиции. Но Музей энергетики, чья экспозиция размещена в двух залах площадью в 120 м², не может позволить большой группе посетителей свободно перемещаться среди экспонатов. Поэтому программа «Путь к сердцу ТЭЦ» является квестом по городскому пространству в сопровождении сотрудников музея. Она включает шесть заданий, выполняя которые участники передвигаются к следующим пунктам и таким образом возвращаются обратно в музей.

На первом этапе квеста – «Звёздные войны» – необходимо собрать электрическую схему на солнечной батарее, благодаря которой звучит тема из кинофильма «Звёздные войны». Для этого детям даётся схема и одинаковые наборы конструкторов для двух команд. Чем быстрее команда справится с задачей, тем быстрее возьмёт рюкзак с новым заданием, своего сопровождающего и перейдёт к следующему этапу. На втором этапе («История энергетики») с помощью фотографий-подсказок нужно найти памятник первой дальневосточной электростанции на набережной им. Г. И. Невельского. Задание помогает детям лучше ориентироваться в городском пространстве и узнать больше о городе, в котором они проживают.

Третье задание квеста («Экологический транспорт») выполняется при условии отгаданной загадки, которая даётся после нахождения памятника. Задача участников – найти троллейбус и сфотографироваться с ним. Участвуя, дети больше узнают о транспорте на улицах города. «Жизнь города» – этап, на котором надо найти здание администрации г. Хабаровска и электронные часы на нём. При прохождении этого этапа дети узнают об электрических часах, которые сейчас являются частью нашей жизни и помогают ориентироваться во времени. На пятом этапе («Вместе – ярче!») дети должны найти «поющие» фонтаны на городских прудах. Задание знакомит юных горожан с достопримечательностью, в которой соединились электрика (создание подсветки) и гидропневматика (система насосов, труб и давления).

«Сердце ТЭЦ» – последний этап, который возвращает детей в музей к техно-памятнику «Ротор паровой турбины», местной достопримечательности, вошедшей в издание «Памятники истории и культуры Хабаровского края». Это настоящий ротор, установленный перед фасадом музея таким образом, что в темноте благодаря подсветке возникает впечатление, что он вращается. На заключительном этапе квеста дети узнают о том, где вырабатывается электричество и что создаёт механическую энергию для работы ТЭЦ.

Прохождение всех этапов отслеживается по фотографиям, которые дети делают по завершении каждого задания. Энергоквест «Путь к сердцу ТЭЦ» рассчитан на две команды по 12-15 человек и проходит примерно за полтора часа. Квест позволяет существенно расширить рамки музея, выйти в город, совместить физическую активность с поисково-интеллектуальной. Стоит отметить, что первыми участниками квеста стали ученики профильных энергоклассов, которые АО «Дальневосточная генерирующая компания» открыло на базе хабаровской школы № 77.

Помимо общедоступных программ, Музей энергетики организует программы внутрикорпоративные: «Образовательная среда» и «Энергосмена». Первая программа даёт возможность сотрудникам компании, не контактирующим с производством, узнать о работе ТЭЦ и истории энергетики города и края. Она начала свою работу в 2023 г. и уже охватила более 300 чел. Участники посетили хабаровские ТЭЦ-3 и ТЭЦ-1, а также приняли участие в музейной экскурсии. «Энергосмена» также была запущена летом 2023 г. Её цель состоит в знакомстве детей сотрудников с миром энергетики и электричества в целом. В рамках этой программы за 2023 г. 65 детей от 7 до 13 лет и 14 сопровождающих взрослых приняли участие в музейной экскурсии. Здесь важно не только то, что дети получили новые знания в той области, где работают их родители, но и то, что в экскурсии участвовали семейно. Также в рамках этой программы было проведено 2 экскурсии на ТЭЦ-3 и ТЭЦ-1 с последующей обзорной экскурсией по музею для детей от 14 лет.

В 2024 г. эти программы продолжаются, но круг охватываемых сотрудников увеличился до компаний-партнёров, таких как Дальневосточная распределительная сетевая компания, Дальневосточная энергетическая компания, Хабаровская энерготехнологическая компания, объединённое диспетчерское управление, региональное диспетчерское управление. Посещение ТЭЦ-3, ТЭЦ-1 и музея детьми сотрудников этих организаций запланировано на лето этого года.

Таким образом, пример Музея энергетики им. В. П. Божедомова наглядно показывает, что корпоративные музеи в состоянии выйти за пределы сугубо внутренней профессиональной коммуникации и стать важным элементом культурного пространства города, они способны «не просто фиксировать путь компании, но и становиться центрами притяжения» [4]. В рамках коммуникативной стратегии АО «Дальневосточная генерирующая компания» музей не только стал центром притяжения для детской и юношеской аудитории благодаря проводимым экскурсиям, лекциям, музейно-педагогическим занятиям, но и активно выходит в городскую среду, организуя квесты вне стен музея. Можно сказать, что благодаря такой стратегии история конкретного предприятия – АО «Дальневосточная генерирующая компания» – постепенно становится культурным объектом регионального значения.

В ближайших планах музея – его продвижение в онлайн-среде: разработка виртуального тура, который позволит познакомиться с экспозицией жителям из других городов и регионов. Такой тур поможет увеличить интерес к музею и его экспонатам, привлечь новых посетителей, будет способствовать ещё большей открытости корпоративного музея. Кроме того, виртуальные туры предоставляют возможность людям с ограниченными возможностями путешествовать, хоть и виртуально.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабалаева, М. В. Использование музейного пространства образовательной организации при подготовке педагогических работников / М. В. Бабалаева, П. К. Шульгин // Вестник Московского городского педагогического университета. – 2023. – № 1 (5). – С. 28-39.
2. Дымникова, М. Ю. Квест как форма музейно-педагогической деятельности / М. Ю. Дымникова // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2019. – № 1. – С. 150-154.
3. Кирюхина, И. В. Размышления о корпоративных музеях / И. В. Кирюхина // Музей. – 2023. – № 8. – С. 5-9.
4. Кирюхина, И. В. Корпоративный музей: зачем брендам создавать социокультурное пространство / И. В. Кирюхина // РБК Тренды. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/64467aac9a7947f6e2513d47> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.
5. Корпоративный музей // Российская музейная энциклопедия. – URL: http://museum.ru/rme/sci_corp.asp (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.
6. Корпоративный музей: национальная премия // НП ПП PACO. – URL: <https://corporate-museum.ru/platform/museums/geo> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.
7. Мастеница, Е. Н. Современный музей в ракурсе корпоративной культуры / Е. Н. Мастеница // Вестник СПбГУКИ. – 2012. – № 3 (12). – С. 117-123.
8. Музей энергетики им. В. П. Божедомова // Корпоративный музей: национальная премия. – URL: <https://corporate-museum.ru/project/e2c0daff> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.
9. Никишин, Н. А. Музей и его корпорация / Н. А. Никишин // Музей. – 2009. – № 4. – С. 13-16.
10. Никишин, Н. А. Хранители отечественного индустриального наследия / Н. А. Никишин // Музей. – 2019. – № 4. – С. 8-14.
11. Савелова, Е. В. Мифологические основания современной корпоративной культуры / Е. В. Савелова, Д. В. Богомазова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2020. – № VI-2 (46). – С. 14-20.
12. Санкт-Петербургская Модель-камера (1709-1730 гг.) // Центральный военно-морской музей имени императора Петра Великого. – URL: https://navalmuseum.ru/history/1709_1730 (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.
13. Сапанжа, О. С. Корпоративный музей в оптике культурологии и музеологии / О. С. Сапанжа // Музей. – 2023. – № 4. – С. 56-63.
14. Сербина, Н. В. Российские корпоративные музеи: перспективы развития и продвижения / Н. В. Сербина // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 6. – С. 29-30.
15. Столяров, Б. А. Музейная педагогика. История, теория, практика: учеб. пособие / Б. А. Столяров. – М.: Высшая школа, 2004. – 216 с.

**Крыжановская Я. С., Хомчук А. В.
I. S. Kryzhanovskaia, A. V. Khomchuk**

МУЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ АМУРСКОГО ГОРОДСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

THE MUSEUM IN THE CONTEXT OF CREATIVE INDUSTRIES: FROM THE EXPERIENCE OF THE AMUR CITY MUSEUM OF LOCAL LORE

Крыжановская Яна Станиславовна – доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. 8(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Yana S. Kryzhanovskaya – Grand PhD in Culture Studies, Associate Professor, Head of Department of Cultural Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaia st., Khabarovsk, 680045, Russia; tel. 8(914)152-65-10. E-mail: krijanowsckaia.yana2012@yandex.ru.

Хомчук Анна Викторовна – специалист по просветительской работе Амурского городского краеведческого музея (Россия, Амурск); 682644, Хабаровский край, г. Амурск, пр. Комсомольский, д. 9; тел. 8(914)542-82-25. E-mail: anna130804@mail.ru.

Anna V. Khomchuk – Specialist in Educational Work of the Amur City Museum of Local Lore (Russia, Amursk); 682644, Khabarovsk Territory, Amursk, Komsomolsky ave., 9; tel. 8(914)542-82-25. E-mail: anna130804@mail.ru.

Аннотация. В статье возможности музея в контексте развития креативных индустрий рассматриваются на примере деятельности Амурского городского краеведческого музея (г. Амурск). Анализируется непосредственный опыт разработки и внедрения технологий дополненной реальности на базе российского сервиса «Оживи!». Проект «Оживаящая история» создан на основе набора открыток, на каждой из которых представлена одна из достопримечательностей г. Амурска в период его строительства в сравнении с современным видом этого места: при наведении камеры смартфона на открытку начинает воспроизводиться видео из хроники строительства города. Проект «Оживаящая история 2.0» предполагает дополнение экспонатов экспозиции виртуальными двойниками, рассказывающими историю того или иного предмета. Он органично соединяет документалистику, художественный короткометражный фильм, фонографию и др. Сделан вывод о том, что внедрение интерактивных форм работы, новых технологий, грамотно встроенных в музейное пространство, придаёт привлекательность имиджу музея, повышает активность посетителей и спрос на музейные услуги.

Summary. In the article, the possibilities of the museum in the context of the development of creative industries are being analyzed on the example of the Amur City Museum of Local Lore (Amursk). The article analyzes the direct experience of developing and implementing augmented reality technologies based on the Russian service «Revive!». The project «Reviving History» was created on the basis of a set of postcards, each of which shows one of the sights of Amursk during its construction in comparison with the modern look of this place: when you point your smartphone camera at the postcard, a video from the chronicle of the construction of the city begins to play. The project «Coming to Life History 2.0» involves the addition of exhibits with virtual doubles telling the story of an object. It organically combines documentaries, short fiction, phonography, etc. It is concluded that the introduction of interactive forms of work, new technologies competently integrated into the museum space, makes the image of the museum attractive, increases the activity of visitors and the demand for museum services.

Ключевые слова: Амурск, дополненная реальность, креативные индустрии, региональный музей, коммуникационная деятельность, медиа.

Key words: Amursk, augmented reality, creative industries, museum, communication activities, media.

УДК 068.12

Понятие «креативные индустрии» относительно недавно вошло в научный дискурс. Оно актуализировалось в конце 1990-х гг., когда Министерство культуры, СМИ и спорта Великобритании в своих документах так обозначило «деятельность, в основе которой лежит индивидуальное

понатов, на базе российского сервиса дополненной реальности «Оживи!». У учреждения культуры при этом появляется возможность показать и рассказать посетителям о той части музейных коллекций, которая требуют особых условий хранения и экспонирования. Проект ориентирован на привлечение индивидуальных посетителей с детьми, подростков с целью просвещения и повышения культурного уровня, приобщения к историческим ценностям, формирования чувства патриотизма и любви к малой родине.

После всестороннего анализа было принято решение использовать платформу дополненной реальности на базе мобильных устройств (смартфонов и планшетов). Этот выбор был обоснован рядом факторов, таких как относительно низкая стоимость, широкая распространённость мобильных гаджетов среди посетителей музея, а также гибкость и масштабируемость данного решения. Одним из самых важных факторов, повлиявшим на выбор, стал тот факт, что для просмотра контента дополненной реальности не требуется скачивать приложение. Для многих платформ, представленных на рынке, непременное условие – установка приложения, однако, как показал анализ реакции посетителей, не все хотят устанавливать на свой телефон дополнительное приложение, которое имеет ценность только в музее. Практика дальнейшей работы над проектом подтвердила верность этого решения.

После выбора технологической платформы и оборудования для реализации AR-проекта в Амурском городском краеведческом музее следующим важным этапом стала разработка содержания дополненной реальности. Этот процесс потребовал тесного сотрудничества команды разработчиков с сотрудниками музея, историками и экспертами по культуре региона. Поскольку увлечение технологией как таковой может нарушить культурно-историческую концепцию существующей экспозиции, на основе консультаций с музейными специалистами было определено, что AR-контент должен быть направлен на обогащение опыта посетителей и углубление их понимания истории и культуры Амурского района: «формировать интерес к выставочным предметам нужно на основе взаимодействия человека и предмета» [9, 60]. Для этого были изучены топографические описи залов и инвентарные книги поступлений, а также коллекция видеохроники строительства г. Амурска, в результате чего были выбраны двадцать наиболее интересных экспонатов постоянной экспозиции музея, с которыми и продолжили работу.

После определения ключевых экспонатов началась работа над содержанием AR-проекта, которое включало в себя интерактивные элементы, отрывки из хроники строительства г. Амурска, визуальные эффекты и дополнительную информацию об объектах. На этом этапе шёл сбор информации о выбранных экспонатах в фондах музея, краеведческой литературе, научных статьях для создания сценариев, по которым разработчики будут создавать интерактивный контент.

Первоначально проект «Оживающая история 2.0» задумывался как продолжение проекта «Оживающая история», который создавался с целью популяризации видеоколлекции музея посредством наложения с помощью платформы дополненной реальности видеохроники из фондов музея на открытки с видами г. Амурска. Однако в ходе работы стало очевидно, что дополнять музейные экспонаты только видеохроникой однообразно и утомительно для посетителей. Поэтому часть экспонатов решено было «оживить» с помощью видеороликов с применением фотографий, часть – с помощью искусственного интеллекта, технологии, которая позволяет анимировать портреты, а часть – с помощью приёмов театрализации. Таким образом, проект технически становился более сложным, но интересным и многогранным.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что столь популярное сегодня использование мультимедиа в музейной экспозиции даёт много возможностей, но и создаёт определённые проблемы: «Музеи ориентируются на современную аудиторию, которая воспринимает мир через призму спецэффектов, но забывают, что посетителю в первую очередь нужны не эффекты, а, как в любых экранных искусствах, история и сюжет. Сюжет же часто остаётся в стороне, отдавая первенство технологиям, вызывающим у посетителей большее внимание, связанное с эффектом новизны» [7, 238].

В процессе реализации проекта «Оживающая история 2.0» эти вопросы также потребовали своего решения: разрабатывались сценарии, различные по наполнению и представлению, находи-

лись необычные формы воплощения задуманного. Некоторые сценарии предусматривали озвучивание визуального ряда закадровым голосом, некоторые были выстроены как театральные миниатюры. Соответственно, остро встал вопрос с поиском тех, кто будет читать закадровый текст и участвовать в театральных миниатюрах. Нужны были профессиональные актёры, особенно для чтения закадрового текста, поскольку человеку голосом, его интонациями нужно передать эмоции и переживания, удерживать внимание посетителя музея, создать ситуацию доверительного общения.

В поисках актёров сотрудники музея обратились в детский образцовый театр «Маска.Рад», работающий на базе Дворца культуры г. Амурска. Однако ребята, привыкшие играть на сцене с другими актёрами, столкнулись с определёнными трудностями: они не могли передать чувства только голосом, эмоционально рассказывая невидимому собеседнику историю. Решение пришло неожиданно, когда на мероприятие в музей привели группу ребят, состоящих на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Эти ребята с удовольствием приняли участие в проекте.

На этапе предварительной работы перед съёмкой театральных миниатюр решалось несколько задач:

– показать посетителям творчество первостроителей города и частично их быт. Для этого в том числе была проведена работа по изучению стиля одежды комсомольцев 1960-х гг., приехавших на строительство в Комсомольск-на-Амуре и Амурск. На основе этих сведений из музейных фондов производилась комплектация костюмов для театрализации;

– продемонстрировать звучание музыкальных инструментов, находящихся в палатке первостроителей;

– рассказать о паневном комплекте, экспонируемом в зале славянской культуры.

После съёмок и монтажа видеоролики были загружены на платформу. Предварительная презентация созданного контента, в котором приняли участие сотрудники музея и ребята-волонтёры, показала, что не учтённым оказался важный момент – длительность просмотра. Для воспроизведения дополненной реальности пользователь наводит смартфон на объект и держит гаджет в руке. Максимально комфортное время просмотра контента в таком положении составляет 1,5-2 минуты. Однако созданные видеоролики длились пять минут, соответственно, у многих ребят в группе уставали руки, некоторые после двух минут просмотра просто теряли интерес к происходящему. В результате сценарии видеороликов потребовали значительного сокращения, оставлено было самое интересное (в оценке «интересно/не интересно» опирались на мнение ребят), добавлены визуальные эффекты, частично изменено музыкальное сопровождение.

Для разработки анимации и «оживления» фотографий с помощью технологии искусственного интеллекта в проект был приглашён специалист, основная задача которого состояла в создании интерактивного и привлекательного контента, способного заинтересовать и удивить посетителей музея. Экспонаты должны были «заговорить» – шевелить губами под записанную ранее речь, моргать, двигаться... На данном этапе стояла задача таким образом составить сценарии, чтобы анимационная составляющая не перегружала информативно-познавательную, а «оживление» экспонатов вызвало бы у посетителей не смех, а заинтересованность информацией, удивление и восторг по поводу дизайнера решения.

Наиболее сложной в этой части оказалась работа с ребятами, читавшими закадровый текст. Авторы проекта полагали, что во время просмотра контента у посетителей должно было возникнуть чувство, что собеседник рассказывает историю именно ему. Однако для непрофессиональных чтецов-волонтёров эта задача оказалась сложной: никак не получалось передать эмоции, как при разговоре с живым человеком, и создать ситуацию межличностного доверительного общения, психологического контакта. Ребятам было предложено порепетировать друг с другом, рассказать товарищам свои монологи. Этот опыт дал положительный результат: во время записи актёры говорили не с пустотой, а с живым человеком, сидящим напротив, рассказывали ему истории своих героев, делясь переживаниями и эмоциями.

Одним из важных этапов работы над проектом стало наложение звуковой дорожки на анимацию. В статье «Как звук рисует пространство» Е. Русинова отмечает: «Одной из тенденций раз-

понатов, на базе российского сервиса дополненной реальности «Оживи!». У учреждения культуры при этом появляется возможность показать и рассказать посетителям о той части музейных коллекций, которая требуют особых условий хранения и экспонирования. Проект ориентирован на привлечение индивидуальных посетителей с детьми, подростков с целью просвещения и повышения культурного уровня, приобщения к историческим ценностям, формирования чувства патриотизма и любви к малой родине.

После всестороннего анализа было принято решение использовать платформу дополненной реальности на базе мобильных устройств (смартфонов и планшетов). Этот выбор был обоснован рядом факторов, таких как относительно низкая стоимость, широкая распространённость мобильных гаджетов среди посетителей музея, а также гибкость и масштабируемость данного решения. Одним из самых важных факторов, повлиявшим на выбор, стал тот факт, что для просмотра контента дополненной реальности не требуется скачивать приложение. Для многих платформ, представленных на рынке, непременное условие – установка приложения, однако, как показал анализ реакции посетителей, не все хотят устанавливать на свой телефон дополнительное приложение, которое имеет ценность только в музее. Практика дальнейшей работы над проектом подтвердила верность этого решения.

После выбора технологической платформы и оборудования для реализации AR-проекта в Амурском городском краеведческом музее следующим важным этапом стала разработка содержания дополненной реальности. Этот процесс потребовал тесного сотрудничества команды разработчиков с сотрудниками музея, историками и экспертами по культуре региона. Поскольку увлечение технологией как таковой может нарушить культурно-историческую концепцию существующей экспозиции, на основе консультаций с музейными специалистами было определено, что AR-контент должен быть направлен на обогащение опыта посетителей и углубление их понимания истории и культуры Амурского района: «формировать интерес к выставочным предметам нужно на основе взаимодействия человека и предмета» [9, 60]. Для этого были изучены топографические описи залов и инвентарные книги поступлений, а также коллекция видеохроники строительства г. Амурска, в результате чего были выбраны двадцать наиболее интересных экспонатов постоянной экспозиции музея, с которыми и продолжили работу.

После определения ключевых экспонатов началась работа над содержанием AR-проекта, которое включало в себя интерактивные элементы, отрывки из хроники строительства г. Амурска, визуальные эффекты и дополнительную информацию об объектах. На этом этапе шёл сбор информации о выбранных экспонатах в фондах музея, краеведческой литературе, научных статьях для создания сценариев, по которым разработчики будут создавать интерактивный контент.

Первоначально проект «Оживающая история 2.0» задумывался как продолжение проекта «Оживающая история», который создавался с целью популяризации видеоколлекции музея посредством наложения с помощью платформы дополненной реальности видеохроники из фондов музея на открытки с видами г. Амурска. Однако в ходе работы стало очевидно, что дополнять музейные экспонаты только видеохроникой однообразно и утомительно для посетителей. Поэтому часть экспонатов решено было «оживить» с помощью видеороликов с применением фотографий, часть – с помощью искусственного интеллекта, технологии, которая позволяет анимировать портреты, а часть – с помощью приёмов театрализации. Таким образом, проект технически становился более сложным, но интересным и многогранным.

В литературе неоднократно обращалось внимание на то, что столь популярное сегодня использование мультимедиа в музейной экспозиции даёт много возможностей, но и создаёт определённые проблемы: «Музеи ориентируются на современную аудиторию, которая воспринимает мир через призму спецэффектов, но забывают, что посетителю в первую очередь нужны не эффекты, а, как в любых экранных искусствах, история и сюжет. Сюжет же часто остаётся в стороне, отдавая первенство технологиям, вызывающим у посетителей большее внимание, связанное с эффектом новизны» [7, 238].

В процессе реализации проекта «Оживающая история 2.0» эти вопросы также потребовали своего решения: разрабатывались сценарии, различные по наполнению и представлению, находи-

лись необычные формы воплощения задуманного. Некоторые сценарии предусматривали озвучивание визуального ряда закадровым голосом, некоторые были выстроены как театральные миниатюры. Соответственно, остро встал вопрос с поиском тех, кто будет читать закадровый текст и участвовать в театральных миниатюрах. Нужны были профессиональные актёры, особенно для чтения закадрового текста, поскольку человеку голосом, его интонациями нужно передать эмоции и переживания, удерживать внимание посетителя музея, создать ситуацию доверительного общения.

В поисках актёров сотрудники музея обратились в детский образцовый театр «Маска.Рад», работающий на базе Дворца культуры г. Амурска. Однако ребята, привыкшие играть на сцене с другими актёрами, столкнулись с определёнными трудностями: они не могли передать чувства только голосом, эмоционально рассказывая невидимому собеседнику историю. Решение пришло неожиданно, когда на мероприятие в музей привели группу ребят, состоящих на учёте в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Эти ребята с удовольствием приняли участие в проекте.

На этапе предварительной работы перед съёмкой театральных миниатюр решалось несколько задач:

– показать посетителям творчество первостроителей города и частично их быт. Для этого в том числе была проведена работа по изучению стиля одежды комсомольцев 1960-х гг., приехавших на строительство в Комсомольск-на-Амуре и Амурск. На основе этих сведений из музейных фондов производилась комплектация костюмов для театрализации;

– продемонстрировать звучание музыкальных инструментов, находящихся в палатке первостроителей;

– рассказать о паневном комплекте, экспонируемом в зале славянской культуры.

После съёмок и монтажа видеоролики были загружены на платформу. Предварительная презентация созданного контента, в котором приняли участие сотрудники музея и ребята-волонтёры, показала, что не учтённым оказался важный момент – длительность просмотра. Для воспроизведения дополненной реальности пользователь наводит смартфон на объект и держит гаджет в руке. Максимально комфортное время просмотра контента в таком положении составляет 1,5-2 минуты. Однако созданные видеоролики длились пять минут, соответственно, у многих ребят в группе уставали руки, некоторые после двух минут просмотра просто теряли интерес к происходящему. В результате сценарии видеороликов потребовали значительного сокращения, оставлено было самое интересное (в оценке «интересно/не интересно» опирались на мнение ребят), добавлены визуальные эффекты, частично изменено музыкальное сопровождение.

Для разработки анимации и «оживления» фотографий с помощью технологии искусственного интеллекта в проект был приглашён специалист, основная задача которого состояла в создании интерактивного и привлекательного контента, способного заинтересовать и удивить посетителей музея. Экспонаты должны были «заговорить» – шевелить губами под записанную ранее речь, моргать, двигаться... На данном этапе стояла задача таким образом составить сценарии, чтобы анимационная составляющая не перегружала информативно-познавательную, а «оживление» экспонатов вызвало бы у посетителей не смех, а заинтересованность информацией, удивление и восторг по поводу дизайнера решения.

Наиболее сложной в этой части оказалась работа с ребятами, читавшими закадровый текст. Авторы проекта полагали, что во время просмотра контента у посетителей должно было возникнуть чувство, что собеседник рассказывает историю именно ему. Однако для непрофессиональных чтецов-волонтёров эта задача оказалась сложной: никак не получалось передать эмоции, как при разговоре с живым человеком, и создать ситуацию межличностного доверительного общения, психологического контакта. Ребятам было предложено порепетировать друг с другом, рассказать товарищам свои монологи. Этот опыт дал положительный результат: во время записи актёры говорили не с пустотой, а с живым человеком, сидящим напротив, рассказывали ему истории своих героев, делясь переживаниями и эмоциями.

Одним из важных этапов работы над проектом стало наложение звуковой дорожки на анимацию. В статье «Как звук рисует пространство» Е. Русинова отмечает: «Одной из тенденций раз-

вания кино является стремление “поместить” зрителя внутрь кинопространства, сделать его непосредственным участником, а не сторонним наблюдателем события. Звук был призван обеспечить наибольшую естественность показа событий на экране, максимально приблизив рассказ в движущихся картинках к реальному представлению человека об окружающем мире» [10, 239]. Именно поэтому для максимальной иммерсивности было необходимо качественно выстроить звуковую дорожку, добавив не только музыкальное сопровождение, но и различные шумы, такие как звук дождя, шелест листьев, телефонные гудки, шум транспорта и другие звуки города, прописанные в сценарии. Также особое внимание было уделено монтажу звуковых, шумовых и музыкальных эффектов.

Важным этапом стали совмещение разработанного контента с маркерами на платформе «Оживи!», а также проверка и тестирование на предмет восприятия материала аудиторией. Это позволило выявить возможные ошибки и недочёты, а также сделать корректировки для оптимизации пользовательского опыта.

На этапе апробации проекта в музей приглашались люди разного возраста и разных социальных групп для тестирования контента. Разработчикам проекта были важны реакции: досмотрели ли они до конца или перешли к другому видео, по выражению лиц старались понять, интересно или нет, анализировали их отзывы. Экспериментально, вне целевой аудитории, были приглашены люди с очень слабым зрением (люди с инвалидностью), им помогли установить приложение на телефоны, объяснили, как это работает. Реакция этой части посетителей была восторженной, а в отзывах отмечалось, что «... даже не видя почти ничего, можно слушать интересный рассказ, узнавать что-то новое». Те видео, которые вызвали наибольший эмоциональный отклик у аудитории, были включены в окончательный вариант проекта «Оживая история 2.0».

В помощь посетителям был подготовлен путеводитель, который можно взять во входной зоне музея или в любом из его залов. С одной стороны брошюры поместили инструкцию по подключению к дополненной реальности (см. рис. 2), а с другой – схему залов с фотографиями «оживлённых» экспонатов и указанием мест их расположения. Это позволяет начать осмотр виртуальной экспозиции из любого зала, не возвращаясь за путеводителем.

Цифровые технологии в музее – это сложные механизмы, требующие постоянного внимания и контроля. Поэтому, помимо обязательного в каждом музее «Журнала измерения температурно-влажностного режима в экспозиции и фондохранилище», в музее г. Амурска появился «Журнал мониторинга работы цифрового оборудования». В начале каждой недели сотрудник музея, ответственный за цифровое оборудование, проводит тестирование корректной работы всех маркеров дополненной реальности в залах музея, а также сувенирной продукции, включает интерактивную песочницу и пол, проверяя калибровку и цветопередачу. Данные о проверке и устранимых неисправностях, если они имели место, заносятся в «Журнал мониторинга работы цифрового оборудования».

После успешного внедрения технологий дополненной реальности в экспозиции Амурского городского краеведческого музея было важно оценить эффективность данного нововведения. Для этого были собраны данные о посещаемости музея, а также проведены опросы и интервью с целью получения обратной связи от аудитории. Статистика посещаемости показала значительный рост интереса к музею со стороны различных групп населения, особенно молодёжи: в первые месяцы после запуска AR-проекта количество индивидуальных посетителей увеличилось на треть в сравнении с прошлым годом. Это наглядно свидетельствует о том, что внедрение инновационных технологий, таких как дополненная реальность, способствует привлечению новой аудитории и повышению популярности музея. Кроме того, внедрение AR-технологий привлекло внимание средств массовой информации и общественности к деятельности Амурского музея. Освещение данного проекта в новостях, социальных сетях и других медиаканалах позволило повысить осведомлённость широкой аудитории о богатстве и разнообразии культурного наследия Амурского района, о важности его изучения и сохранения.

1. Отсканируйте с помощью камеры телефона QR-код.

Пройдите по открывшейся ссылке.

2. Если хотите установить приложение , то нажмите кнопку «скачать», если хотите просмотреть контент без скачивания приложения — нажмите «попробовать».

3. После загрузки приложения или открытия его страницы еще раз отсканируйте QR-код, и дождитесь загрузки контента.

4. Наведите камеру на экспонат и наслаждайтесь волшебством.

Рис. 2. Инструкция для просмотра дополненной реальности в музее

Успех внедрения AR-технологий в Амурском городском краеведческом музее также вдохновил другие учреждения культуры региона на апробирование инновационных подходов и технологий для повышения привлекательности и доступности своих экспозиций. Это способствовало созданию своеобразной «цепной реакции», повышающей общий интерес к культурному наследию Хабаровского края среди различных слоёв населения, особенно среди молодёжи, а также способствовало привлечению внимания общественности к этой важной теме.

Одним из направлений развития технологии дополненной реальности в Амурском городском краеведческом музее является сувенирная продукция. С помощью AR-технологий был преобразован набор открыток «Амурск». В декабре 2023 г. было разработано два варианта настольного календаря на основе фоновой коллекции, которые в дополненной реальности показывают ежедневный гороскоп для всех знаков зодиака. Ежегодно ассортимент сувенирной лавки в музее пополняется продукцией, созданной на основе фоновых коллекций, которая также будет изменена с помощью новой технологии. В частности, один из проектов – создание детских книг с дополненной реальностью по славянской, а затем и нанайской культуре и быту.

Подводя итог, хотим отметить, что взаимодействие культуры, историко-культурного наследия и рынка с его жёсткими экономическими законами в отечественной традиции всегда было темой неоднозначной, но именно это взаимодействие является определяющим в сфере развития креативных индустрий. Именно поэтому так важно сегодня его осмыслить не только в теории, но и на практике. В одном из интервью, обращая внимание на эту сторону музейной деятельности, М. Б. Пиотровский подчеркнул: «Зарабатывать деньги – важный вопрос... Но зарабатывать деньги – это одно, а получение прибыли как единственная цель – другое: это бизнес и совсем другая психология. Музеи могут зарабатывать много, но никто не должен этого от них требовать» [15]. И тем ценнее опыт музеев, пример которых показывает, как технологичные подходы, не подменяя историко-культурные ценности, могут способствовать донесению до посетителей подлинных смыслов, носителями которых выступают музейные собрания, и различных качественных продуктов, созданных на основе этих коллекций.

Амурский городской краеведческий музей, бережно сохраняя историко-культурное наследие своего региона, имея определённый потенциал для разработки и продвижения музейных продуктов и товаров, в настоящее время делает первые шаги в направлении креативных индустрий. Внедрение интерактивных форм работы, современных технологий, корректно интегрированных в

экспозиционное пространство, придаёт привлекательность имиджу музея, повышает активность посетителей и спрос на музейные услуги. В перспективе обозначенная деятельность формирует экономическую устойчивость, способствует стабильному интересу публики, укрепляет желание постоянно возвращаться в музей и регулярно его посещать.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утверждённые Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808: Указ Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 // Официальное опубликование правовых актов. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301250004/> (дата обращения: 01.06.2024). – Текст электронный.
2. Амурский городской краеведческий музей: сайт. – URL: <https://museum.amursk.ru/> (дата обращения: 01.06.2024). – Текст электронный.
3. Белокрылова, О. С. Мировой опыт формирования креативной экономики и возможности его использования в России / О. С. Белокрылова, Е. С. Дубская // Пространство экономики. – 2013. – № 4-2. – С. 5-11.
4. Боронеева, Т. А. Национальный музей Республики Бурятия как ресурс региональной креативной экономики / Т. А. Боронеева // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2021. – № 3. – С. 19-26.
5. Каверина, Е. А. Музей как субъект креативных индустрий: предыстория / Е. А. Каверина // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2022. – № 3 (64). – С. 80-85.
6. Музей Амурск: официальная группа МКУК «Амурский городской краеведческий музей» // Социальная сеть ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/public217482332> (дата обращения: 05.07.2024). – Текст электронный.
7. Набиуллин, А. Ф. Проблемы внедрения стационарных интерактивных мультимедиа систем в музейные экспозиции. Риски и решения / А. Ф. Набиуллин, А. С. Шакиров, И. Г. Мухтов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 31. – С. 235-243.
8. Овечкина, А. А. Креативные индустрии как понятие социально-культурной деятельности / А. А. Овечкина // Культура: теория и практика. – 2017. – № 2 (17). – С. 7-8.
9. Прокофьева, В. Ю. Музейное пространство города Ельца: муниципальное бюджетное учреждение культуры «Елецкий городской краеведческий музей» / В. Ю. Прокофьева, М. А. Назаров // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2021. – № IV-2 (52). – С. 56-61.
10. Русинова, Е. Звук рисует пространство / Е. Русинова // Киноведческие записки. – 2004. – № 70. – С. 237-249.
11. Сапанжа, О. С. Музей как центр креативных индустрий: технологии разработки научных проектов / О. С. Сапанжа // Международный форум «Креативные индустрии Арктического региона: опыт и перспективы развития», 29 ноября – 1 декабря 2017 г. – URL: http://www.flagshipuniversity.ntf.ru/sites/default/files/4_%D0%A1%D0%B0%D0%BF%D0%B0%D0%BD%D0%B6%D0%B0.pdf (дата обращения: 02.07.2024). – Текст электронный.
12. Степанов, М. А. Внедрение технологий дополненной реальности в музейные экспозиции / М. А. Степанов, Д. В. Хоршев, С. С. Елесин // Гуманитарная информатика. – 2017. – № 13. – С. 12-20.
13. Устав Международного совета музеев (ИКОМ), принят на 16-й Генеральной Ассамблее ИКОМ (Гаага, Нидерланды, 5 сентября 1989 г.), дополнения и изменения внесены на внеочередной Генеральной Ассамблее ИКОМ (Париж, Франция, 9 июня 2017 г.). – URL: https://icomrussia.tmweb.ru/upload/uf/925/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%98%D0%9A%D0%9E%D0%9C_2017.pdf (дата обращения: 01.07.2024). – Текст электронный.
14. Хомчук, А. В. Музей в виртуальном культурном пространстве (на примере проекта «Оживая история» Амурского городского краеведческого музея / А. В. Хомчук // Личность, творчество, образование в социокультурном пространстве Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. (30 ноября 2022 г., г. Хабаровск) / ред. Е. В. Савелова, сост. Е. Н. Лунегова; Министерство культуры Российской Федерации, Хабаровский государственный институт культуры. – Хабаровск: [б. и.], 2023. – С. 139-144.
15. Шилова, А. Михаил Пиотровский: «Место музея – посередине между храмом и Диснейлендом» / А. Шилова, Н. Жукова // Ведомости. 4 октября 2019 г. – URL: <https://www.vedomosti.ru/lifestyle/characters/2019/10/03/812835-mihail-piotrovskii> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст: электронный.

Ло Да, Савелова Е. В.

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ МУЗЕЯ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН (30 – 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

Ло Да, Савелова Е. В.

Lo Da, E. V. Savelova

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КУЛЬТУРНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ МУЗЕЯ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН (30 – 50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

HISTORICAL DEVELOPMENT AND CULTURAL SIGNIFICANCE OF THE HEILONGJIANG PROVINCIAL MUSEUM (30 – 50s OF THE 20th CENTURY)

Ло Да – аспирант кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: daa_lo@163.com.

Lo Da – Postgraduate Student, Culture Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: daa_lo@163.com.

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in Culture Studies, Associate Professor, Professor of Culture Studies and Museology Department, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены основные этапы становления и исторического развития музея провинции Хэйлунцзян в 30-50-е годы XX века. Представлены основные принципы формирования коллекций музея. Проанализирована работа по охране культурного наследия, организации и проведению археологических раскопок, сбору, коллекционированию, исследованию и демонстрации исторических культурных реликвий и образцов природы в провинции Хэйлунцзян. Сделан вывод о том, что на протяжении многих лет музей вносил позитивный вклад в строительство крупной культурной провинции, развитие культурных мероприятий и выставок, а также содействовал всестороннему социальному прогрессу и построению цивилизации.

Summary. The article discusses the main stages of the formation and historical development of the museum of Heilongjiang province in 30 – 50s of the 20th century. The basic principles of the museum collections formation are presented. The work on the protection of cultural heritage, on the organization and conduct of archaeological excavations, on the collection, research and demonstration of historical cultural relics and nature samples in Heilongjiang province is analyzed. It is concluded that over the years the museum has made a positive contribution to the construction of a large cultural province, the development of cultural events and exhibitions, as well as contributed to comprehensive social progress and the building of civilization.

Ключевые слова: музей, провинция Хэйлунцзян, историческое развитие, культурное наследие, культурные реликвии, коллекции музея.

Key words: museum, Heilongjiang Province, historical development, cultural heritage, cultural relics, museum collections.

УДК 008+351.85

Харбин имеет долгую историю и является родиной династий Цзинь и Цин. Это город, в котором никогда не было городской стены, это самый открытый город для международной коммуникации. Ханьцы, маньчжуры, монголы, хуэйцы, корейцы, орочены, эвенки, хэчже и многие другие этнические группы процветали на этой земле, создавая уникальную и богатую народную культуру и народное искусство.

В Харбине, как и в Китайской Народной Республике в целом, много музеев, однако в российской культурологии не так много примеров исследования их истории и особенностей форми-

рования коллекций [1; 6; 7; 8; 9; 10; 12; 22]. В этой статье мы рассмотрим музей провинции Хэйлунцзян в качестве примера для знакомства с китайской культурой.

Главное здание провинциального музея Хэйлунцзяна было построено в 1906 году и первоначально являлось московским торговым центром (см. рис. 1). Бежевые стены и тёмно-красная купольная крыша типичны для европейского архитектурного стиля барокко. Это здание в европейском стиле, пережившее более ста лет взлётов и падений, является редкостью в истории современной архитектуры Харбина. В настоящее время в Харбине это охраняемое здание класса А.

1929年黑龙江省博物馆主楼正门

Рис. 1. Главный вход в главное здание провинциального музея Хэйлунцзяна в 1929 году

После образования Нового Китая провинциальный музей Хэйлунцзяна стал первой группой провинциальных комплексных музеев общественного благосостояния, объединяющих исторические культурные реликвии, образцы природы и произведения искусства в стране. Он отвечает за охрану, раскопки, сбор, коллекционирование, исследование и демонстрацию исторических культурных реликвий, революционных культурных реликвий, этнических культурных реликвий и образцов природы в провинции Хэйлунцзян.

В 2006 году Государственное управление по охране культурных реликвий утвердило его в качестве шестой группы национальных подразделений по охране ключевых культурных реликвий.

По историческим причинам музеи в современном Китае открываются с опозданием. Музей провинции Хэйлунцзян является самым ранним исследовательским учреждением по изучению культурных реликвий, созданным в регионе. Его почти 90-летняя история роста очень показательна для развития современных музеев в нашей стране.

Проследив и обобщив несколько важных этапов его исторического развития, изменения в структуре, принципы организации выставок, приём посетителей, сбор, коллекционирование и исследование природных образцов, международную коммуникацию, мы ясно увидим, как был основан и развивался музей провинции Хэйлунцзян.

Ещё в начале XX века, с открытием Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), группа российских учёных приехала в Харбин и выступила за создание музея. С одобрения местных властей Китая впервые была создана Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции, в состав которой в основном входили местные чиновники из Китая. Ван Цзинчунь, врач и начальник Восточной провинциальной железной дороги, занимал пост президента. Бывший Московский торговый центр (ныне главное здание Министерства культуры и Провинциальный музей) был преобразован в выставочный зал Исследовательской ассоциации, а 12 июня 1923 года

здесь была создана Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции, которая была открыта для публики.

С тех пор музей провинции Хэйлунцзян несколько раз менял своё название, пока в 1962 году Го Морую, президент Китайской академии наук, не утвердил его современное название «Музей провинции Хэйлунцзян», которое используется до сих пор (см. рис. 2).

黑龙江省博物馆

Рис. 2. Музей провинции Хэйлунцзян (современный вид)

Постройка офисного здания музея была завершена в 1978 году, площадь застройки составила 1168 квадратных метров. Оно разделено на пять этажей. Это главная офисная зона музея. Фотозал культурных реликвий, зал реставрации культурных реликвий, комната для снятия плёнок, комната для ламинации, комната для реставрации культурных реликвий и т. д. – всё это расположено в офисном здании.

В 1983 году было завершено строительство коллекционного хранилища площадью 2949 квадратных метров. В нём 5 этажей, где хранятся все культурные реликвии и образцы из коллекции музея, а также большое количество материалов на китайском и иностранных языках. 30 сентября 2006 года на 104-м заседании Постоянного комитета провинциального комитета партии было принято решение «построить высококачественный и первоклассный музей в провинции и городе». Начиная с октября того же года провинциальный департамент культуры, провинциальная комиссия по развитию и реформам, провинциальный департамент финансов, муниципальное правительство Харбина и другие соответствующие ведомства совместно осуществляли выбор места для нового провинциального музея. Харбинское муниципальное бюро планирования, правительство района Сонбэй, провинциальная комиссия по надзору за государственными активами и управлению ими и другие подразделения исследовали, сравнили и скоординировали более 10 объектов, доступных для застройки в различных районах города Харбин и районе Цзянбэй, а Институт архитектурного проектирования и исследований Харбинского технологического института составил отчёт о выборе площадки для нового строительного проекта музея провинции Хэйлунцзян. Согласно отчёту, а также после демонстрации известных и высокопоставленных экспертов в обла-

сти культуры, архитектуры, геологии, планирования, охраны окружающей среды, земли и ресурсов провинции и после тщательного выслушивания мнений людей из всех слоёв общества, место для нового музея было окончательно выбрано. Определено, что оно находится к северо-западу от пересечения Гард-роуд и шоссе Хахэ в районе Сан-Айленд-Мун-Бэй (северная сторона провинциального музея науки и техники), город Харбин, общей площадью 125 000 квадратных метров и площадью застройки почти 50 000 квадратных метров. Новый музей в Мун-Бэй, район Сонгбэй, находится в стадии строительства, которое планировалось завершить в 2016 году.

Во второй половине 2015 года были созданы Образовательно-исследовательский центр музеев провинции Хэйлунцзян и Центр охраны передвижных культурных реликвий провинции Хэйлунцзян.

С 16 мая 2022 года музей провинции Хэйлунцзян был закрыт для посещения в связи с реконструкцией и охраной здания музея. Период реконструкции составил 8 месяцев. Это крупнейшая реконструкция и защита культурных реликвий и зданий с тех пор, как Государственный совет объявил провинциальный музей шестым национальным подразделением по охране ключевых культурных реликвий в 2006 году. 16 мая 2023 года музей провинции Хэйлунцзян был отремонтирован и вновь открыт для публики. На этот раз были открыты новые выставочные залы, такие как выставка гравюр «Танец на льду в рифму», выставка общественной жизни Харбина «Прошлое Харбина» и выставка раскопанных культурных реликвий «Юцзянь Наньшань», руины Раохэ Сюошань.

Проанализируем конкретную историю и этапы становления музея.

Ранний этап становления музея – первопроходца в области культуры и искусства в провинции Хэйлунцзян.

1. Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции.

В начале прошлого века, с открытием всей КВЖД, некоторые российские интеллектуалы въехали в Северо-Восточный Китай. Они «служили национальным интересам России в Восточной Азии» [16]. В 1908 году в Харбине было создано «Харбинское отделение Императорского общества востоковедения», а в 1909 году – «Российская ассоциация востоковедов». Среди них небольшое количество людей занималось исследованиями истории, этнологии и археологии в регионе Бейман. Это дало начало организованной исследовательской деятельности в области истории и археологии в современном Хэйлунцзяне.

После начала Октябрьской революции в России в 1917 году китайское правительство приступило к возвращению суверенитета над зоной КВЖД и переименовало вспомогательную территорию в «Особую зону Восточной провинции». В 1922 году несколько российских учёных, прикомандированных к Ближневосточному железнодорожному бюро бывшего Советского Союза, выступили за создание музея в Харбине. С одобрения местных властей Китая впервые была создана Маньчжурская ассоциация культурных исследований, которая в основном состояла из местных китайских чиновников. Бывший Московский торговый центр (ныне главное здание музея провинции Хэйлунцзян) использовался в качестве выставочного зала исследовательской ассоциации, возглавляемой доктором Ван Цзинчунем, начальником железной дороги Восточной провинции.

21 мая 1923 года она была переименована в Ассоциацию по исследованию культурных реликвий Восточной провинции [2], которая состояла из отдела природы, отдела геологии, отдела исторической этнографии (этнологии), отдела археологии, палеонтологии и других гуманитарных и естественных дисциплин. Область исследования охватывает весь регион Бейман, включая Хэйлунцзян, Цзилинь и лигу Хулунбуир. 12 июня состоялась церемония создания нынешнего музея, в котором представлена экспозиция Ассоциации по исследованию культурных реликвий Восточной провинции, а также церемония открытия «Выставки, посвящённой 25-летию Китайско-Восточной железной дороги», на которой представлено 5165 фотографий и более 10 000 экспонатов. Сегодня это официальная дата открытия Провинциального музея Хэйлунцзянской железной дороги. 11 ноября того же года экспозиция была скорректирована, чтобы обогатить содержание вышеупомянутой памятной выставки. Она была изменена на «Выставку промышленности, торговли, сельского хозяй-

ства, истории, фольклора и образцов местных животных и растений» и официально представлена внешнему миру. В то время общее количество экспонатов в коллекции составляло 11 089 [4].

В 1924 году Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции и сельскохозяйственная ассоциация Беймана основали биологическую станцию на реке Сунгуга и ботанический сад Беймана, а также учредили Министерство геологии. Российский учёный и геолог Александр Анельте возглавлял геологический отдел Ассоциации по исследованию культурных реликвий Восточной провинции. Общее количество экспонатов в коллекции составило 24 452. С 1925 по 1928 год Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции последовательно проводила художественные выставки иотовые выставки, осматривала некоторые древние памятники, исследовала и раскопала древние группы животных плейстоцена и окаменелые остатки зубов зверей близ Харбина, а также впервые обнаружила и раскопала стоянку Анганси в Цицикаре. В общей сложности было обнаружено более 200 предметов: различные каменные орудия, такие как наконечники копий, стрел, конусы, скребки и каменные топоры. Общая коллекция достигла 62 062 экспоната, а общая коллекция книг, документов, периодических изданий и газет составила 13 250 томов [5].

За шесть лет существования Ассоциации по исследованию культурных реликвий Восточной провинции была создана библиотека, собраны образцы культурных реликвий и проведены археологические исследования. Академическая исследовательская деятельность была очень активна: опубликовано более 200 научных статей, 33 тома научно-популярных работ в местных журналах, отредактировано 87 академических публикаций, проведено 385 академических мероприятий и 508 научных отчётов. Неоднократно проводились мероприятия по международному академическому обмену с Японией, Соединёнными Штатами Америки, Великобританией, Францией и т. д. За последние шесть лет между Китаем и Японией, Соединёнными Штатами, Великобританией, Францией и другими странами был осуществлен обмен 61 видом книг, 12 700 экземпляров книг были экспортированы, а 1224 вида книг и 7150 экземпляров книг были возвращены обратно в Китай из других стран [5]. Хотя Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции существует недолго, она проделала большую работу, создав прецедент для современных культурных и научных мероприятий в провинции Хэйлунцзян и заложив основу для последующего развития культурных и научных мероприятий в провинции Хэйлунцзян.

2. Ассоциация по исследованию культурных реликвий особых районов Восточной провинции (музей).

В 1929 году власти Специального района Восточной провинции вернули себе Ассоциацию по исследованию культурных реликвий Восточной провинции. 22 февраля Департамент образования Специального района взял под свой контроль Ассоциацию по исследованию культурных реликвий Восточной провинции и учредил Ассоциацию по исследованию культурных реликвий Специального района Восточной провинции. Чжан Гочэнь, директор департамента образования Специального района, исполнял обязанности президента. В то же время выставочный зал Ассоциации по исследованию культурных реликвий Восточной провинции был переименован в Музей Ассоциации по исследованию культурных реликвий Специального района Восточной провинции. В его ведении находились два научных центра, а именно: Христианский молодёжный союз и Клуб Общества естественных наук и географии, в которых в основном проводились лекции, выставки и организовывались визиты и встречи. Основные департаменты делились на Министерство природы, Министерство промышленности, департамент этнографии (департамент этнологии), отдел исследований сои и т. д.

В 1931 году Музей Исследовательской ассоциации специального района Восточной провинции был переименован в Научно-исследовательский институт культурных реликвий специального района Восточной провинции. Первым директором был Чжоу Шоуи, директор департамента образования специального района Восточной провинции, а затем Вэй Шаочжоу, который организовал комплексную научную экспедицию для проведения археологических исследований в восточной части Хэйлунцзяна. На северном берегу реки Муданьцзян была обнаружена «Восточная стена», руины 9 древних городов и 8 доисторических стоянок; были проведены раскопки на руи-

нах особняка Цзинлунцюань на берегу Бохайского моря в Нинане (поселок Бохай, город Нинань, провинция Хэйлунцзян). Была обнаружена группа богатых каменных орудий древнего человека каменного века, костяных орудий труда и окаменелостей древних животных четвертичного периода.

Развитие музея в период японской оккупации – крупномасштабные исследования, раскопки и сбор образцов.

1. Институт культурных реликвий Специального района Псевдо-Бейман.

В 1932 году японцы оккупировали Хэйлунцзян (японская оккупация различных частей Китая длилась 14 лет, с 1931 по 1945 год), и Институт культурных реликвий Специального района Восточной провинции был переименован в Институт культурных реликвий Специального района Псевдо-Бейман. Лян Ваньсян, директор департамента образования Специального района, также занимал должность директора. Сотрудники предприятия провели первое всестороннее исследование географии, культурных реликвий, археологии, палеонтологии в среднем течении реки Мусуо и собрали большое количество образцов. Зоолог и эксперт по таксiderмии животных М. А. Филсов перешёл на работу в музей и начал выставлять образцы групп животных в виде восстановленных биологических и экологических ландшафтов. В мае 1935 года японец Итиро Фукусима стал заместителем директора Института культурных реликвий Специального района псевдо-Бейман. В 1936 году Институт культурных реликвий специального района псевдо-Бейман был переименован в Институт культурных реликвий провинции Биньцзян. Лян Юйсян, директор департамента образования провинции псевдо-Биньцзян, продолжал исполнять обязанности директора, а Итиро Фукусима занимал должность заместителя директора.

2. Харбинский филиал Континентальной академии наук.

В 1935 году в Чанчуне была создана Континентальная академия наук псевдо-Маньчжоу-го. Её «целью является развитие научных исследований и использование ресурсов Маньчжоу-го» [17] для обслуживания грабительской политики японского имперализма.

В январе 1937 года с целью унификации управления «внутренними» академическими институтами и усиления исследовательских функций региона Северная Маньчжурия Академия наук Материковой части Китая решила передать управление провинциальному институту культурных реликвий Биньцзяна и основать Харбинский филиал Музея Академии наук материковой части Китая. Наoki Рютаро из Академии наук материковой части Маньчжоу-Го также являлся деканом филиала, а возглавлял филиал Итиро Фукусима. Филиал состоял из отдела общих дел, исследовательского кабинета, музея, селекционного завода и ботанического сада. Некоторые российские учёные по-прежнему работали в музее. Японские учёные: зоолог Хасимото, энтомологи Гао И, Ямamoto, археологи Да Гуань, Хуан Тянь Илии и другие – также работали в музее. Исследовательские задачи Харбинского филиала, помимо «экспериментальных исследований в области зоологии, ботаники и минералогии», также предусматривают «исследовательские и экспериментальные исследования в области истории, археологии...» [17]. Летом научная экспедиционная группа, состоящая из российских и японских учёных, отправилась в Вудалианчи на 50-дневную экскурсию и собрала большое количество материалов для исследований и образцов. Группа также исследовала и раскопала доисторические руины близ реки Хот-Спринг в Гус-Янгтуне, Харбин, вместе с учёными Рюдзи Эндо, Мицуо Нода и Шио Кагамой из Национального центрального музея Японии. В последующие годы Харбинский филиал Музея Академии наук материковой части Китая ежегодно проводил археологические раскопки и исследования в окрестностях Харбина, исследуя и собирая образцы животных и растений. Фундаментальные исследования были разделены на шесть частей: экономика, археология, зоология, ботаника, геология, а также терруар – междисциплинарные исследования почвенно-климатических факторов и особенностей характеристик местности, определяющих сортовые характеристики сельскохозяйственной продукции.

После падения Северо-Восточного Китая под контролем и покровительством японцев было проведено несколько крупномасштабных археологических исследований и раскопок в Хэйлунцзяне. Они перевезли большую часть разграбленных и раскопанных культурных реликвий в Японию, и коллекция образцов культурных реликвий значительно сократилась. В 1933 году в музее

института специального района Псевдо-Бейман насчитывалось всего 35 972 экземпляра артефактов [18]. В 1937 году коллекция Харбинского отделения Китайской академии наук составляла 45 972 экспоната [3].

Изменения после победы в Войне сопротивления – дальнейшее улучшение организации и обогащение коллекции.

1. Харбинский музей Дижи.

После победы в антияпонской войне в 1945 году Харбинский филиал Музея Китайской академии наук был переименован в Харбинский географический музей. Японские сотрудники были эвакуированы, а российские учёные продолжили работать. Китайские и российские исследователи продолжили ботанические исследования крепостей Ларин и Шуанчэн в окрестностях Харбина и исследовали пограничный форт траншеи на северо-восточной дорожной границе династии Цзинь.

2. Постоянный выставочный зал экономики транспорта Харбинского технологического института.

22 апреля 1946 года администрация Китайской железной дороги передала Харбинский музей Дижи и преобразовала его в Постоянный выставочный зал экономики транспорта Харбинского технологического института, сделав учебным отделением Харбинского технологического института. В. Н. Жернаков был назначен куратором. Образовано 8 департаментов, а именно: Министерство транспорта, Министерство промышленности, Министерство сельскохозяйственных наук, Министерство ремёсел, Министерство истории, Министерство торговли, Министерство общих дел и Министерство книги. Руководителями каждого из них на кафедре являются в этот период в основном российские учёные. С 1947 по 1949 год последовательно проводились выставки маньчжурских дикорастущих и культурных культур, выставки маньчжурских сельскохозяйственных вредителей, выставки маньчжурского рыболовства и т. д., а также был открыт лесной ботанический сад площадью 350 квадратных метров, в котором выращивалось около 70 видов сельскохозяйственных культур и местных деревьев и кустарников.

Много раз бизнес-персонал направлялся в Шанчжи, Шихэцы, Суйбинь, Нинань и Токио-Сити для проведения исследований и сбора образцов животных и растений. К этому времени собрание книг достигло 76 080 томов, а коллекция насчитывала 56 002 экземпляра [21].

Таким образом, в первые годы создания музея провинции Хэйлунцзян он в основном обслуживал эксплуатацию и развитие Ближневосточной железной дороги. В ходе этого процесса постепенно сформировались модель управления и методы работы современного музеиного бизнеса. Был укомплектован штат музеиных специалистов, а также был собран и опубликован ряд важных образцов культурных реликвий и материалов. Соответствующие специалисты неоднократно принимали участие в международных научных конференциях. На протяжении многих лет музей провинции Хэйлунцзян вносил позитивный вклад в строительство крупной культурной провинции, развитие культурных мероприятий и выставок, а также содействовал всестороннему социальному прогрессу и построению цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амосова, А. А. Исторические музеи Китая: возникновение и ключевые тенденции развития в XX – XXI вв. / А. А. Амосова, А. Д. Еремеева // Вопросы музеологии. – 2017. – № 1 (15). – С. 81-95.
2. Архив провинции Хэйлунцзян, 1923 год. Архив провинции Хэйлунцзян, 114 Цюаньцзун, 1 предмет, 177 томов.
3. Архив провинции Хэйлунцзян, 1937 год. Архив провинции Хэйлунцзян, 13 Цюаньцзун, 2 предмета, 18 томов.
4. Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции, 1926 год. Отчёт Ассоциации по исследованию культурных реликвий Восточной провинции. № 2.
5. Ассоциация по исследованию культурных реликвий Восточной провинции, 1928 год. Отчёт Ассоциации по исследованию культурных реликвий Восточной провинции. № 3.
6. Балаш, А. Н. Коллекционирование предметов искусства в Китае: альтернативная традиция / А. Н. Балаш // Вестник СПбГИК. – 2011. – № 1. – С. 25-31.

7. Белозерова, В. Г. История музеев и реставрационного дела в КНР (до «культурной революции») / В. Г. Белозерова // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация. – 1980. – Т. 6 (36). – С. 152-169.
8. Ван Вэй. Музеология и музейное дело в КНР в XX – начале XXI века: основные этапы и стратегии развития / Ван Вэй // Научное мнение. – 2014. – № 1. – С. 72-78.
9. Ван Вэй. Пути развития музейного дела и музеологии в КНР: к постановке проблемы / Ван Вэй // Современные гуманитарные исследования. – 2012. – № 5. – С. 117-119.
10. Ван Вэй. Собирательская деятельность и формы презентации национального искусства в музеях КНР: автореф. дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / Ван Вэй. – СПб., 2014. – 22 с.
11. Выдержки из динамики культурных реликвий из разных мест за прошедшую неделю (5.13-5.19). Государственное управление культурными реликвиями // Государственное управление культурного наследия Пекина. – URL: http://www.ncha.gov.cn/art/2023/5/20/art_722_181732.html (дата обращения: 20.05.2023). – Текст: электронный.
12. Завьялова, О. И. Лингвистические музеи в Китае: от местных диалектов до языков мира / О. И. Завьялова // Проблемы Дальнего Востока. – 2023. – № 6. – С. 169-178.
13. Новости провинциального музея Хэйлунцзяна // Baidu: сайт. – URL: <https://baike.baidu.com/reference/1629873/99abCzCV0A14G2HnmirAbXdae3Q1yPuxjBbpmacQu3Wpcq6kBesLQ7AV0JoMGMFBqfEDaKH6aDbPSnpg7mp0h15M2h6yfL4WU-t3WW1NnnY1P36FIN056dSFa4FLMkzUAWoxdVf1ffE> (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
14. Историческая эволюция // Baidu: сайт. – URL: https://baike.baidu.com/reference/1629873/49b4Yd6-TDK7GXdJS9_6EAa7kyjRWaddyf9FPD1f7_mCDFTSFdfGzMhJ8Pamm2fMZmDAwDTe6ADvOO1qTgAh7MEFbdetqGsGU4l94oyCw (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
15. Количество коллекций в музее провинции Хэйлунцзян за восемь лет удвоилось в шесть раз // Sohu: сайт. – URL: https://m.sohu.com/a/37160253_115402 (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
16. Линь Цзюнь. Ассоциация востоковедов императорской России в Харбине / Линь Цзюнь. – Харбин: Культурные реликвии Севера, 1987. – 96 с.
17. Лу Чжэнтао. Подборка исторических материалов псевдо-Манко / Лу Чжэнтао, Лю Гохуа. – Харбин: Издательство провинции Хэйлунцзян по науке и технике, 1988.
18. Ежегодник Министерства культуры и образования Маньчжурской империи. Вып. 2 / Министерство культуры и образования Псевдо-Маньчжурского государственного совета. – 1935. – № 12.
19. Обзор провинциального музея Хэйлунцзяна // Baidu: сайт. – URL: https://baike.baidu.com/reference/1629873/6a1arGXINPAr6Tnyy6JsiO_fKHpLrexMND1yoUBso12LPGsUgtsCS-LgPfCPWdA9RsNiGMtHs9mBWDrOw68kqA7kvEpPpSL2z5aEyQJA (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
20. Оценка предметов коллекционирования. Провинциальный музей Хэйлунцзяна // Baidu: сайт. – URL: [https://baike.baidu.com/reference/1629873/a233PU1WRccuQZt_63vpPaMFrWxVCbTkr3GbA_B7VKUwH3afemN7CK092gqN3ZTuqZrYObj6xwArCvO2RmZ4H7y2Anj_](https://baike.baidu.com/reference/1629873/a233PU1WRccuQZt_63vpPaMFrWxVCbTkr3GbA_B7VKUwH3afemN7CK092gqN3ZTuqZrYOobj6xwArCvO2RmZ4H7y2Anj_) (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
21. Цянь Чжигэн. Провинция Хэйлунцзян Чжи. Культурные реликвии Чжи / Цянь Чжигэн. – Харбин: Народное издательство Хэйлунцзяна, 1994. – 459 с.
22. Шушарина, Г. А. Выставочное движение как инструмент культурной дипломатии КНР / Г. А. Шушарина, Т. А. Чебанюк, Ц. Чень // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № IV (60). – С. 79-82.

Марков А. В., Штайн О. А.

A. V. Markov, O. A. Shtayn

ЛИДИЯ ЮДИФОВНА БЕРДЯЕВА: ДУХОВНЫЙ ПРОФИЛЬ И МЫСЛЬ О КУЛЬТУРЕ

LIDIA YUDIFOVNA BERDYAEVA: SPIRITUAL PROFILE AND CULTURAL THOUGHT

Марков Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва); 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: markovius@gmail.com.

Alexander V. Markov – Doctor of Sciences in Literature, Professor, Department of Art Studies, Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow); 125993, GSP-3, Moscow, 6 Miusskaya square. E-mail: markovius@gmail.com.

Штайн Оксана Александровна – кандидат философских наук, доцент Департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург); 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com.

Oksana A. Shtayn – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg); 620002, Yekaterinburg, 19 Mira str. E-mail: shtaynshtayn@gmail.com.

Аннотация. В статье впервые реконструируется самостоятельная философская позиция Лидии Юдифовны Бердяевой (1871–1945), жены великого русского философа. Её отношения с деятелями символизма диктовались не её идеями и характером, а масками, ролями и готовыми амплуа, а также символами, встроенными в стратегии поведения. Но постепенно Бердяева создаёт насыщенный символический мир, не сводящийся к сюжетам взаимных отношений, но формирующий аскетико-мистическое воображение. Её опыт телесности – движение от социальной маски к аскетической памяти, и своего мужа она вдохновляла особым переживанием прошлого, отсутствием ностальгии. Её стихи показывают переход от символизма к взгляду на всю жизнь как на театр в духе меланхолии барокко, многочисленные параллели между сюжетами её стихов и заметками о кино, литературе и театре в её дневниках показывают конструктивный характер её воображения. Католическую медитацию она дополняла особым экстенсивным восприятием литературы романного жанра и судеб людей, направляя и размыщления Бердяева о новой соборности. Бердяева должна быть признана самостоятельным социальным мыслителем эпохи экспрессионизма и конструктивизма.

Summary. The paper reconstructs the autonomous philosophical position of Lidia Yudifovna Berdyaeva (1871–1945), the wife of the great Russian philosopher, for the first time. Her relations with the figures of Symbolism were determined not by her ideas and character, but by masks, roles and ready-made playthings, as well as by symbols embedded in behavioral strategies. But gradually Berdyaeva constructed a full-bodied symbolic world, not reduced to plots of reciprocal relations, but shaped by an ascetic-mystical imagination. Her experience of corporeality is a progression from social mask to ascetic memory, and she inspired her husband with a particular experience of the past, an unsparing absence of nostalgia. Her poems show a shift from symbolism to a view of all life as theater in the spirit of Baroque melancholy; the many parallels between the subjects of her poems and her remarks about film, literature, and theater in her diaries show the constructive quality of her imagination. She augmented her Catholic meditation with a special extensive perception of the literature of the novel genre and the destinies of people, guiding Berdyaev's reflections on the new sobornost'. Berdyaeva should be acknowledged as an original social thinker of the era of expressionism and constructivism.

Ключевые слова: Лидия Бердяева, Николай Бердяев, серебряный век, соборность, символизм, жизнестроительство, поэтический символ, философия как творчество.

Key words: Lydia Berdyaeva, Nikolai Berdyaev, Silver Age, sobornost, symbolism, life-building, poetic symbol, philosophy as creativity.

УДК 008(091)

Лидия Юдифовна Бердяева (Трушева) родилась 20 августа 1871 году в Харькове [1, 5]. Свой возраст она, как и её младшая сестра Евгения, занижала на несколько лет, указывая в документах 1873 или 1874 год. В этом она сходна со своим сверстником Михаилом Алексеевичем Кузминым, отношения с которым потом оказались более чем драматичными: тот тоже, будучи 1872 года рождения, в анкетах указывал 1875 год. В таком обращении с датой рождения нужно видеть большее, чем кокетство: такое сжатие временной перспективы требовалось человеку, несколько раз менявшему образ жизни, это был один из способов избавиться от тяготящих слишком больших пластов пережитого прошлого.

Но Лидия Трушева распоряжалась своим настоящим и прошлым особенным образом, который можно назвать *апофатическим*. Она определяла не то, что она должна в жизни, а что не должна делать. Так, в 19 лет она написала письмо Льву Толстому, где просила о благословении поступать на фельдшерские курсы для служения народу – гимназия, признавалась девушка, ничего не дала ни уму, ни душе, но и после окончания гимназии два года невозможности найти себя [1, 6]. Не отсюда ли ощущение пропущенных лет, не идущих в счёт возраста? Толстой отговорил девушку-философа от практического доброделания, сообщив в ответном письме, что лучше не делать зла. Тогда христианский замысел о человеке, говорил Толстой, и совпадёт с его действительной природой, человека доброго и уменьшающего зло вокруг себя [1, 7].

Заметим, что Толстой, во многом следует представлениям стоиков о доброте человеческой природы, которую искажают страсти, выворачивает стоицизм: он говорит не о добре, которое поддерживается долгом перед другими, но о добре, которое исходит от человека, как исходит благодать, и которое уменьшает тем самым число зла не внутри социально-политических ситуаций, а в мире вообще. Стоицизм у Толстого явно дополнен *этикой долга* Канта, вполне отвечающей христианскому пониманию покаяния, в которой склонности человеческой природы в конце концов и оказываются способом утвердить разумность человека, – каковой и реализует правильную склонность как особый долг, как долг стать другим, не таким как прежде, *долг стать этическим субъектом*.

Такое выворачивание стоицизма во многом определило и поведение Лидии Трушевой, Рапп по первому мужу, Бердяевой по второму, внутри русского модернизма. Участие в революционном движении привело к вынужденной эмиграции в Париж, возвращению, аресту и расставанию с первым мужем – вечная ссылка не казалась уже ей жизнью. С Бердяевым её познакомил Сергей Булгаков, сказавший, что их объединят общие эстетические вкусы: внимание к Блоку и Андрею Белому, любовь к новейшей живописи [1, 10]. Именно здесь Лидии и предлагалось реализовывать революционность: находить её не в работе подпольных кружков, а в самой передовой форме нового искусства, подрывающего любую обыденность. За это Бердяев её полюбил, и полюбил навсегда: твёрдая мистическая вера, требовавшая ниспровержения всего привычного, вкус к необычному, который никогда не тешился просто формами, не принадлежал кружковым вкусам, но распространялся на устройство жизни, в которую надо было пустить чудесное, странное, юродивое как изнаночную сторону подлинного бытия [11]. Значительную часть жизни Бердяева помогала низшим и отверженным, и здесь она была как художница в мастерской – не как принимающий в свой круг других, не как человек круга или сообщества, но как смелая художница, готовая в мастерской благотворительности проводить часы и дни.

Союз с Бердяевым совсем не был удивительным для тогдашней разночинной модерной культуры. Но из переписки и мемуаров мы видим, какие напряжения создались вокруг невольных масок Бердяевой. В письме к Зинаиде Гиппиус Бердяев почти извинялся: «Я хотел Вам когда-нибудь рассказать, насколько это возможно, о моём отношении к Лидии Юдифовне. Вы невнимательны к ней и потому не понимаете, какой нежной и прекрасной любовью я люблю её. Это единственный человек, с которым я могу жить, чувствовать себя свободным, хорошо и чисто. Но роковая проблема пола этим не решается» [1, 12]. Из этого перехода к проблеме пола видно, что Гип-

пиус казалось, что Бердяев станет обыденным, что из глашатая нового религиозного сознания превратится в мужа жены, утратив мужественную солнечность.

Позднее, в эмиграции, Бердяева отрицала поэтический талант Гиппиус, считая, что она не может до конца принадлежать вдохновению [1, 177] – для Бердяевой всецелая принадлежность высшему и есть то приключение, которое и даёт всецелое бытие каждому шагу и слову твоему. Но если взгляды Гиппиус диктовались общим представлением о священном теле новейшего завета, которое должно преодолеть обыденные формы отношений полов, то ещё сильнее мужественность как солнечность пестовалась в кругу Вячеслава Иванова, который и связал впервые мужественность и солнечность, вдохновляясь явно неоплатонизмом арабо-персидской поэзии, прежде всего Гафиза.

Лидия Бердяева, как и её муж, принимала участие в Ивановских средах, где Бердяев был неизменным председателем, и кружке Друзей Гафиза – неформальном объединении поэтов и философов, искающих экстатического переживания слова. Сама Лидия Юдифовна мыслила себя как человек утончённой тени, а не яркого света: Бердяев даже собирался подарить хозяйке дома Лидии Зиновьевой-Аннибал чёрный ирис в знак того, что женщины должны создавать свой круг утончённости и гибкости, а не прямоты. Вероятно, на Башне все ждали от Бердяева утверждения солнечно-го, волевого начала, ждали, что он с его огненной шевелюрой и неподражаемым блеском в глазах и станет новым Гафизом. Лидию Юдифовну Иванов воспринимал как человека лунного света, говоря словами Розанова, как ночную сирену, томление ночи, сладостную беззвёздную пустыню, в которой гаснут звуки – этой образности полно стихотворение Иванова «Из далей далёких» [1, 14] – в лунном пейзаже глухнет волна времени, символ-жест становится символом-знаком [6].

Сама Лидия Юдифовна могла видеть в охлаждении отношения Иванова к ней вину Кузмина. Сам Кузмин признавал в дневнике: «Вначале стесняла тайно Бердяева, потом начала стеснять даже совсем и слишком явно» [1, 13]. Если переводить эти образы комедии дель арте на более привычный язык, то Кузмин хотел, чтобы Бердяев был образцом страсти. Но Бердяев всячески оглядывался на супругу, которая осуждала многие формы страсти, которая в разговоре могла назвать их чёрными цветами, как бы хоронящими человека заживо, пьяня ложными идеями и при этом ставя на нём печать отверженности, противоположную печати чистого вдохновения.

Если Иванов и Кузмин мыслили решение проблемы пола празднично, как апофеоз аллегорий, которые ведут к утверждению нового энтузиазма, то Бердяева видела кризисы, которые разрешаются не столько с помощью аллегорий, сколько с помощью амбивалентных символов. Самой духовной работой надо изменить смысл символа, превратить чёрный цветок в белый. Чёрный цветок страсти, чёрная роза страсти [1, 14] требуют духовного освобождения, чтобы расцвести белыми цветами. Здесь видны и уроки Толстого с его христианизацией стоицизма как реализации доб-рой склонности, и уроки Бердяева, который тогда стал говорить о безосновной свободе. Ведь свобода снимает противоречие замысла и реализации, данности и заданности, преодолевает эту и другие кантовские антиномии и оказывается просто выходом из страсти, начального несвободного состояния, в свободное состояние, в котором любая добрая склонность реализуется в своих свободных, трепетных и потому совершенных формах. Для Бердяева бытие и есть расцвет безоснов-ной свободы, белые цветы правильного трепета [9].

Бердяев явно иначе понимал отношение женского и мужского, чем Иванов или Кузмин. В своей академической заметке об Ивановских Средах он писал так: «Она [Зиновьева-Аннибал] не очень много говорила, не давала идейных решений, но создавала атмосферу даровитой женственности, в которой протекало всё наше общение, все наши разговоры. Л. Д. Зиновьева-Аннибал была совсем иной натурой, чем Вяч. Иванов, более дionисической, бурной, порывистой, революцион-ной по темпераменту, стихийной, вечно толкающей вперёд и ввысь. Такая женская стихия в со-единении с утончённым академизмом Вяч. Иванова, слишком многое принимающего и совмещ-ающего в себе, с трудом уловимого в своей единственной и последней вере, образовывала талант-ливую, поэтически претворённую атмосферу общения, никого и ничего из себя не извергавшую и не отталкивающую» [2, 320–321]. Зиновьева-Аннибал явно не хотела быть просто даровитой, и её

революционность была не только в темпераменте, а в постоянном формальном поиске, в том числе форм эстетизированной повседневности.

Бердяев же как раз видит революционность вообще как революционность своей жены, как её прежний революционный опыт, как особую решительность, как готовность сделать какой-то шаг, который он сам сделать не может. Сам Иванов, бесспорно, выстраивал себя не менее дионисическим, чем его жена, вдохновение от неё он воспринимал как вдохновение служительницы Диониса, но себя считал пророком Диониса, а не одним из служителей. Для него действительно, дионисийский кульп был женским, культом менад и амазонок, но его готовность принимать (например, внимательно выслушивать всех собеседников) следовала не из особенностей культа, а из амплуа пророка, возвышенного интеллектуала-эксперта. Мы видим, что Бердяев во многом проектирует на жизнь Башни свои представления о революционности: не как о пророческой реорганизации общества, но как готовности оказаться рядом с бездной, найти и безду страсти, и безду милюсердия прямо рядом.

Характерно, как по-разному Иванов и Бердяев прочитывали в своих работах Достоевского: Иванов видел в его романах трагические структуры, ведущие к неизменному катарсису, тогда как Бердяев – ту порывистость и анархичность, которая может разрешиться только в реальной истории русской революции и судеб мира [8]. Здесь опять же мы видим некоторое влияние Лидии Юдифовны, для которой не аллегоризм жанров, но тончайший символизм состояний, выламывающийся из любых жанровых ожиданий, определял современную культуру. Извне это могло восприниматься как домашность, как в несколько ироничных и доброжелательных мемуарах Евгении Герцык о московском периоде жизни Бердяева: «Красивая, ленивая в движениях Лидия Юдифовна в помятых бархатах величаво встречала гостей» [5, 155]. Понятно, что такая величавость требует вовсе не патетичности, а нюансированной душевной работы, того продолжения своего тела в добродушном внимании, которое выглядит лениво, хотя на самом деле оно просто внимательно.

Католическое обращение в 1918 году обязано тяжёлой болезни Лидии Юдифовны [1, 16]: в книге святой Терезы Авильской она нашла образец особого мужества, направленного не на обстоятельства, а на саму жизнь. Тереза, начинавшая с чтения рыцарских романов, была реформатором испанского и вообще католического женского монашества. Образы мужества, усвоенные из литературы, она превратила в образы интроспекции и одновременно распространения норм высказывания о внутренней жизни. Движение по «внутреннему замку» к «сокровенной комнате» в её аскетике было движением ко всё более непостижимой глубине внутренней жизни, но одновременно актом публикации этой непостижимости. Любая женщина, читательница сочинений Терезы, могла связать пережитое ей с теми напряжёнными эмоциональными высказываниями, которые создавала Тереза.

Если исходить из достижений французской социологии литературы, особое внимание уделявшей женскому чтению и его роли в становлении психологизма в романе, в частности, трудов Паскаль Казанова [7] и Роже Шартье [10], можно сказать, Тереза была первой писательницей для женщин, предшественницей многочисленных романисток: ведь в отличие от литературы мужчин, в которой главенствуют сюжеты, показывающие женщину извне, как соблазн или как странность внутри мужских приключений, встречную странницу-номадку бытия, в литературе женщин различные проявления характера сразу же создают «комнаты» такого замка. В женском романе мы узнаём не то, как бывает любопытство или чрезмерная влюбчивость наказана; но то, как таковые качества создают свои области толков и переживаний, не оставляющих женщину и после переходных состояний, после бессонной ночи или после более любого бедствия потрясающего волнения.

Характер, черты любознательности или строгости оказываются характером наведения порядка в какой-то внутренней комнате, в которой приходится оставаться, потому что за одними внешними испытаниями могут прийти другие, ещё более невыносимые. Тереза, публикуя пережитое в каждой комнате внутренней жизни, помогает речи о внутренних переживаниях каждой женщины быть уместной, найти себе место. «Сердце не находит себе места», – говорят о волнениях, тогда как у Терезы, как и позднее в женских романах, сердце находит себе место. Только проект

Терезы подразумевает героическую гибель, со-распятие, тогда как женский роман – счастье, т. е. не трагический катарсис, а комический исход. Особенность Лидии Бердяевой была в том, что она, переживая всю свою жизнь после революции как трагический катарсис, вполне могла обращать внимание и на некоторый комизм жизни. Как показывает её дневник, она всячески подбадривала мужа, который часто оказывался в сложных ситуациях разрыва с бывшими знакомыми, непонимания, недоразумений.

В частности, Лидия Юдифовна постоянно говорит, как Николай Александрович сетовал на недостатки переводчиков, авторизовавших переводы у него: в переводах напряжение мысли передать трудно, устоявшаяся условная терминология французской традиции не соответствует характеру его мысли. Тем самым Бердяев вполне стал мыслить свою философскую работу не столько как опубличивание сокровенных мыслей, сколько как *прохождение по своему внутреннему замку интуиций*, которые ещё не имеют готовых слов, но могут быть восприняты после различных психологических поворотов текста, соответствующих психологическим поворотам сюжета сложного романа.

Катартическое понимание действительности в соединении с поиском новой соборности как свободы есть уже в дореволюционных стихах Бердяевой. Так, в журнале «Русская мысль» в 1915 году с подачи Бердяева вышли три стихотворения под псевдонимом *Лидия Литта*. В них мы видим общую образность русского символизма не только Блока, но и таких авторов, как Зинаида Гиппиус, Юргис Балтрушайтис, всех тех из русских символистов, кого можно отнести к северному или сдержанному модерну, несмотря на все экстатические интонации этих стихов. Такой северный колорит – это сдержанность редкого солнца, яркой внутренней жизни, требующей уюта, но не растраты себя на сюжетные чрезмерности и *эмоциональные декорации*.

Общий сюжет этих стихов – противопоставление индивидуалистической любви к земле и солнцу и соборного переживания природных явлений, которые оказываются общими для всех людей. Индивидуализм оказывается экстатическим, но при этом постоянно ставящим себя под сомнение, спотыкающимся о собственную речь и собственные вопросы, тогда как соборность заклинает, завораживает и в конце концов распространяет своё влияние на множество людей. Бердяев называл это принадлежностью к церкви Духа, которое и приблизило его жену к святости в последние годы [3, 156].

Работа стихов Бердяевой хорошо может быть рассмотрена на двух примерах. Первый пример – экспрессионистическое стихотворение «Лето в Париже»:

Шестиэтажный дом...
В раскрытых окнах
Плечи, руки, лица
Над улицей повисли,
Дом веселится.
Шарманка воет у ворот,
В четвёртом стонет Тино Росси,
В третьем вальс Шопена
Кружится с джаз-бандом...
Визжит певица –
Дом веселится!
И лишь один там, на шестом,
От наглой музыки,
От пошлости людской изнемогает...
Вдруг... окно он распахнул.
Взмахнула крыльями душа,
А тело шлепнуло[сь] о мостовую...
Март, 38 [1, 211].

Мотивы этого стихотворения уже не напоминают о сдержанной декоративности северного модерна, напротив, в этом стихотворении сломанные судьбы стали предметом особого переживания. Стихотворение вполне воспроизводит схему «внутреннего замка» святой Терезы: только в самой потайной комнате мы можем достичь настоящей окрылённости, не оспариваемой необходимыми испытаниями. В стихотворении Лидии Бердяевой испытания натурализуются как музыкальные соблазны, кружение пластинок, головокружение и висящие над городом звуки сливаются в единый образ большого суетливого города, способного только вызывать визг, вроде визга иглы на потертой пластинке или скрипа пружины граммофона. Техническое, механический морок и служит описанию аффектов современных людей, вполне по законам экспрессионизма. И поэтому вместо духовного совершенствования происходит срыв, самоубийство, полёт к дьяволу, а не Господу. Чистое вдохновение в этом мире не поднимает человека, испорченного всеми этими звуками и следами граммофонных дорожек, но, напротив, оставляет его в этой запутанности. Он изнемогает, сам себе становится тюрьмой. Если святая Тереза требует посмотреть на внутренние трудности как на сюжет, то современный человек в шуме цивилизации разучился выстраивать сюжеты вроде спасительных сюжетов Терезы.

Параллелью к этому стихотворению можно считать наблюдения над советским фильмом «Гроза» 1934 года Владимира Петрова [1, 33]. В этом фильме она увидела одновременно карикатуру и свидетельство: и карикатуру на русскую жизнь вообще, малоприятную для русского человека, и свидетельство того, что гражданская война не исправила нравы, а, напротив, сделала людей ещё менее приветливыми. То есть люди разучились прослеживать сюжеты своей жизни, сюжеты стали слишком грубыми, но именно поэтому люди не воспаряют ввысь, но остаются запертными в неприветливости. Они не могут посмотреть на собственную неприветливость как на комический сюжет, но не могут пережить и трагический катарсис.

Другой пример: Бердяева воспринимает снегопад в Париже как иллюзию: «Зима, русская зима! За окнами деревья в пушистом снегу. В соседнем с нами саду дети лепят бабу, бросают снежевые шарики... И всё это кажется мне лишь декорацией к какой-то пьесе из русской жизни... Франции это не идёт, как не идёт русский кафтан испанцу или турку» [1, 78]. Получается, что русская жизнь и есть настоящий, правильно сыгранный и правильно пережитый спектакль с необходимым комизмом и необходимой весёлостью. Здесь же вместо комизма перед нами просто усвоение навыков адаптации, восприятие характерных практик, которое не может стать спектаклем, но поэтому не может и вызвать настоящего доверия.

Здесь Бердяева продолжает завет Толстого, что подлинная жизнь – это не реакция на происходящее, но развитие *большого доверия жизни*, которого хватает и на множество зимних веселей долгой русской зимой. Даже если русская зима только воспоминание, то как раз умение отличить декорации от живого переживания делает это воспоминание локализованным, предметом медитации и в конце концов предметом трагического переживания необратимости исторического времени. Эта необратимость времени как постоянно угашающего дух движения, которая преодолевается только постоянной трансгрессией мистического чувства, которое и за «миром объектов» [4] как миром неподвижных декораций и реквизита вскрывает свой собственный исток духовного оживления, как бы выворачивает временную перспективу – магистральная тема поздней философии Бердяева.

Но такой же образ даже природного лунного мира как реквизита есть в стихах Лидии Бердяевой:

Капричио № 2

Из серебряно-хрустальной
лейки
Льется лунная вода...
Под деревьями,
На кружевной скамейке

Девушки из голубого льда.
Затрубили в трубы медные
лягушки
У стеклянного пруда...
Знаешь ли? Земля – весёлая
игрушка.
Землю можно повернуть
туда-сюда.
Месяц – ломтик апельсина
Над осиной.
Гулко квакают лягушки
Где-то в тине.
Сонный ветер лес ласкает,
Веет паутиной.
Бледный вечер умирает
Над долиной [1, 227].

Ритм Андрея Белого здесь вполне передаёт главную идею позднего Бердяева: постоянное умирание сопровождает человека. Смертность человека и смертность мироздания не коррелирующие состояния, а испытание экзистенциальной глубины человека; мир объектов как бы для того и создан, чтобы испытывать экзистенциальную глубину человека. В любом случае такое постоянное самоуглубление Лидии Бердяевой явно обогащало мысль Бердяева, усиливая если не качество этой мысли, то её настрой. Лидию Бердяеву вполне можно признать самостоятельным поэтом-мыслителем, устанавливающим особые причинности и показывающим тупики индивидуализма как злоупотребления причинами вещей.

Только обновлённая соборность как совместное переживание сюжетов спасения и может освободить человека от вторичности, сна, постоянных следов и шумов. Интроспекция вовсе не противоречит соборности, но, напротив, просто учит лучше воспринимать доступные всем сюжеты спасения, с переходом от отдельных индивидуальных переживаний поверхности вещей к принятию себя как человека, способного породить любые поверхности вещей и любые их настоящие обличья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяева, Л. Ю. Профессия: жена философа / Л. Ю. Бердяева – М.: Молодая гвардия, 2002. – 262 с.
2. Бердяев, Н. А. Ивановские среды / Н. А. Бердяев // Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. – Париж: Athenaeum, 1990. – С. 319-323.
3. Бердяев, Н. А. Самопознание. (Опыт философской автобиографии) / Н. А. Бердяев. – Париж: ИМКА-Пресс, 1983. – 412 с.
4. Бердяев, Н. А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения / Н. А. Бердяев. – Париж: ИМКА-Пресс, 1934. – 191 с.
5. Герцык, Е. Воспоминания / Е. Герцык. – М.: Московский рабочий, 1996. – 448 с.
6. Ерошенко, А. А. Сатурн как знак: ренессансная космология между интеллектуальной историей и теорией / А. А. Ерошенко, А. А. Кочековский // Шаги/Steps. – 2021. – Т. 7. – № 4. – С. 281-299.
7. Казанова, П. Мировая республика литературы / Паскаль Казанова; [пер. с фр. М. Кожевникова, М. Летарова-Гистер]. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. – 416 с.
8. Магарил-Ильяева, Т. Г. Богословие Достоевского в понимании Бердяева / Т. Г. Магарил-Ильяева // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. – 2020. – № 3 (11). – С. 117-139.
9. Марков, А. В. Бердяев как Бунин / А. В. Марков // Новый мир. – 2020. – № 12. – С. 155-157.
10. Шартье, Р. Письменная культура и общество. XIV-XVIII вв. / Роже Шартье, пер. с фр. – М.: Новое издательство, 2006. – 272 с.
11. Штайн, О. А. По ту сторону лицевой и изнаночной / О. А. Штайн // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12. – № 3. – С. 254-259.

Мусалитина Е. А., Пустовит Н. Е.

E. A. Musalitina, N. E. Pustovit

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В КУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ (ВЗГЛЯД ИНОСТРАНЦЕВ)

PROBLEMS OF INTEGRATION OF FOREIGN STUDENTS INTO CULTURAL ENVIRONMENT OF THE KHABAROVSK REGION (IN VIEW OF FOREIGNERS)

Мусалитина Евгения Александровна – кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Evgenia A. Musalitina – PhD in Culture Studies, Assistant Professor, Linguistics and Cross-Culture Communication Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: tarasova2784@mail.ru.

Пустовит Никита Евгеньевич – магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: nik.pustovit@gmail.com.

Nikita E. Pustovit – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str. E-mail: nik.pustovit@gmail.com.

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению актуальных проблем интеграции иностранных студентов в культурную среду Хабаровского края в контексте отношения к проблеме самих иностранцев. Актуальность исследования трудностей интеграции приезжающих на обучение в культурную среду Хабаровского края в представлениях иностранцев обусловлена существующими лакунами в научных работах, посвящённых проблемам интеграции в новую среду именно с позиции самих приезжих. Большинство таких исследований направлено на рассмотрение отношения принимающей стороны к иностранным гражданам. Однако представляется необходимым комплексное изучение проблемы, понимание трудностей тех, кто проходит процесс социокультурной адаптации, что в результате будет способствовать разработке эффективных мер поддержки иностранных студентов и повышению статуса учебных заведений Хабаровского края в международном образовательном сотрудничестве.

Summary. The study analyzes current problems of integration of foreign students into cultural environment of the Khabarovsk territory in the context of attitude of foreigners to the problem. The relevance of study of integration difficulties of students to cultural environment of the Khabarovsk territory from foreigners' point of view is due to the existing gaps in scientific researches devoted to the problems of integration of foreigners. Most of these studies are aimed at considering the attitude of the local to foreigners. However, it seems necessary to comprehensively study the problem, understand the difficulties of those who are going through the process of socio-cultural adaptation, which, as a result, will contribute to the development of effective measures to support foreign students and improve the status of educational institutions of the Khabarovsk territory in international educational cooperation.

Ключевые слова: интеграция иностранных студентов, культурная среда, социокультурная адаптация, Хабаровский край.

Key words: integration of foreign students, cultural environment, sociocultural adaptation, Khabarovsk Region.

УДК 316.7

Актуальность исследования проблем интеграции иностранных студентов в культурную среду Хабаровского края в представлениях самих студентов обусловлена существующими лакунами в научных работах, посвящённых рассмотрению проблем интеграции в новую социокультурную среду именно с позиции иностранных граждан. Большинство таких исследований направлено на рассмотрение проблем, связанных с принимающей культурой. Однако представляется не-

обходимым комплексное изучение вопроса, понимание трудностей тех, кто проходит процесс социокультурной адаптации, что в результате будет способствовать разработке эффективных мер поддержки иностранных граждан и повышению статуса Хабаровского края и местных образовательных учреждений на международном уровне.

Для реализации данного исследования был проведён опрос среди иностранных студентов, в настоящий момент обучающихся в вузах Хабаровского края и планирующих проживание в России в течение нескольких лет. Результаты опроса позволили сделать вывод о том, что, несмотря на повышенное внимание к проблемам интеграции и адаптации иностранных студентов, остаётся ряд нерешённых вопросов, связанных с необходимостью сохранения национальной культуры приезжающего населения и одновременно интеграции в культуру-реципиент.

Интеграционные процессы затрагивают практически все сферы человеческого общества, и Россия не является исключением. Будучи многонациональным, наше государство имеет длительную традицию симбиоза различных народов и их культур. Хабаровский край также включён в эти процессы: необходимость увеличения масштабов международного сотрудничества обостряет проблему привлечения иностранных граждан в регион, в том числе студентов.

Активизация глобализационных процессов приводит к увеличению миграционных потоков во всём мире. Переезд в новую страну на временное или постоянное проживание имеет разные мотивы, но у студентов, несомненно, основная причина – получение высшего образования. Перемена привычной среды жизнедеятельности способствует появлению острых социальных проблем, связанных с приспособлением к новым условиям жизни и принятием местным обществом. В силу этого в настоящее время проблема социокультурной интеграции приобретает особое значение и становится предметом исследований отечественных и зарубежных специалистов широкого круга научного знания.

Процесс социокультурной адаптации и интеграции включает принятие социальных норм, национально-культурных обычаев и традиций принимающего общества и является проблемой, исследуемой такими науками, как социология, культурология, антропология, философия, психология, лингвистика, история и др. [20]. Согласно мнению М. В. Ромма, социокультурная интеграция имеет широкую трактовку, которая зависит от применяемого в исследовании подхода [11, 164].

Российские социологи О. В. Щедрина, А. Г. Осипов предлагают два сценария реализации социокультурной адаптации:

1. Ассимиляция, которая предполагает доминирование культуры принимающего общества над этническими культурами мигрантов, необходимость следовать локальным социокультурным нормам без возможности выражать свои национально-религиозные ценности.

2. Симбиоз культур. Выражается в признании их равенства, прав на совместное сосуществование и недопущение доминирования одной национальной культуры над другой [18].

Оба сценария являются предметом широких научных дискуссий. Так, российский социолог С. В. Чабан отмечает, что ассимиляция как один из вариантов интеграции может привести к обесцениванию этнических культур мигрантов в принимающем обществе, невозможности сохранить национальную специфику [15, 98].

В рамках данного исследования социокультурная адаптация рассматривается в контексте культурологического подхода. Вслед за культурологами Е. Я. Александровой и И. М. Быховской мы полагаем, что актуальность рассмотрения вопросов интеграции в новую среду с позиции культурологии определяется тем фактом, что этот процесс представляет собой важную часть культурно-исторического развития общества [1, 79].

Процесс интеграции иностранцев в новое социокультурное окружение представляет собой сложный многоэтапный процесс, на который оказывают влияние разные социокультурные и другие факторы. Если исходить из определения культуры как «...совокупности знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества», предложенного Э. Б. Тейлором [14, 128], то представляется необходимым рассматривать культурологические аспекты сложного социально-культурного феномена адаптации иностранцев.

В качестве теоретической базы исследования культурологических аспектов проблемы адаптации также выступают научные работы культурологов А. С. Ахиезера, П. С. Гуревича, М. С. Кагана,

В. М. Розина, А. Я. Флиера и других, в которых раскрываются особенности и закономерности исследования социально-культурных процессов и феноменов в контексте культурологического подхода.

Особое значение для теоретико-методологической базы исследования имеет концепция диалога культур М. М. Бахтина, рассматривающая социальную жизнь как взаимодействие «я» и «чужого», которое находит отражение во всех сферах общества [3, 274].

Необходимость исследования проблем интеграции иностранцев в новую среду с позиции культуры подтверждается социокультурной концепцией П. А. Сорокина, в которой раскрывается идея о неразрывной связи социальных процессов, личности и культуры [13, 218].

Культуролог С. Н. Лондаджим утверждает, что процесс интеграции в новый социум включает аккультурацию, адаптацию и во многом определяется уровнем владения языка, национальной системой ценностей, особенностями мировоззрения, ожиданиями от пребывания в новой стране, мотивами переезда, уровнем стрессоустойчивости к серьёзным жизненным изменениям, особенностями восприятия принимающим обществом [8].

В. Ю. Леденева представляет идею о том, что симбиоз культур, который предполагает переход к мультикультурному обществу, в результате миграционных процессов может нести в себе опасность стирания этнокультурной уникальности наций [7, 132]. Наряду с этим исследователь О. В. Смирнова, занимающаяся проблемами сохранения национальной культуры в процессе миграции, утверждает, что узкая интерпретация мультикультурной модели интеграции может искусственно стирать остроту проблемы дискриминации, объясняя её национально-культурными различиями. В силу этого мультикультурное общество, формируемое в результате миграционных процессов, не должно сводиться к совокупности нескольких культур, а должно представлять культурное разнообразие принимающего общества [12].

Исследователи, занимающиеся поиском способов оптимизации двусторонней адаптации иностранцев и принимающего общества, выдвигают мысль о том, что этот процесс во многом зависит от социальной категории приезжих и их целевых установок [9, 53]. В связи с этим в отечественной литературе среди иностранцев, приезжающих в Россию, выделяют три основные категории: 1) трудовые мигранты (как правило, временные); 2) студенты, приезжающие на учёбу для получения высшего и послевузовского образования; 3) мигранты-переселенцы, приезжающие на постоянное место жительства и ставящие цель получить российское гражданство [15].

Аналитический обзор существующих на данный момент исследований, посвящённых адаптации и интеграции иностранных граждан в России, показывает, что большинство этих работ направлено на изучение проблем, связанных с принимающей стороной. Культурологи Н. Л. Шамне, М. В. Милованова представляют результаты исследования по выявлению особенностей отношения принимающего общества к приезжим, оценку их пребывания на своей территории, положительных и отрицательных настроений, возникающих у местного населения в результате контактов с иностранцами [16]. Широкое освещение получили вопросы разработки федеральных и региональных мер поддержки пришлого населения [2; 6].

Несмотря на широкое освещение проблемы, наблюдается лакуна в исследованиях интеграции в новую социокультурную среду именно с позиции самих иностранных граждан. Изучение этого аспекта интеграции требует решения следующих задач: во-первых, следует определить круг вопросов, которые представляют особую трудность для иностранцев в процессе адаптации в новой социокультурной среде; во-вторых, на основе полученных данных разработать эффективные меры поддержки приезжих студентов.

Научная новизна исследования. В настоящее время Дальний Восток России, в том числе Хабаровский край, является быстро развивающейся территорией, модернизация которой требует современных подходов. В этом контексте рост числа иностранных граждан в крае должен рассматриваться не как социальный кризис, а как потенциальная возможность развития многих отраслей.

В рамках данного исследования предлагается подойти к решению этой проблемы с другой стороны и ориентироваться на потребности и сложности не только принимающей культурной среды, но и тех, кто вынужден адаптироваться к новым условиям, т. е. иностранных граждан. Наряду с этим особое внимание в рамках данного исследования уделяется иностранцам, временно прожи-

вающим в регионе, а именно студентам, получающим образование и возвращающимся на родину через несколько лет.

Поскольку традиционно исследователи занимаются проблемами адаптации и аккультурации мигрантов, планирующих постоянное проживание в России, проблемы временно пребывающих в нашей стране не находят достаточного отражения в научных исследованиях. Однако именно эта категория иностранных граждан может рассматриваться как источник формирования позитивного образа России за рубежом, в частности в странах АТР. В силу этих причин необходимо обеспечить комфортную и мягкую социокультурную адаптацию временно проживающим иностранцам, в том числе студентам. Комплексный подход позволит вывести миграцию и привлечение иностранцев на качественно новый уровень в социальной политике края.

Цель исследования – выявить основные трудности интеграции в социокультурную среду Хабаровского края в восприятии иностранных студентов.

Исследовательские задачи:

1. рассмотреть основные этапы и закономерности социокультурной адаптации иностранцев как культурного феномена;
2. провести опрос иностранных студентов с целью выявления проблем интеграции;
3. осуществить анализ данных, полученных в результате опроса;
4. выявить аспекты проблемы интеграции иностранных студентов в социокультурную среду края.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели был проведён анонимный онлайн-опрос среди иностранных студентов (в основном это студенты из Китая и Таджикистана), обучающихся в вузах Хабаровского края: в Комсомольском-на-Амуре государственном университете, Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете и Тихоокеанском государственном университете. Поскольку круг респондентов был ограничен студенчеством, возрастные рамки определяются этим периодом и позволяют включить в исследование респондентов в среднем от 18 до 23 лет.

Данная выборка обусловлена тем, что представители указанных национальностей составляют большинство всей совокупности исследуемой группы (иностранных студентов) в Хабаровском крае [19]. Результаты опроса студентов вышеуказанных этнических групп могут демонстрировать выявленные показатели. Это объясняется тем, что все исследуемые представляют студенчество, пребываю в Хабаровском крае примерно одинаковый период времени и мотивированы одной целью, а именно получением высшего образования в России. При этом интеграция рассматривается как комплексная проблема, характерная для иностранных студентов в целом. Выявление культурных аспектов интеграции в зависимости от национальности студентов требует дальнейшего научного осмыслиния и представляется предметом самостоятельного исследования.

Опрос был проведён при содействии кураторов групп, таким образом, количество респондентов составило 357 человек. Анонимность опроса обеспечивает его вариабельность, а количество участников достаточно для того, чтобы считать данные репрезентативными. Минимальное отклонение составило 5 %.

Опросник включал 16 пунктов, составляющих две тематические группы:

- первая группа направлена на установление метаданных о респондентах (национальность, возраст, срок проживания в Хабаровском крае, сфера деятельности, факт нахождения в России родственников и т. д.) и выявление проблем социализации;
- вторая группа вопросов – выявление проблем и оценочного восприятия культурной адаптации иностранцев.

Этапы и закономерности социокультурной адаптации. Выявление социокультурных проблем, которые могут возникнуть в процессе интеграции, прежде всего, требует понимания этапов прохождения этого процесса. Согласно концепции социокультурной адаптации, предложенной социологом С. Лисгаардом, этот процесс предполагает прохождение следующих этапов:

1. Начальный период – высокий уровень интенции к социальной аккомодации. Наблюдаются устойчивая мотивация к вхождению в новую социальную-культурную среду; интерес к изучению языка страны пребывания; желание расширить круг общения, включая местных жителей.

2. Второй этап – переломный. В этот период иностранцы, приобретая более глубокие знания о новой культуре и местных социальных нормах и традициях, ощущают сепарацию, несоответствие чужой культуре, из-за чего часто ухудшается их психологическое состояние.

3. Третий этап – период установления устойчивого позитивного вхождения в новое общество. В процессе накопления опыта иностранцы привыкают к социальным нормам принимающего общества, имеют достаточные знания о ценностях чужой культуры. В связи с этим появляется возможность, сохраняя свои национальные традиции, адаптироваться к новым условиям жизни [21].

Наряду с официально выделяемыми вышеописанными этапами следует учитывать, что адаптационный процесс начинается ещё в родной стране, когда происходит расширение информационной базы о культурных особенностях, законодательстве, традициях, нормах общественного поведения в стране учёбы. Таким образом, будущий иностранный студент проходит подготовительный этап адаптации.

В процессе взаимодействия иностранцев с новым социальным окружением можно выделить следующие закономерности: они могут либо интегрироваться, либо оставаться в изоляции. В случае интеграции поведение иностранцев вызывает меньшую напряжённость, т. к. они демонстрируют конформистское отношение, принимая ценности и нормы преобладающей этнической или социокультурной группы [22]. Если среди приезжих наблюдается изолирующее поведение, что в свою очередь проявляется отвержением ценностей и норм доминирующей группы, то это может привести к большому напряжению и появлению недовольства у представителей социального окружения.

Немаловажную роль в адаптации имеет язык, который является основой идентичности для любой этнической группы. Владение и желание изучать иностранный язык служат свидетельством интеграции в принимающее общество.

Конфликты с принимающей стороной как проблема социокультурной адаптации. Социокультурная адаптация тесно связана с понятием социокультурной среды, которая представляется как сложная социальная структура, включающая религиозные, культурные, национальные, исторические, политico-экономические факторы реализации жизнедеятельности человека.

Интеграция иностранцев в новую социокультурную среду является длительным и сложным процессом. Он предполагает включение иностранца в принимающее общество, усвоение, уважение и принятие новых социокультурных норм и ценностей с возможностью сохранения своих национальных традиций [5]. Результативность интеграции определяется уровнем владения иностранным языком, степенью осведомлённости о национально-культурных традициях и истории принимающего государства, отсутствием межэтнических конфликтов между иностранцем и представителем принимающего общества, степенью вовлечённости в культурную, образовательную и другие сферы общества. При этом интеграция является двусторонним процессом, т. е. не только иностранцы приспосабливаются к принимающей стороне, но и принимающая сторона адаптируется к поликультурному взаимодействию. Таким образом, эффективность процесса зависит не только от степени принятия иностранца новым обществом, но и от уровня мотивации интегрирующегося.

Согласно данным исследования, представленным Федеральным агентством по делам национальностей России, наименьшую степень мотивации к интеграции в новую социокультурную среду демонстрируют мигранты – низкоквалифицированные рабочие из стран Средней Азии. Они не заинтересованы в изучении русского языка. Наряду с этим мигранты этой категории не планируют отказываться от соблюдения религиозных ритуалов, несмотря на их неуместность в условиях норм светского общества, 67 % из них готовы выходить на акции и митинги в поддержку своих национальных интересов [4].

Наибольшее стремление к принятию новым обществом демонстрируют студенты, несмотря на ограниченное по времени пребывание в России. Согласно представленным данным, желание ощущать себя «таким как все» вызвано повышенным психологическим дискомфортом в начале пребывания в чужой стране; 56 % иностранных студентов отмечают, что условия совместного обучения с русскими студентами побуждают их к интенсивному изучению русского языка [5]. Необходимость самостоятельно решать бытовые и формальные вопросы мотивирует получить ос-

новные правовые знания и усвоить социально-культурные нормы. В результате степень интеграции влияет на достижение основной цели адаптирующегося – получение образования в России.

Коммуникативные трудности с местным населением вызывают недоверие к «чужакам», что приводит к незащищённости иностранцев – в спорных ситуациях они не всегда могут объективно отстаивать свои интересы и защищать гражданские права. В российских СМИ последнее время можно наблюдать рост «националистического волнения». В этих СМИ активно обсуждаются случаи экстремистского поведения правонарушителей с националистической идеологией, когда жертвами таких нападений становятся представители выходцев из ближнего зарубежья. Это, в свою очередь, нередко приводит к формированию у иностранцев образа враждебно настроенного принимающего общества [10].

Региональные особенности социокультурной адаптации. Особую трудность при переезде в Россию с целью учёбы представляют отсутствие привычного комфорта, необходимость самостоятельного управления собственным бюджетом, проживание в условиях общежития. Это, в свою очередь, не позволяет студентам сконцентрироваться на учебном процессе. Для того чтобы иностранные студенты успешно адаптировались, необходимо учитывать культурные традиции и региональные особенности. Недостаточное знание местного менталитета и норм этикета может стать причиной конфликтов между иностранными студентами и местным населением. Таким образом, осознание культурных различий является важным аспектом формирования адаптационных навыков у иностранных студентов [17].

Восприятие иностранными студентами проблем интеграции в социокультурную среду края (результаты эксперимента). Согласно докладу зампредседателя Совета ректоров вузов Хабаровского края, Магаданской и Еврейской автономной области Юрия Марфина, в период с 2000 по 2023 гг. поток зарубежных студентов в Хабаровском крае увеличился на 31,6 %. В настоящий момент в регионе обучается более 2,6 тыс. иностранцев [19]. Студенты выбирают как технические, так и гуманитарные специальности, обучаясь по программам бакалавриата, магистратуры и аспирантуры.

В рамках исследования была предпринята попытка рассмотреть некоторые проблемы культурной адаптации иностранных граждан с позиции их восприятия этого процесса.

В результате исследования было установлено:

1. Среди иностранных студентов наибольшую группу составили таджики и китайцы, наименьшую – киргизы (см. рис. 1).
2. Больше половины опрошенных проживает в Российской Федерации от года до трёх лет.
3. 96,6 % приехавших прибыли в страну по собственному желанию.

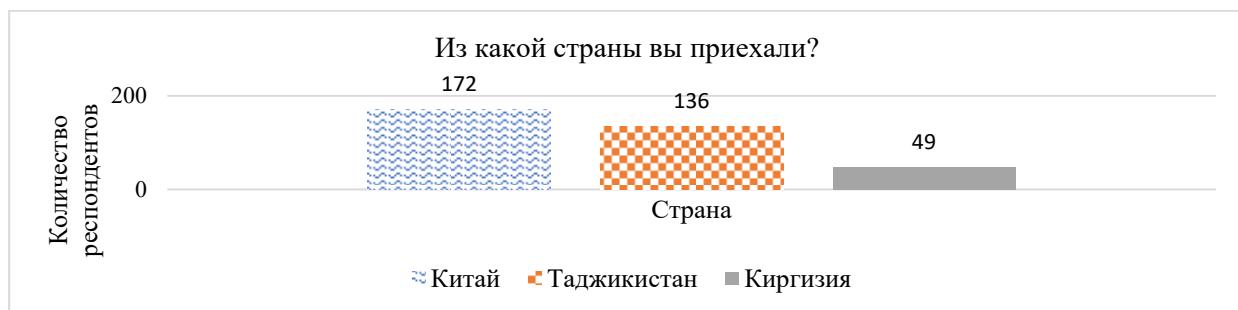

Рис. 1. Количественный состав иностранных студентов, участвовавших в опросе (2023 г.)

4. Целью пребывания в 90 % случаев указана учёба, остальные респонденты отметили работу.

Среди опрошенных 222 респондента учатся и временно проживают в г. Комсомольске-на-Амуре и 135 человек в г. Хабаровске.

5. Критерии выбора места учёбы были определены следующим образом (см. рис. 2).

Рис. 2. Критерии выбора места учёбы

Полученные в результате проведения опроса данные показывают, что иностранцы при выборе места учёбы в основном учитывают мнение друзей и родственников, а также репутацию учебного заведения и качество обучения.

В оценке качества взаимодействия с местным населением 82 % респондентов отметили, что к ним относятся «хорошо» и «нормально», и 17 % ответили, что «очень хорошо».

В целом взаимодействие с местным населением проходит без конфликтов, но возникающие разногласия случаются по причине неуважительного или оскорбительного отношения местного населения (см. рис. 3).

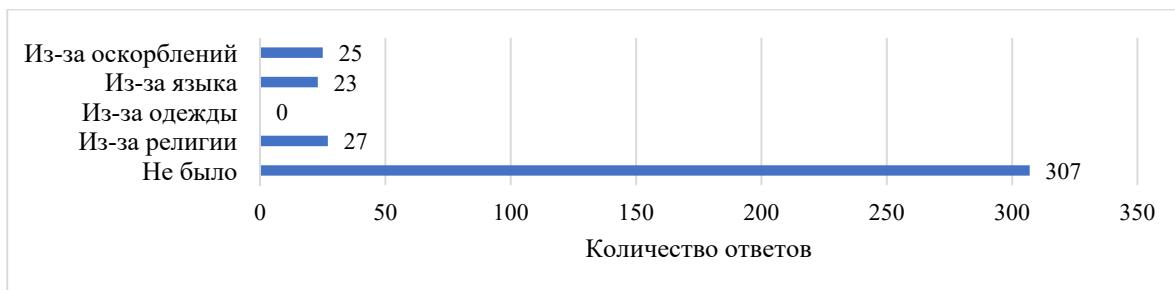

Рис. 3. Причины конфликтов между иностранцами и местным населением

Помимо конфликтов с принимающей стороной, иностранцы отмечают возникновение трудностей и в других сферах (см. рис. 4).

Около 50 % респондентов отмечают, что привыкли к культурным особенностям жизни в Хабаровском крае, вторая половина респондентов постепенно адаптируется, несмотря на определённые проблемы. При этом после окончания обучения 48 % планируют вернуться в свою страну, 34 % – остаться на Дальнем Востоке или переехать в другой регион РФ для продолжения обучения.

Заключение. Можно отметить, что результаты опроса свидетельствуют о необходимости принятия мер по интенсификации помощи иностранным студентам в интеграции в новую социокультурную среду края. Несмотря на существующее мнение, что адаптационные проблемы временно проживающих на территории РФ не заслуживают такого пристального внимания, как проблемы мигрантов, планирующих постоянное проживание в России, проблема не теряет своей актуальности. Уничтожение важности социокультурной адаптации временно проживающих в Хабаровском крае иностранных студентов может привести к снижению эффективности их обучения и в дальнейшем к ухудшению имиджа российских учебных заведений за рубежом.

Рис. 4. Трудности социокультурной адаптации

Обобщая результаты опроса, отметим, что, в процессе социокультурной адаптации проявляются как общие проблемы, не связанные с национальной принадлежностью иностранцев, так и этнически обусловленные. Так, наднациональные трудности адаптации обусловлены стрессовым характером процесса, необходимостью взаимодействия с представителями «чужой» культуры и принятия новых социально-культурных норм. Однако многоаспектность и динамичность исследуемого феномена объясняют выявленные национально-культурные различия.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что трудности в социокультурной адаптации китайских студентов чаще всего возникают из-за низкого уровня владения русским языком, различий в организации системы обучения в китайских и российских вузах, что в комплексе препятствует взаимодействию с локальной социокультурной средой. Это также приводит к проблемам в организации досуга. Студенты из Таджикистана и Киргизии легче адаптируются к новой жизни, основная причина этого – лучшее знание русского языка, что является наследием СССР.

Проведённый анализ показал, что для иностранцев является некомфортным отсутствие возможности в полной мере соблюдать традиции своей культуры. Так, для китайцев особо значимым является праздник «Чуньцзе» – китайский Новый год, или праздник Весны, который традиционно отмечается в кругу семьи. Поэтому ежегодно наблюдается большой отток китайских студентов, отезжающих на Родину в период зимней сессии. Таджики неукоснительно соблюдают ограничения, налагаемые постом национальных праздников, несмотря на непонимание местного населения, необходимость заниматься учебной и рабочей деятельностью. Это тоже вызывает определённый дискомфорт.

В заключение отметим, что, несмотря на существенное внимание к проблемам интеграции и адаптации иностранных граждан в крае, остаётся ряд нерешённых вопросов, связанных с необходимостью сохранения у приезжего населения национальной культуры и одновременно интеграции в культуру-реципиент. Дисбаланс в этом процессе нередко становится причиной этнических конфликтов и невозможности стать частью новой социокультурной среды. Выявленные проблемы интеграции с точки зрения самих иностранцев позволяют разработать план мер, необходимых для эффективного решения исследуемых проблем.

Перспектива исследования заключается в необходимости расширения эмпирической базы дальнейшего изучения интеграционных культурных процессов приезжего и местного населения, в рассмотрении влияния этнических особенностей в сфере здравоохранения, образования, института брака на степень принятия местных правил в этих важных социокультурных сферах. Для более глубокого понимания проблемы в дальнейшем необходимо расширить круг респондентов исследования, включая трудовых мигрантов.

Наряду с этим специфика национальной системы питания, климатические условия оказывают значительное влияние на особенности протекания социокультурной адаптации той или иной нации, поэтому требуется детальное рассмотрение этих факторов для комплексного исследования проблемы.

На основе дальнейшего углубления исследования представляется возможным разработать меры, необходимые для реализации поддержки разных социальных групп иностранных граждан, проживающих в Хабаровском крае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, Е. Я. Культурологические опыты / Е. Я. Александрова, И. М. Быховская. – М.: Московская консерватория, 1996. – 115 с.
2. Бажан, Т. А. О концепции Федерального закона о социальной и культурной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в российское общество / Т. А. Бажан // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 11 (185). – С. 9-31.
3. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
4. Игорь Баринов принял участие в заседании Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при совете Федерации // Официальный сайт ФАДН РФ. – URL: <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/> (дата обращения: 21.04.2024). – Текст: электронный.
5. Италиазова, А. А. Проблема адаптации иностранных студентов в российских вузах / А. А. Италиазова, Н. К. Еремина // Межкультурная коммуникация в современном мире: материалы II межвуз. науч.-практ. конф. иностран. студентов / под ред. Ю. А. Шурыгиной. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2021. – С. 87-89.
6. Лампадова, С. С. Институциональные предпосылки создания условий для адаптации иностранных граждан в Российской Федерации / С. С. Лампадова // Вестник экономической безопасности. – 2022. – № 6. – С. 156-161.
7. Леденева, В. Ю. Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России / В. Ю. Леденева, Л. А. Кононов; Российский университет дружбы народов. – М.: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – 296 с.
8. Лондаджим, С. Н. Понятие инкультурации, стадии и механизмы её формирования / Н. С. Лондаджим // Вопросы современной науки: проблемы, поиски, решения: сб. науч. тр. / под общ. ред. К. Б. Семенова. – М.: Перспектива, 2023. – С. 57-67.
9. Осипов, А. Г. Автономия, меньшинства и мультикультурализм: в чём смысл «правления многообразием»? / А. Г. Осипов // Мир России. – 2020. – № 1. – С. 109-110.
10. Почему мигранты стали совершать больше преступлений // Взгляд, сайт. – URL: <https://vz.ru/society/2023/4/11/1206938.html> (дата обращения: 25.04.2024). – Текст: электронный.
11. Ромм, М. В. Адаптация личности в социуме: теоретикометодологический аспект / М. В. Ромм. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2002. – 275 с.
12. Смирнова, О. В. Интеграция мигрантов как социокультурная проблема / О. В. Смирнова // Миссия конфессий. – 2022. – Т. 11. – № 8 (65). – С. 140-145.
13. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика / П. А. Сорокин. – URL: http://antimilitary.narod.ru/anthology/sorokin/Sorokin_Dynamics_1.htm (дата обращения: 25.04.2024). – Текст: электронный.
14. Тэйлор, Э. Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации / Э. Б. Тэйлор. – М.: Изд-во И. И. Билибина, 2019. – 328 с.
15. Чабан, С. В. Социокультурная идентификация и интеграция мигрантов в современной России: дис. ... канд. социологических наук: 22.00.06 / Чабан Светлана Викторовна. – Ростов-на-Дону, 2006. – 161 с.
16. Шамне, Н. Л. Культурно-языковая адаптация мигрантов как фактор формирования духовной безопасности полиэтнического региона / Н. Л. Шамне, М. В. Милованова // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сборник материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., Грозный, 01-03 декабря 2017 года. – Грозный: Чеченский государственный педагогический университет, 2017. – С. 618-623.
17. Шушарина, Г. А. Структура региональной идентичности в контексте трансформации общества / Г. А. Шушарина // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 3 (107). – С. 191-195.
18. Щедрина, О. В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? / О. В. Щедрина // Социологические исследования. – 2019. – № 11. – С. 67-75.
19. Экспорт образовательных услуг Хабаровского края в 2023 г. превысит 1,2 млрд рублей // Интерфакс, сайт. – URL: <https://academia.interfax.ru/ru/news/articles/> (дата обращения: 20.04.2024). – Текст: электронный.
20. Южанин, М. А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу / М. А. Южанин // Социологические исследования. – 2007. – № 5. – С. 70-77.
21. Latypova, E. Multicultural education of autochthons and migrants in Russia / E. Latypova, V. Kozmenko, S. Toktamyssov // Journal of Ethnic and Cultural Studies. – 2021. – Vol. 8, No. 3. – P. 203-216.
22. Lysgaard, S. Adjustment in a foreign society: Norwegian Fulbright grantees visiting the United States // International Social Sciences Bulletin. – 1955. – Vol. 7. – P. 45-51.

Нарейко И. Г., Савелова Е. В.

I. G. Nareyko, E. V. Savelova

СНЕЖНО-ЛЕДЯНОЙ ГОРОДОК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

SNOW AND ICE TOWN AS A CULTURAL PHENOMENON: A STATEMENT OF THE PROBLEM

Нарейко Игорь Георгиевич – аспирант кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: igor-nareyko@yandex.ru.

Igor G. Nareyko – Postgraduate Student, Department of Culture Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: igor-nareyko@yandex.ru.

Савелова Евгения Валерьевна – доктор философских наук, кандидат культурологии, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Evgenia V. Savelova – Doctor of Philosophy, PhD in of Culture Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Culture Studies and Museology, Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 112 Krasnorechenskaya st., Khabarovsk, 680045. E-mail: savelova_ev@hgiiik.ru.

Аннотация. Целью статьи является постановка проблемы культурологического аспекта исследования снежно-ледяных городков. В статье рассматривается возможность использования снега и льда в качестве материала для создания снежно-ледяных городков. Выявляются особенности снега и льда как весьма распространённого в природе материала. Авторами даётся краткий обзор отечественного и зарубежного опыта исследований снежно-ледяных городков, рассмотрены преимущества создания снежной и ледовой архитектуры. В работе выявлены исторические этапы формирования архитектуры изо льда и снега, изложены особенности возведения православного ледяного креста, российских снежных крепостей, детских зимних игровых площадок. Значимость полученных результатов для культурологии состоит в определении перспектив развития снежно-ледяных городков для сферы событийного туризма и индустрии развлечений.

Summary. The purpose of the article is to identify the problem of the cultural aspect of the study of snow and ice towns. The article considers the possibility of using snow and ice as a material for creating snow and ice towns. The features of snow and ice as a very common material in nature are revealed. The authors give a brief overview of the domestic and foreign research experience of snow and ice towns, and consider the advantages of creating snow and ice architecture. The paper identifies the historical stages of the formation of architecture made of ice and snow, outlines the features of the construction of the Orthodox ice cross, Russian snow fortresses, and children's winter playgrounds. The significance of the results obtained for cultural studies is to determine the prospects for the development of snow and ice towns for the field of event tourism and the entertainment industry.

Ключевые слова: лёд, снег, снежно-ледяной городок, ледяная архитектура, ледяная скульптура, история культуры.

Key words: ice, snow, snow and ice town, ice architecture, ice sculpture, cultural history.

УДК 008+930.85

Актуальность научного исследования снежно-ледяных городков в культурологическом аспекте связана в первую очередь с тем, что предпосылки к их зарождению и функционированию в различные эпохи не рассматривались комплексно, с учётом культурных особенностей территории, развития технологий, потребностей общества в появлении новых форм досуга и развлечения, запросов со стороны экологов, повышения требований безопасности и прочих факторов. Несмотря

на огромную популярность зимних развлечений в России и мире в целом, снежно-ледяные городки рассматривались лишь в определённых статичных формах: обрядовой, игровой, в виде комплексного коммерческого строения, физкультурно-оздоровительной, военной воспитательной или формирующей праздничное средовое пространство городов [12; 23; 25]. Однако всестороннее исследование снежно-ледяного городка как феномена культуры требует междисциплинарного подхода, основанного на знаниях, полученных из нескольких разных научных областей, таких как физика, оптика, кристаллография, гляциология, архитектура, дизайн, история культуры и искусства и др., что диктуется современной ситуацией в развитии науки, её полипарадигмальностью и трансдисциплинарностью [26].

Новогодний городок, зимний городок, снежный, ледовый городок, ice hotel, ледяной дворец (дом), рождественский ледяной вертеп – все эти термины, хоть и с различной окраской, описывают один и тот же культурный феномен, единого научного определения которому авторам найти не удалось. Исходя из этого, авторы предлагают классифицировать существующие виды зимних сооружений согласно используемому материалу как снежно-ледяные. Само же понятие «снежно-ледяной городок» предлагается рассматривать как специально отведённую территорию, выполняющую культурные функции, на которой осуществлено сооружение объектов из снега и льда с последующей механической обработкой.

В настоящее время снежно-ледяные городки в качестве культурологического явления не классифицированы и не имеют подробно изученных и описанных закономерностей своего появления и функционирования в мировой и отечественной культуре. Современные материалы, в основном зарубежные, тяготеют к прикладному характеру публикаций в виде рекламных проспектов, патентов, иллюстрированных альбомов и выставочных презентаций, связанных с экологией и ландшафтным дизайном, а также научно-популярных произведений.

Ознакомление с историей развития физики льда и снега, изучение их свойств как исходных материалов позволяют в целом лучше представлять особенности снежной и ледяной архитектуры и скульптуры, формы снежно-ледяных городков и объектов, созданных в нём, принципы работы различных инструментов, в том числе снегогенераторов – основного инструмента для создания современных снежно-ледяных городков и композиций (см. прим. 1). Так, например, профессор физики Калифорнийского технического института К. Либрехт представляет виды снежинок, процесс их зарождения, кристаллографию в своей научно-популярной книге [14]. А самым популярным изданием по теме снега и самым цитируемым в России и мире является «Иллюстрированная история Снеговика» Боба Экштейна [3]. Автором были обработаны материалы западных библиотек и архивов, исследованы частные коллекции, музейные экспонаты художественные объекты галерей. Так, в Королевской библиотеке Нидерландов в «Книге часов» им было обнаружено, пожалуй, самое древнее изображение снеговика, зажариваемого на сковородке. Исполненная в непринужденной манере, книга тем не менее является колоссальным источником исторических фактов и архивных данных.

Одним из исследований, посвящённых льду, является монография Эрика Уилсона [8]. Уделяя большое внимание кристаллографии, Э. Уилсон подробно описывает историю изучения оптических характеристик льда, которые являются наиважнейшим элементом в создании ледяных скульптур и сооружений. С точки зрения расширения понятийного аппарата и понимания терминологии полезна «Энциклопедия снега, льда и ледников» [7], в которой собраны статьи учёных всего мира по интересующей нас тематике.

Интерес к зимним объектам вызвал публикацию ряда зарубежных изданий прикладного характера, например, американского скульптора, педагога и консультанта по детскому образованию Джима Хаскинса, который в своей книге [4] затрагивает историю происхождения снежной и ледяной скульптуры, описывает технологию их изготовления, применяемые инструменты, а также даёт советы по подготовке и реализации эскизов. В книге американца Джозефа Амендолы [1] представлено понимание хода развития ледяной скульптуры, описаны новые инструменты для обработки ледяного материала, техники и приёмы работы, в конце издания приведены эскизы, которые могут опробовать начинающие. В книге [6] доктор Норман Прессман, профессор, основатель ас-

социации зимних городов, ставит вопросы адаптации жителей холодных территорий к суровому климату, разработки правил возведения строений, их соразмерности, освещённости.

Бесспорно, монументальным изданием по проблематике снежно-ледяных городков является монография Л. В. Никифоровой [21]. Автором проводится беспристрастный анализ самого первого дошедшего до нашего времени описания ледяного дома, построенного в 1740 году. Указываются его метафоричность, а также экспериментальность строения как общекультурная установка того времени.

Также отметим ряд работ современных российских исследователей, которые обращают внимание на некоторые аспекты проблематики снежно-ледяной скульптуры и архитектуры: Ф. Д. Мубаракшина [17], М. Р. Салыхова [23], Л. А. Пашкова, М. А. Екимова [22], С. Н. Логинов, Е. М. Самсонова [16] и др.

Среди отечественных авторов современного этапа выделяется издание хабаровского художника и скульптора, 13-кратного чемпиона мира по ледяной скульптуре С. Н. Логинова. Альбом «Ледовая скульптура – порыв вдохновения» представляет ретроспективу международных конкурсов Китая, США, Канады, Италии и Японии, небольшое количество текста перекрывается качественными изображениями созданных произведений, показывающих генезис хабаровской школы резчиков [15].

Какие же существуют историко-культурные традиции возведения и функционирования снежно-ледяной скульптуры и архитектуры в мировой и отечественной культуре?

Кристаллы льда и снега поражают наше воображение, с одной стороны, своими чёткими правильными гранями, а с другой – бесконечными переливами света и цвета. Загадочность и парадоксальность снежно-ледового материала многие столетия покоряла умы учёных, философов, художников, поэтов и всех тех, кто пытался его понять, осмыслить и предсказать его поведение. Но прогресс научного познания льда сдерживался нехваткой элементарных знаний о его физических и химических свойствах, что в свою очередь наделяло лёд особым символизмом и образностью.

Во многих культурах лёд воспринимался как символ богатства и роскоши. Само обладание льдом являлось символом обеспеченности, достатка и превосходства над теми, кто им не обладает. Так, например, одними из самых древних найденных источников на сегодняшний день являются упоминания о вавилонских клинописных табличках времён Хаммурапи, описывающих, как лёд привозили зимой из верховьев Тигра и Евфрата и хранили в специальных погребах. Лёд производился для фараонов Древнего Египта ещё 4000 лет до н. э. в виде кубиков для напитков либо сформированных кусков, его добыча была настолько трудоёмкой, а объёмы мизерными, что ценился он выше золота. В Древнем Иране с 400 года до н. э. лёд доставлялся с горных вершин и хранился в специальных сооружениях – ячхалах [5]. Лёд использовался в кондитерских целях для приготовления вручную мороженого, десертов и охлаждения напитков во всех странах Европы и Америки, а также в России вплоть до XIX века, когда появились первые запатентованные холодильные камеры и машины для промышленного производства мороженого [18].

Невозможно точно установить, когда впервые была создана ледяная скульптура. Некоторые зарубежные источники при рассмотрении этого вопроса ссылаются на китайские ледяные фонари как на её прообраз [1]. Согласно древним источникам, во времена династии Цин (1644–1911) эти фонари часто использовались рыбаками провинции Хэйлунцзян в зимнее время. Технология их изготовления была весьма примитивна и могла массово применяться. В плетёную непромокаемую корзину наливали воду и не давали ей замерзнуть в центре. Образовавшийся ледяной сосуд вынимали и ставили внутрь восковую свечу. В то время стекло не было широкодоступно, поэтому такие фонари служили отличным указателем, защищая огонь свечи от ветра.

Что касается российской традиции, интересна гипотеза о влиянии православия на зарождение искусства ледяной скульптуры, а именно традиции установки ледяного креста и церковных атрибутов возле иордани на праздник Крещения [19].

В своём труде «Водокрещи» в 1900 году тогда ещё доцент Московской духовной академии С. И. Смирнов с самого начала достаточно подробно разъясняет, что «праздник Крещения до сих пор сопровождается множеством суеверных обычаев и обрядов. Те из них, которые имеют хри-

стианское, а не языческое происхождение, сосредотачиваются около двух священных предметов – богоявленской воды и креста» [24]. Полупрозрачность льда определяет его цвет, который будет меняться с изменением освещения, но самое поразительное свойство в том, что, будучи размешённым на открытом пространстве, ледяной крест сам по себе становится уникальным и никогда не будет выглядеть одинаково дважды, отражая и преломляя проплывающие облака и краски горизонта, восхода или заката, рельефы речных торосов.

Отметим, что на дальневосточный регион также активно распространялись православные традиции водосвятия, обустройства вертепов изо льда и зимние заготовки ледяных «кабанов» (блоков льда). О традиции празднования Крещения в Хабаровске в своём дневнике пишет супруга приамурского генерал-губернатора Варвара Федоровна Духовская, урождённая княжна Голицына, кстати, родственница Михаила Алексеевича Голицына, Кvasника, на ночь заточённого с невестой Бужениновой в том самом, первом ледяному дворце Анны Иоановны. «На крещенское водосвятие зимующие в Хабаровске хохлы-переселенцы вырубили во льду громадный крест, выкрасили его и поставили стоймя на реке» [9]. Традиция красить крест свекольным квасом действительно существовала у украинцев и переместилась вместе с ними на Дальний Восток России. Та же традиция окраски креста свекольным квасом свойственна и сербскому народу.

В России первое зимнее строение изо льда, официально описанное в исторической литературе – Ледяной дом. Хочется отметить важность самого первого подробнейшего издания, в котором описывалось это зимнее строение изо льда – «Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санктпетербурге в январе месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов» [13]. Именно на этот первоисточник, дошедший до нас практически в идеальном состоянии, в своих работах ссылаются практически все исследователи культуры зимних празднеств, скульпторы, архитекторы, художники, историки и журналистское сообщество.

Важным для нашего дальнейшего изучения феномена снежно-ледяных городков является тот факт, что Ледяной дом не являлся одиночным сооружением, а представлял собой зимний развлекательный комплекс, имея на отведённой для него территории, помимо самого себя, ледяные скульптурные композиции в виде дельфинов с огненными фонтанами нефти, функционирующего ледяного слона, издающего звуки, а также действующие ледяные пушки, мортиры и иллюминацию. Сам же комплекс являлся частью культурной программы в рамках празднования заключения Белградского мира.

Таким образом, можно сделать выводы, что и чествование победителей в лаврах, и карнавал представителей многонационального народа, и воздвигнутое уникальное ледовое строение с действующими ледовыми пушками и огненными фонтанами было воплощением осознания государством важности того, что на увеселительные мероприятия подобного рода после нелёгкой войны возникает спрос – общественный спрос или социальный заказ. А выдав из казны 30 000 рублей, государство его реализовало, разместив, таким образом, в зиму 1739-1740 годов, пожалуй, первый российский государственный социальный заказ на создание культурного объекта [20].

Стоит отметить, что научная работа Г. В. Крафта была опубликована спустя год после обустройства Ледяного дома, и это не удивляет после её прочтения – само педантичное, по-немецки составленное описание объекта занимает чуть более трети всей книги, остальную же часть автор посвящает умозаключениям о поведении льда в качестве материала для строительства, попыткам разработки природных закономерностей льдообразования и физических свойств материала, размышлениям о его поведении и долговечности.

Позже этот дом был описан в популярнейшем одноимённом произведении И. И. Лажечникова, опубликованном в 1835 году, который в силу своей необъективности даже был негативно оценен А. С. Пушкиным. Произведение Лажечникова стало литературным поводом для долгосрочных художественных вариаций на тему создания холодных строений, которые, опираясь на исторический метод исследования в культурологии, позволяют проанализировать предпосылки и процесс возникновения зимних городков. Таким образом, первый описанный исторический Ледяной дом, следуя предлагаемому авторами понятию, может являться прототипом снежно-ледяного городка.

Характерным прообразом снежно-ледяного городка являются в российской культурной традиции потешные ледяные сооружения, создаваемые для досуга и игровых забав взрослых и детей, такие как ледяная или снежная крепость. Так, на 12-й странице своей книги Крафт, рассуждая о прочностных характеристиках фундамента будущего Ледяного дома, вскользь упоминает о том, что за семь лет до строительства Ледяного дома, т. е. в 1732 году, для увеселения на льду реки Нева была воздвигнута ледяная крепость, которая оборонылась от наступающих целым организованным для этого гарнизоном. Существует и другой, более древний источник – «Сказания современников о Дмитрии Самозванце», в котором строительство ледяной крепости в 30 верстах от Москвы вокруг обители Вяземская для увеселения датируется 1605 годом. В историко-этнографическом исследовании Б. В. Горбунова «Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских» описано состязание за обладание снежной крепостью – «городком», где он рассматривается в разрезе народной воинской состязательно-игровой традиции, которая, по его мнению, «является одной из самых значимых сфер мужской составляющей народной культуры» [11]. Б. В. Горбунов справедливо отмечает недостаточность изученности игры «взятие снежного городка», указывая на то, что она в основном являлась побочной в исследовании более общих проблем. В то же время в работе приводятся наглядные примеры возведения городков из различных материалов, традиции их «взятия» и чествования победителей с опорой на этнографические и литературные источники. Интересен для нас и тот факт, что по некоторым источникам, приводимым автором, зимние городки для военной забавы могли делиться на детские и взрослые, а сам обычай мог иметь древние, дохристианские корни.

Дореволюционные российские снежно-ледяные городки представляют исследовательский интерес с точки зрения религиозной основы их создания и оформления. Очень сильными оказываются языческие обычаи: взятие снежного городка, «утопление городового», увенчание ворот мёртвыми животными и птицами, пересечение озера на лодке и др.

Необходимо также рассматривать в культурологическом контексте особенности проектирования российских и советских детских зимних городков как наиболее часто встречающихся элементов городской культурной среды. В издании «Зимние развлечения для детей и подростков» А. И. Вишневского из серии «Воспитаем здоровую молодёжь» предприняты попытки введения понятия «зимняя площадка» – легко оборудуемого и осуществимого места, где бы могла проводить свой досуг детвора. Даются советы по выбору места обустройства, использованию инвентаря, безопасности, и предлагаются типы зимних площадок: 1) бульварная, деревенская 2) дворовая, 3) школьная или клубная и 4) центральная, районная [10]. Также прослеживаются попытки встроить в традиционное создание зимних городских площадок некоторые русские традиции, а именно: создание снежной крепости, горки, снежной хижины и снежной бабы, их также можно дополнить катком, скульптурными изображениями. Снежный материал предлагается в качестве самого доступного и широко распространённого.

Таким образом, в заключение отметим, что в настоящее время искусство ледяной и снежной скульптуры, строительства снежно-ледяных городков стало массовым явлением в США, Европе и Азии, где оно приобрело форму комплексов глобальных сооружений, выставок, отелей, вызывая большой интерес у посетителей и всплеск исследований, в основном в направлении экодизайна в условиях зимнего города и событийного туризма. К настоящему моменту самые масштабные снежно-ледяные городки возводятся в Китае, Японии, Норвегии, США и Европе. Это подтверждается большим количеством патентов, относящихся к резьбе по льду (см. прим. 2).

Поэтому в дальнейшем необходимо продолжить культурологические исследования исторического развития снежно-ледяных городков России, в том числе города Хабаровска, и их влияния на формирование инновационной городской культурной среды, сферы досуга, событийного туризма и индустрии развлечений. Основными принципами образцового экодизайна «зимнего города» должны быть контакт с природой, удобство использования, вовлечённость людей, культурная преемственность и создание комфортных микроклиматических условий на больших открытых пространствах города.

8 января 2020 года на открытии 36-го Международного фестиваля льда и снега в городе Харбин член постоянного комитета провинциального комитета партии Хэйлунцзян и секретарь городского комитета партии Харбина Ван Чжаоли произнёс приветственную речь, в которой он высказал мнение о том, что «лёд и снег – ценный подарок природы людям... Использование этих “даров” представляет собой беспрогрышную ситуацию, в которой лёд, снег и культура объединяются, создавая красоту и приводя к развитию» [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Amendola, J. Ice Carving Made Easy. 2nd ed. New York: Van Nostrand Reinhold, 1994. – 115 p.
2. Baijiahao.baidu.com: многочастотный канал информационного агентства Синьхуа, сайт. – 2020. – URL: baijiahao.baidu.com/s?id=1655139150284392029&wfr=spider&for=pc52 (дата обращения: 30.06.2024). – Текст: электронный.
3. Eckstein, B. The Illustrated History of the Snowman. Guilford, Connecticut: Globe Pequot Press, 2018. – 216 p.
4. Haskins, J. Snow Sculpture and Ice Carving. Boston: MacMillan Publishing Company, 1974. – 91 p.
5. Mahdavinejad M., Javanrudi K. Assessment of Ancient Fridges: A Sustainable Method to Storage Ice in Hot-Arid Climates // Asian Culture and History. – 2012. – July (vol. 4, no. 2). – P. 133-139.
6. Pressman, N. Shaping Cities for Winter: Climatic Comfort and Sustainable Design. Prince George, Winter Cities Association, 2004. – 116 p.
7. Vijay P. Singh, Pratap Singh, Umesh K. Haritashya. Encyclopedia of Snow, Ice and Glaciers. Dordrecht, The Netherlands: Springer, 2011. – 1253 p.
8. Wilson, E. The Spiritual History of Ice: Romanticism, Science, and the Imagination. New York: Palgrave Macmillan, 2003. – 278 p.
9. Бурилова, М. Дневник княгини Варвары Духовской / М. Бурилова // Словесница искусств. – 2005. – № 2 (16). – URL: <https://www.slovoart.ru/node/2171> (дата обращения: 30.06.2024). – Текст: электронный.
10. Вишневский, А. И. Зимние развлечения детей и подростков / А. И. Вишневский. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.-Л.: Нар. ком. прос. РСФСР: Гос. изд-во, 1930. – 94 с.
11. Горбунов, Б. В. Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских: историко-этнографическое исследование / Б. В. Горбунов. – М., 1999. – 379 с.
12. Кратц, П. Ф. Смыслообразующие элементы дизайн-проектирования новогоднего пространства (на примере праздничной среды Стефановской площади в г. Сыктывкаре) / П. Ф. Кратц, А. В. Лянцевич // Человек. Культура. Образование. – 2018. – № 3 (29). – С. 91-99.
13. Крафт, Г. В. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в январе месяце 1740 года Ледяного Дома и всех находившихся в нём домовых вещей и уборов с приложенными при том гридорованными фигурами, также и некоторыми примечаниями о бывшей в 1740 году во всей Европе жестокой стуже, сочинённое для охотников до натуральной науки через Георга Вольфганга Крафта, Санкт-Петербургской Императорской Академии наук члена и физики профессора. – Санкт-Петербург: печатано при Императорской Академии наук, 1741. – 26 с.
14. Либрехт, К. Снежинки: тайная красота зимней природы. Занимательное снежинковедение / К. Либрехт. – М.: Добрая книга, 2017. – 112 с.
15. Логинов, С. Н. Ледовая скульптура – порыв вдохновения: альбом / С. Н. Логинов. – Хабаровск: ТОГУ, 2006. – 76 с.
16. Логинов, С. Н. Основные методы и приёмы работы с ледовой скульптурой / С. Н. Логинов, Е. М. Самсонова // Новые идеи нового века: материалы междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ. – 2010. – Т. 2. – С. 323-327.
17. Мубаракшина, Ф. Д. Архитектура изо льда и снега: исчезающая красота / Ф. Д. Мубаракшина // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. – 2017. – № 3 (41). – С. 41-48.
18. Мустафина, А. А. История появления и виды мороженого / А. А. Мустафина, Н. К. Казакова // Молодёжь и наука. – 2023. – № 2. – URL: <https://min.urgau.ru/images/2023/2-2023/10-2-2023.pdf> (дата обращения: 12.10.2023). – Текст: электронный.
19. Нарейко, И. Г. Традиции православия в возникновении искусства ледяной скульптуры / И. Г. Нарейко // Научно-практическая реализация творческого потенциала молодёжи: проекты, разработки, сценарии, творческие интерпретации в социально-гуманитарной сфере и искусстве: материалы VII всерос. науч.-практ. конф. – Хабаровск: [б. и.], 2022. – С. 179-185.

20. Нарейко, И. Г. Ледовый городок как одна из форм социального заказа в истории культуры России / И. Г. Нарейко // Диалоги о культуре и искусстве: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ч. 1. – Пермь: ПГИК, 2021. – С. 202-207.
21. Никифорова, Л. В. Дворец в истории русской культуры: опыт типологии / Л. В. Никифорова. – СПб.: Астерион, 2006. – 346 с.
22. Пашкова, Л. А. Снежная и ледяная архитектура / Л. А. Пашкова, М. А. Екимова // Образование. Архитектура. Строительство: материалы Всерос. науч.-практ. конф. по профилю «Проектирование зданий». – Казань: Казанский государственный архитектурно-строительный университет, 2017. – С. 73-78.
23. Саляхова, М. Р. Исторические примеры снежной и ледяной архитектуры в России / М. Р. Саляхова, Ф. Д. Мубаракшина // Роль образования и науки в развитии Российского общества: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф. – М.: ООО «Импульс», 2017. – С. 77-81.
24. Смирнов, С. И. Водокрещи: материалы для истории Крещенских обрядов в древней Руси / С. И. Смирнов // Богословский вестник. – 1900. – Т. 1. – № 1. – С. 1-17.
25. Сорокин, И. С. К вопросу создания сезонного архитектурно-художественного пространства в ландшафтно-рекреационных зонах / И. С. Сорокин // Новые идеи нового века: материалы междунар. науч. конф. ФАД ТОГУ. – 2016. – Т. 3. – С. 140-145.
26. Шушарина, Г. А. Полипарадигмальность и трансдисциплинарность современной науки о культуре / Г. А. Шушарина // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2024. – № II (74). – С. 52-56.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Существенное влияние на выбор темы исследования и её теоретическое обоснование оказал практический опыт работы автора И. Г. Нарейко в профессиональной сфере обработки льда и создания снежно-ледяных скульптур (применение снегогенераторов, технологии искусственного оснежения площадей, создание снежных скульптур из искусственного снега, применение технологии искусственного льда с вмороженными предметами (изучение и самостоятельное конструирование установки), применение концепции ловушек ветра на площади им. Ленина в г. Хабаровске и др.).
2. По запросу «Ice carving» (художественная обработка льда) на сайте Гугл Патенты, на наш взгляд наиболее репрезентативному, было выдано 25 302 результата, подавляющее число которых принадлежало КНР и Японии, далее США. При аналогичном запросе по ключевой фразе на русском языке был обнаружен только один результат.

Петрунина Ж. В., Абабков Д. Р.
Z. V. Petrunina, D. R. Ababkov

ОБРАЗ МАНЬЧЖУРИИ КОНЦА XIX СТОЛЕТИЯ В ПУТЕВЫХ ЗАПИСКАХ АНГЛИЧАН И АМЕРИКАНЦЕВ

THE IMAGE OF MANCHURIA AT THE END OF THE 19th CENTURY IN THE TRAVEL NOTES OF BRITISH AND AMERICANS

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.
Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Professor, History and Culture Studies Department, Komsomolsk-na-Amur State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Абабков Данил Романович – магистрант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; тел. +7(4217)528-440. E-mail: ababkov01@mail.ru.

Danil R. Ababkov – Master's Degree Student, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk territory, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin str.; tel. +7(4217)528-440. E-mail: ababkov01@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена истории складывания образа Маньчжурии в конце XIX в. Источниковой основой выступили путевые заметки британского журналиста Генри Нормана, английского исследователя и писателя Гарри де Виндта, американского предпринимателя Перри МакДонафа Коллинза. Рассмотрены оценки и основы межкультурного взаимодействия в этнически смешанных землях российско-китайского приграничья, особенности культуры, быта и национального уклада местного населения, предложенные иностранными путешественниками. Указано, что большую роль в расширении коммуникации между народами сыграла торговая деятельность. Отмечены трудности, с которыми иностранные путешественники сталкивались в путешествиях по Маньчжурии, с учётом особенностей обычая, форм и церемоний населения, проживавшего в регионе. Подчёркивается, что тексты иностранных путешественников содержат общие характеристики совместной жизни русских и китайцев. При этом путевые заметки имели большое значение для формирования позитивного образа Маньчжурии в общественном мнении России и стран Европы.

Summary. The article is devoted to the history of Manchuria's image formation at the end of the 19th century. The sources were travel notes by British journalist Henry Norman, English explorer and writer Harry de Windt, and American entrepreneur Perry McDonough Collins. Estimates and bases of intercultural interaction in ethnically mixed lands of the Russian-Chinese borderland, features of culture, life and national way of life of the local population proposed by foreign travelers are considered. It is pointed out that trade activities played a great role in the expansion of communication between peoples. The difficulties encountered by foreign travelers in their travels in Manchuria are noted, taking into account the peculiarities of customs, forms and ceremonies of the population living in the region. It is emphasized that the texts of foreign travelers contain common characteristics of the joint life of Russians and Chinese. At the same time, the travel notes were of great importance for the formation of a positive image of Manchuria in the public opinion of Russia and European countries.

Ключевые слова: Маньчжурия, российско-китайское приграничье, межкультурный диалог, путевые заметки иностранцев.

Key words: Manchuria, Russian-Chinese borderland, intercultural dialog, travel notes of foreigners.

УДК 94

Влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) стало усиливаться после присоединения территорий Маньчжурии (Приамурья и Приморья) в середине XIX в. Укрепление дальневосточных границ Российской империи сопровождалось заселением этнически смешанных земель, в

ходе которого шло активное взаимодействие разных народов. В этот период национальный состав Приамурья и юга Приморья был представлен аборигенами (орочи, нанайцы, ульчи и др.), китайцами, маньчжурами, европейскими народами, американцами, русскими. Складывающийся межкультурный диалог стал одним из способов расширения межкультурной коммуникации [8, 47].

Согласно определению отечественных лингвистов Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, межкультурная коммуникация – это «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, 26]. В отечественной научной мысли сложились позиции и подходы относительно многообразия процессов, на которые оказывает влияние межкультурная коммуникация (С. Г. Тер-Минасова, И. Р. Григорова, Л. П. Репина).

Ко второй половине XIX в. выстраивание отношений между народами России и Китая находилось под влиянием представлений друг о друге, сформировавшихся в предыдущие два столетия, с учётом культурно-исторических, военно-политических и экономических факторов [9]. Часть из этих представлений базировалась на негативном опыте общения. Так, период определения русско-китайской границы в XVII в. сопровождался пограничными конфликтами, наиболее крупным из которых был Албазинский (1685–1686). Первый договор между Россией и Китаем, заключённый 27 августа (6 сентября) 1689 г. в Нерчинске, призванный урегулировать возникшие споры и противоречия, а также разрешавший взаимную торговлю между подданными обоих государств, привёл к потере русскими значительной части земель и потере судоходства по Амуру. Сложившаяся ситуация создала затруднения России в ведении торгово-экономической деятельности на берегах Охотского моря. Знаменитый американский торговый агент США на Амуре и путешественник середины XIX в. Перри МакДонаф Коллинз писал, что даже после заключения Нерчинского договора (27 августа (6 сентября) 1689 г.) российские купцы были вынуждены пользоваться обходными путями через Якутск для того, чтобы торговать в Охотске или Аяне [12, 206]. Такое положение закрепило в России настороженное восприятие жителей Поднебесной. В свою очередь, у значительной части маньчжуротов заметным было недоверие к русским.

Сложные, а зачастую и конфронтационные отношения между Россией и Китаем, имевшие место в XVII – первой половине XIX вв., не смогли воспрепятствовать существовавшему диалогу между русскими и китайцами. Подданные обеих империй, оказавшиеся перед необходимостью взаимодействовать друг с другом в разных сферах, смогли не только преодолеть языковой барьер, но и, опираясь на сохранявшиеся национальные традиции, выработать механизмы, способствующие расширению диалога, сформировать основы общей бытовой культуры и нормы повседневного поведения, имевшие региональную специфику. Межкультурная коммуникация народов российско-китайского приграничья, став одной из форм «межцивилизационного контакта» [2, 152], способствовала укреплению государственных отношений в различных сферах и оказывала позитивное влияние на формирование образа «другого» в российском общественном сознании.

Начиная с XVIII в. в Российской империи постепенно стала накапливаться информация о Китае [3, 51]. Важным источником выступили публикации российских путешественников, исследователей, членов русской духовной миссии в Китае и государственных деятелей XVII – XIX вв. [3, 33-122]. Огромное значение в освещении жизни в присоединённых к России территориях сыграла периодическая печать Приамурья и Приморья, получившая развитие с середины XIX в. [5; 6; 7].

Популяризация данных о перспективах развития Дальнего Востока России способствовала привлечению в регион иностранцев [5, 11-17], путевые заметки которых повествовали об укладе и быте соседствующих русских и китайских поселенцев. Важно подчеркнуть, что Приамурье и Приморье оставались в странах Европы и США символами далёких территорий в Российской империи. Большинство иностранных путешественников не вникали в историю развития отношений народов российско-китайского приграничья, а в первую очередь подмечали удивлявшие их нюансы жизни подданных обеих империй.

Американский предприниматель Перри МакДонаф Коллинз, пересёкший Российскую империю с запада на восток в 1856 – 1857 гг., отметил очевидные возможности торгово-экономического развития Дальнего Востока. Представляя российским властям проекты прокладывания Русско-Американского телеграфа через Сибирь, Дальний Восток и Русскую Америку, а

также планы строительства железной дороги из Иркутска к Амуру [4, 204], Перри МакДонаф Коллинз выделил и специфические особенности повседневной жизни и взаимодействия русских и китайцев.

Британский журналист Генри Норман, сотрудничавший с газетами «Pall Mall Gazette» и «Daily Chronicle», в конце XIX в. совершил много путешествий по разным странам. Его путевые впечатления о жизни на российском Дальнем Востоке были изданы в Нью-Йорке в 1895 г. [13] и постепенно привлекли внимание широких слоёв общества.

Английский исследователь и писатель капитан Гарри Уиллес Дарелл де Виндт опубликовал несколько книг о своих путешествиях под именем Гарри де Виндт [11]. Среди земель, в которых побывал британец в конце XIX в., были Китай и дальневосточные окраины России. Видевший многие страны мира, Гарри де Виндт отметил пёстрый состав городов Дальнего Востока, описал торговые отношения китайцев с русскими, выделил достижения китайцев в сельском хозяйстве, подчеркнул культурные традиции коренных малочисленных народов Дальнего Востока и их взаимодействие с другими народами [10].

К концу XIX в. процесс перемещения иностранцев по российско-китайским территориям строго регулировался. Российская империя и Цинская империя имели свои пограничные посты, символизирующие государственное присутствие каждой на Амуре. Российский и китайский «пости», зачастую представленные простыми бревенчатыми избами, крытыми соломой, находились на одном берегу Амура примерно в семидесяти милях друг от друга. При прохождении пограничного поста иностранцам необходимо было указывать основные сведения о себе: имя, звание, цель поездки [12, 216].

При въезде в Маньчжурию иностранных путешественников и их багаж обычно не досматривали, а также не требовали паспортов. Сложности возникали лишь с путниками из США, поскольку представителям китайско-маньчжурских властей трудно было понять, кто такие американцы и что они могут делать в Маньчжурии [12, 225]. Перри МакДонаф Коллинз, описывая личный опыт прохождения цинского пограничного поста, указывал, что разговор вёлся через переводчика. Диалог тщательно записывался на полосках бумаги несколькими китайско-маньчжурскими писцами. В ходе беседы китайцы могли предложить путешественникам сухофрукты, фрукты, угостить чаем в китайских чашках или рисовым вином. На китайских территориях иностранные путешественники часто сталкивались с проблемами, которые возникали по причине незнания ими законов, гражданских и религиозных норм, особенностей обычая, форм и церемоний азиатских народов. Правила поведения, универсальные для стран Европы и западной части Российской империи, на территории Маньчжурии не действовали [12, 225].

Иностранные путешественники отмечали многонациональный состав Приамурья и Приморья. При этом межэтническое разнообразие не приводило к противопоставлению народов, не препятствовало совместному проживанию и ведению хозяйственной деятельности. Важной деталью повествования Гарри де Виндта было описание жизни русских и гольдов (нанайцев) на реке Уссури, избы которых на одном берегу соседствовали с маньчжурскими жилищами на другом [10, 197].

Компактность проживания способствовала взаимопроникновению культур разных народов. Культура коренных народов российского Дальнего Востока была тесным образом связана с китайской. Перри МакДонаф Коллинз замечал сходство мангунов (ульчей) с китайцами и указывал на использование мангунами китайских товаров (к примеру, трубки и шляпы Май-мат-чин) и качественной одежды в китайском стиле [12, 208].

При заметном влиянии китайской культуры местное население сохраняло и национальный уклад. Особым ритуалом почтения у коренных народов Амура было сцепление рук за спиной и наклон вперёд на правое колено так, чтобы лоб касался земли [12, 213].

Иностранцы подчёркивали радушие и гостеприимство коренных жителей юга Дальнего Востока. Гостей традиционно встречали курительными трубками, которые поручали набивать и раскуривать местным женщинам. В текстах путешественников отмечается особое пристрастие местных к курению, включая женщин и детей. После раскуривания трубки гостей приглашали для отдыха в дом. За частую дома были разделены на отдельные зоны (иностранные называли их кварти-

рами). В одной из них (на кухне), помимо утвари, могли размещаться домашние животные: поросыта, молодые телята, собаки, цыплята. Следующая квартира предназначалась для сна, приёма пищи, курения, приёма гостей. В центре комнаты располагался помост, поднятый примерно на два фута от первого этажа (примерно 60 см). В зависимости от времени суток помост выполнял функции стола и дивана. На диване расстилались различные виды циновок или ковров, а для каждого человека была предусмотрена небольшая круглая подушка. Эта зона дома обогревалась горячим воздухом из печи, подававшимся по деревянным трубам, которые заканчивались высоким деревянным дымоходом. В качестве угощения для иностранных гостей женщины предлагали рыбу, дроблённое зерно или просо, приготовленные в маленьких глиняных мисках [12, 236-237].

Иностранцы были внимательны и приветливы к хозяевам дома. Иногда они дарили местным детям русские серебряные монеты, которые те не особо ценили, а использовали в качестве украшений. Перри МакДонаф Коллинз стал свидетелем истории, когда англичане подарили маньчжурским девочкам небольшие подарки в виде монет. В ответ английский капитан получил от одной из девочек украшенное мелким жемчугом кольцо с выгравированными на нём маньчжурскими буквами. Это был неравный обмен, поскольку кольцо было «в полдюжины раз дороже монет». Американец отмечал, что русские казаки также вели с детьми меновой обмен. При этом медные монеты ценились почти «в четверть» дороже серебра [12, 232-233].

Для сохранения общественного и нравственного порядка к иностранным путешественникам в пути, как правило, приставлялись военные. Офицеры следили, чтобы со стороны местного населения, особенно женщин, не было навязчивого внимания к прибывшим гостям. Возможно, поэтому конфликтов, которые могли бы возникнуть из-за ревности со стороны местных мужчин, иностранцы не отмечали [12, 236-237].

Иностранцы обращали внимание на трудолюбие народов, проживавших в российско-китайском приграничье. Мангуны занимались продажей шкур и промыслом осетровой икры [12, 208]. Среди азиатского населения российского Дальнего Востока Генри Норман встретил грузчиков, продавцов, сторожей и прислугу [13, 608].

Русские и китайские торговцы активно использовали транспортные возможности рек Уссури, Сунгари и Амур. На больших плотах из дерева, покрытых циновкой из травы, китайцы и маньчжуры поставляли в Хабаровск и Благовещенск пшеницу и рис. По мнению Гарри де Виндта, русские колонисты, обеспеченные властями сельскохозяйственными орудиями, скотом и лошадьми, были значительно ленивее китайцев, осевших на территориях Приамурья и Приморья. В свою очередь, китайские переселенцы достигали высоких показателей в производстве сена и зерновых культур за счёт имевшейся плодородной почвы [10, 191]. К концу XIX в. хабаровские купцы уже имели в частном владении и эксплуатировали пароходы. Предприимчивые китайцы изыскивали возможности для приобретения пароходов у русских купцов. Однако подобные сделки не получали одобрения российских властей, опасавшихся усиления положения Цинов на реках и морях Дальнего Востока [10, 215]. Как метко подметил Перри МакДонаф Коллинз, «существовала своего рода совместная оккупация Амура» [12, 216], характер которой было трудно определить.

Не остались незамеченными иностранцами и конфликтные ситуации, в ходе которых противостоящие стороны стремились закрепить своё превосходство и силу. Перри МакДонаф Коллинз оказался свидетелем случая, когда трое мужчин, предположительно маньчжуров, попросили путешественников, состоящих из русских казаков и иностранцев, остановиться, а после их отказа подошли к носу лодки. Один из казаков ответил маньчжурам ударами шестом по головам и плечам, после чего последние отступили [12, 219].

В целом в текстах иностранных путешественников был представлен общий обзор совместной жизни русских и китайцев, фактически являвшихся одинаково пришлыми жителями территории Приамурья и Приморья.

Наибольшее значение путевые заметки иностранцев имели для формирования объективного образа Маньчжурии в России и странах Европы, в общественном мнении которых к концу XIX в. уже стали заметны идеи европоцентризма, начали прослеживаться мысли об опасности «жёлтой угрозы» со стороны отсталого Китая. Опубликованные дорожные дневники позволяли

приблизиться к пониманию специфики жизни в приграничных землях России и Китая. Характеристика культуры разных народов, проживавших в Маньчжурии, свидетельствовала о наличии уникальной межкультурной коммуникации в российско-китайском приграничье. При этом ещё в конце XIX в. иностранцы, отметив заметное усиление «русской власти» на берегах Тихого океана, крепнувшее с помощью торговли, мореплавания, искусства и наук, признавали цивилизационную миссию России, полагая, что в ближайшей перспективе она станет «шестым континентом в цивилизации» [12, 216].

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Русский язык», Курсы, 1990. – 246 с.
2. Ларин, В. Л. Китай и Дальний Восток России в первой половине 90-х: проблемы регионального взаимодействия / В. Л. Ларин. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 284 с.
3. Лукин, А. В. Медведь наблюдает за драконом: образ Китая в России в XVII – XXI веках / А. В. Лукин. – М.: Восток-Запад, 2007. – 598 с.
4. Морев, В. А. Сибирская телеграфная магистраль: к истории строительства (1860-1890-е гг.) / В. А. Морев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 59. – С. 203-209.
5. Петрунина, Ж. В. Деятельность иностранных предпринимателей в Приамурье на страницах региональной прессы 1860-х гг. / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2022. – Т. 21. – № 1. – С. 8-18.
6. Петрунина, Ж. В. Жизнь китайцев на территории Приамурья в 1860-х годах (по материалам региональной периодической печати) / Ж. В. Петрунина, Ц. Чэнь, Д. Р. Абабков // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VI (62). – С. 50-54.
7. Петрунина, Ж. В. К проблеме установления взаимодействия народов в период освоения Россией Приамурья (по материалам региональной печати 1860-х гг.) / Ж. В. Петрунина, Д. Р. Абабков // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – 2023. – № 13. – С. 356-359.
8. Петрунина, Ж. В. К проблеме трансформации национальной идентичности русских на Северо-Востоке Китая / Ж. В. Петрунина, Г. А. Шушарина, Т. А. Чебанюк // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VI (62). – С. 46-49.
9. Чжан, Ф. Русские и китайцы: к вопросу о формировании представлений друг о друге / Ф. Чжан, Ж. В. Петрунина // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы V Всерос. нац. науч. конф. молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 11-15 апреля 2022 года. В 4 ч. Ч. 4 / редкол.: А. В. Космынин (отв. ред.) [и др.]. – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2022. – С. 101-103.
10. De Windt, Harry. New Siberia. The new Siberia; being an account of a visit to the penal island of Sakhalin, and political prison and mines of the Trans-Baikal district, Eastern Siberia / H. De Windt. – London: Chapman and Hall, Id. 1896. 348 p. – URL: <https://archive.org/details/newsiberiabeinga00dewiiala/newsiberiabeinga00dewiiala/mode/2up> (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
11. Harry de Windt // Jay-Howard.com. – URL: https://www.jay-howard.com/pages/explorers/Harry_de_Windt.html (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
12. McDonough, Collins. Siberian journey down the Amur to the Pacific 1856 – 1857 // C. McDonough. – The University of Wisconsin Press. 1962. 395 p. – URL: <https://archive.org/details/siberianjourneyd000668mbp> (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.
13. Norman, H. The peoples and politics of the Far East: travels and studies in the British, French, Spanish and Portuguese colonies, Siberia, China, Japan, Korea, Siam and Malaya / H. Norman. – New York: Scribner. 803 p. – URL: <https://archive.org/details/peoplesandpolit04normgoog/page/n12/mode/2up> (дата обращения: 15.07.2024). – Текст: электронный.

Скоринов С. Н.

КУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. П. ПУСТЕЛЬНИКОВА ПО РУКОВОДСТВУ
ХАБАРОВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТОМ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ (23.12.1991–11.03.1993)

Скоринов С. Н.

S. N. Skorinov

КУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. П. ПУСТЕЛЬНИКОВА ПО РУКОВОДСТВУ ХАБАРОВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТОМ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ (23.12.1991–11.03.1993)

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF YU. P. PUSTELNIKOV ON THE LEADERSHIP OF THE KHABAROVSK STATE INSTITUTE OF ARTS AND CULTURE (23.12.1991–11.03.1993)

Скоринов Сергей Несторович – доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры культурологии и музеологии, ректор Хабаровского государственного института культуры (Россия, Хабаровск); 680045, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Краснореченская, 112; тел. 8(4212)563375. E-mail: rector@hgiiik.ru.

Sergey N. Skorinov – Doctor of Culture Studies, PhD in History, Associate Professor, Professor of Culture Studies and Museology Department, Rector of Khabarovsk State Institute of Culture (Russia, Khabarovsk); 680045, Khabarovsk, ul. Krasnorechenskaya, 112; tel. 8(4212)563375. E-mail: rector@hgiiik.ru.

Аннотация. В настоящей статье на основе изучения архивных документов исследуется культурная и образовательная деятельность исполняющего обязанности ректора Ю. П. Пустельникова и педагогического коллектива Хабаровского государственного института искусств и культуры в начальный период постперестроичных 90-х годов XX века (23.12.1991–11.03.1993).

Summary. This article studies the cultural and educational activities of the acting rector Yu. P. Pustelnikov and the teaching staff of Khabarovsk State Institute of Arts and Culture in the initial period of post-perestroika 90s of the 20th century (23.12.1991–03.03.1993).

Ключевые слова: воспитательная работа, культура, народное художественное творчество, научно-исследовательская деятельность, общественная работа, творческая деятельность.

Key words: educational work, culture, folk art, scientific research, social work, creative activity.

УДК 378.11:008(571.620)

Настоящая публикация является продолжением ранее изданных статей «Роль личности первого ректора А. Н. Фарафонова в создании Хабаровского государственного института культуры: историко-культурологический аспект», «Исследование историко-культурологического вклада В. П. Демина в становление и развитие высшего образования в сфере культуры Дальнего Востока России», «Культурно-образовательная деятельность ректора Хабаровского государственного института культуры В. Я. Суртакова по развитию высшего образования в сфере культуры Дальнего Востока в 1981 – 1986 годах», «Развитие высшего образования в сфере культуры Дальнего Востока в 1987 – 1991 годах: культурная и образовательная деятельность ректора Хабаровского государственного института культуры В. С. Аксенова» и призвана продолжить начатую работу по написанию истории Хабаровского государственного института культуры и выявлению роли личности его руководителя в развитии высшего образования в сфере культуры Дальнего Востока в начальный период постперестройки (23.12.1991–11.03.1993). Постперестроичные годы характеризуются экономической и политической нестабильностью, обнищанием всех слоёв населения, включая работников института и обучающихся в нём. Коллектив Хабаровского государственного института культуры смог выстоять, сохранив свою преданность художественному творчеству, культуре и искусству.

Юрий Петрович Пустельников родился 15 ноября 1935 года в г. Хабаровске. С 1951 по 1954 год обучался в г. Биробиджане в Хабаровском краевом культурно-просветительном училище (ныне – Биробиджанский колледж культуры и искусств). Свою трудовую деятельность начал в

1954 году заведующим клубом в селе Георгиевка района имени Лазо Хабаровского края. С октября 1954 года по октябрь 1957 года служил в рядах Советской Армии. После службы в армии с ноября 1957 года по май 1960 года работал заведующим клубом в селе Жёлтый Яр Биробиджанского района Еврейской автономной области Хабаровского края, с мая 1960 года по февраль 1962 года – председателем Пронькинского сельского совета Биробиджанского района, с марта 1962 года по декабрь 1963 года продолжил заведовать клубом в селе Жёлтый Яр. С 1958 по 1963 год заочно обучался в Московском государственном библиотечном институте (ныне – Московский государственный институт культуры) по специальности «Культурно-просветительная работа». В 1962 году вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза.

После получения высшего образования находился на партийной и советской работе: с декабря 1963 года по январь 1965 года являлся инструктором идеологического отдела Биробиджанского райкома КПСС, с января по март 1965 года – заведующим отделом пропаганды и агитации Биробиджанского райкома КПСС, в январе 1965 года на сессии Октябрьского районного Совета депутатов трудящихся Еврейской автономной области Хабаровского края был утверждён в должности заведующего отделом культуры райисполкома. Под его руководством большинство сельских учреждений культуры стали подлинными центрами массово-политической работы. В сельских домах культуры, клубах, библиотеках проводились тематические вечера, вечера встреч с ветеранами войны и труда, лекции, беседы и другие мероприятия. Ю. П. Пустельников принимал активное участие в общественной жизни района. Был депутатом районного Совета депутатов трудящихся, кандидатом в члены Октябрьского районного комитета КПСС, членом Октябрьского районного комитета ВЛКСМ, заместителем председателя правления районной организации общества «Знание» [6, 1–5, 14; 11, 50].

Таким образом, до института Ю. П. Пустельников имел практический опыт непосредственной культурно-просветительной работы в сельских клубах, а также партийной и руководящей административной работы в районном органе управления культуры и представлял собою перспективного работника.

Научно-педагогическая деятельность Ю. П. Пустельникова в Хабаровском государственном институте культуры началась в декабре 1973 года в качестве преподавателя кафедры культурно-просветительной работы. На момент поступления на работу в институт он обучался в аспирантуре Московского государственного института культуры. 27 сентября 1974 года решением Учёного совета института был избран по конкурсу на должность старшего преподавателя кафедры культурно-просветительной работы. 1 июля 1975 года Ю. П. Пустельников приказом ректора В. П. Демина № 140-к от 24 июня 1975 года назначен заведующим кафедрой культурно-просветительной работы, приказом ректора института В. В. Успенского № 460-к от 17 декабря 1975 года – временно исполняющим обязанности заместителя декана факультета культурно-просветительной работы с сохранением за ним обязанностей заведующего кафедрой, а приказом ректора № 116-к от 29 марта 1976 года был освобождён от заведования кафедрой и назначен заместителем декана факультета. 30 августа 1976 года он стал деканом факультета культурно-просветительной работы (приказ ректора № 393-к от 31 августа 1976 года) [6, 2–5, 9, 10, 17, 19, 21, 22, 34, 40].

Приказом Заместителя Министра культуры РСФСР В. В. Кочеткова № 99-ук от 7 мая 1981 года Ю. П. Пустельников назначен с 5 мая 1981 года на должность проректора по учебной и научной работе Хабаровского государственного института культуры. Приказом Министерства культуры РСФСР № 71-ук от 16 марта 1983 года он был освобождён от предыдущей должности и назначен с 11 апреля 1983 года проректором по учебной работе. 19 апреля 1982 года состоялась защита докторской диссертации по теме «Пути совершенствования работы клуба по военно-патриотическому воспитанию молодёжи» и решением совета при Московском государственном институте культуры ему присуждена учёная степень кандидата педагогических наук. Решением Совета института (протокол № 2 от 28 сентября 1983 года) он был 1 сентября 1983 года избран на должность доцента кафедры культурно-просветительной работы (приказ ректора института № 375-к от 30 сентября 1983 года) [6, 45, 48, 56].

Скоринов С. Н.

КУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. П. ПУСТЕЛЬНИКОВА ПО РУКОВОДСТВУ ХАБАРОВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТОМ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ (23.12.1991–11.03.1993)

В связи с увольнением 14 октября 1986 года В. Я. Суртасева с должности ректора (приказ Министерства культуры РСФСР № 285-ук от 8 октября 1986 года) приказом Министерства культуры РСФСР № 286-ук от 8 октября 1986 года Ю. П. Пустельников был назначен исполняющим обязанности руководителя института. Исполнение им обязанностей ректора длилось до назначения 5 февраля 1987 года В. С. Аксенова руководителем вуза. За время руководства институтом В. С. Аксеновым проректорская должность Ю. П. Пустельникова трижды претерпела изменения. В соответствии с его приказом № 140-к от 14 апреля 1988 года она преобразуется в проректора по учебной и научной работе, приказом № 14-об от 23 февраля 1989 года – первого проректора по учебной и научной работе, а приказом № 299-к от 3 июля 1990 года – проректора по учебной работе. Решением Министерства высшего и среднего специального образования СССР от 15 марта 1988 года (протокол № 406/д) Ю. П. Пустельникову присваивается учёное звание доцента по кафедре культурно-просветительной работы. Приказ Министерства культуры РСФСР от 13 декабря 1991 года № 280-ок об освобождении с 21 декабря 1991 года от обязанностей ректора института В. С. Аксенова стал основанием для назначения с 23 декабря 1991 года проректора по учебной работе Ю. П. Пустельникова исполняющим обязанности ректора (приказ Министерства культуры РСФСР № 281-ок от 13 декабря 1991 года, приказ ректора института В. С. Аксенова № 613-к от 19 декабря 1991 года) [5, 8; 6, 59-61, 63, 64, 66; 7, 17, 18; 11, 48, 49, 51].

25 декабря 1991 года Президент СССР М. С. Горбачёв в своём телевизионном обращении к советскому народу заявил о сложении президентских полномочий. Через четыре дня Союз Советских Социалистических Республик прекратил своё существование. Так завершился второй этап в развитии Хабаровского государственного института культуры, связанный с годами горбачёвской перестройки, и наступили смутные и лихие времена 90-х годов прошлого века. Начался новый этап в развитии российского государства, отечественного высшего образования, в том числе и в сфере культуры и искусства.

17 февраля 1992 года приказом Министерства культуры РСФСР № 70 Хабаровский государственный институт культуры был преобразован в Хабаровский государственный институт искусств и культуры [4, 32; 10, 53-74]. Данное преобразование было связано с тем, что вуз наряду с образовательными программами культурно-просветительной направленности и народного художественного творчества стал реализовывать образовательные программы высшего образования в сфере искусств. Необходимо отметить, что этот тренд определил развитие института в последующие годы.

Исполняя обязанности ректора института с 23 декабря 1991 года по 11 марта 1993 года, Ю. П. Пустельников встретился с проблемами, которые раньше не приходилось решать ни одному из предшественников. В 1992/1993 учебном году под его руководством были осуществлены изменения в организации и проведении производственной практики как на художественно-педагогическом, так и на библиотечном факультете. К ноябрю 1992 года окончательно откорректированы программы практик по всем курсам художественно-педагогического факультета с указанием сроков, целей и задач, а также определением их содержания. Каждая такая программа предусматривала форму отчётности и примерный круг баз практики, отвечающих необходимым требованиям. Наряду с этим ряд кафедр разработал индивидуальные задания по практике для решения конкретных художественных задач: постановка спектакля, хореографических номеров, концертов и т. д. Кроме этого, в программы практики входила профориентационная работа [1, 2].

В декабре 1992 года кафедрами художественно-педагогического факультета (заведующий практикой – доцент Г. И. Перкулимов) окончательно были определены базы практики по каждой специализации. Как правило, в их перечень входили хорошо апробированные в этой деятельности учреждения культуры и образования с достаточно развитой материально-технической базой. К таким, например, относились Театр-студия «Бенефис», детская музыкальная школа «Тополёк», лицей искусств, детские эстетические центры, центр культуры и досуга, симфонический и военные оркестры, хореографические школы, краевые театры, училища культуры и другие учреждения. Была разработана форма договора, устанавливающая обязательства (института – организаций), а также оплату институтом (по окончанию выполнения программ и в зависимости от продолжи-

тельности практики) руководства практиканта со стороны работников организации, осуществляющей производственную практику. Студенты-практиканты художественно-педагогического факультета во время прохождения практики знакомились с методикой преподавания, изучали планирование и методическое руководство, анализировали художественный и документальный материал, исследовали фольклорные традиции, оказывали методическую и практическую помощь детским художественным коллективам, руководили постановкой праздничных мероприятий, занимались режиссурой спектаклей, концертов, отдельных художественных номеров, проводили агитационно-пропагандистскую, просветительную и профориентационную работу, посещали репетиции профессиональных художественных коллективов, вели дневники практики, производили аудио- и видеозапись, изучали теорию и историю народных музыкальных традиций [1, 2-4].

В 1992/1993 учебном году на библиотечном факультете (заведующий практикой – старший преподаватель О. А. Костина) производственная практика проходила согласно новым учебным планам на втором и четвёртом курсах. В связи с переходом на модульное обучение впервые на третьем курсе производственная практика не предусматривалась. Она была заменена на двухнедельную учебную практику, проводившуюся преимущественно в библиотеках Хабаровска, с целью выполнения практиканта заданий по учебным дисциплинам «Библиография», «Библиотечные фонды», «Обслуживание читателей» [1, 5].

Производственная практика студентов второго курса библиотечного факультета предполагала дублирование функций заведующего филиалом библиотеки. К сожалению, сложилось так, что студенты фактически не увидели разницы между своей практикой, состоявшейся на первом курсе, и той, которую они проходили на втором курсе. Причина такого положения заключалась в том, что, несмотря на наличие различий в курсовых программах практики, руководители библиотек привлекали практикантов на первом курсе к выполнению работ, которые им были не знакомы, и, наоборот, на втором курсе привлекали к тому, что делали в предыдущем году. Неудачными стали и сроки проведения данной практики. Она проходила в летний период и совпадала с отпускной порой у библиотекарей. В это время острой потребности в практикантах не было. Они фактически стали дополнительной нагрузкой для оставшихся на рабочих местах библиотекарей. Несмотря на возникшие трудности, производственная практика была завершена. Из выполнивших программу практики 34 второкурсника получили оценку «отлично», 13 студентов – «хорошо». За время прохождения практики обучающиеся ознакомились с положением отделов, должностными инструкциями, планами-отчётыми работы библиотеки и другими нормативными документами, проанализировали итоги работы за определённый период времени, составили план работы библиотеки или определённых её отделов, проследили путь книги в процессе комплектования и обработки, изучили отказы на соответствующую литературу, проанализировали состав фонда библиотеки на основе статистических данных, обобщили опыт одного из направлений деятельности библиотеки, описали книги и расставили карточки в каталоги и картотеки, приняли участие в обслуживании читателей, а также в организации и проведении массовых мероприятий библиотеки и др. [1, 7-8].

Содержание производственной практики студентов четвёртого курса библиотечного факультета определяли два направления: методическая и справочно-библиографическая работа. Базами практики стали 13 наиболее крупных библиотек, в основном методические центры Хабаровска и несколько библиотек в регионах Дальнего Востока, в связи с тем, что 7 человек проходили практику по месту своего жительства. Судя по представленным практикантами отчётом, значительная часть их времени была удалена знакомству и анализу документации, регламентирующей работу библиотек, анализу методических пособий. Также большую работу студенты провели по просписи периодических изданий, расстановке карточек в каталоги и картотеки, обслуживанию читателей, редактированию и пополнению картотек методических материалов и т. д. Впервые в программу практики были включены задания по фотографированию рабочего дня библиотекарей, аттестации рабочего места, целью которых являлось ознакомление с методикой использования норм в работе, с условиями, в которых библиотекари работают с документацией, регламентирующими их работу. Исполнение данного задания вызвало у студентов затруднения из-за отсутствия, во-первых, у них достаточных навыков, а во-вторых, необходимых регламентирующих документов в

библиотеках. Кроме этого, студентам были даны задания по составлению проектов приказов администрации библиотек, разработке стоимости на библиотечные услуги, анализу состава кадров. В целом, четверокурсники успешно справились с программой производственной практики: из 45 студентов, её проходивших, 31 человек получил оценку «отлично», 11 человек – «хорошо», 3 человека – «удовлетворительно» [1, 5-6].

Общей проблемой организации и проведения производственной практики в 1992 году и последующих за ним постперестроечных годах стал дефицит финансирования основной деятельности института. По этой причине преподаватели-руководители не смогли выехать в командировку на места нахождения баз практик и оказать студентам своевременную методическую и организационную помощь. Финансовые трудности, возникшие у студентов, также не способствовали их выезду на практику в сельскую местность. Это обстоятельство привело к общему сокращению баз практик вне Хабаровска [1, 3, 9].

Несмотря на возникший дефицит финансирования деятельности института, преподаватели в 1992 году продолжали разработку пяти основных научно-исследовательских комплексных тем:

- «Библиотечная профессия: состояние и перспективы развития (межвузовская тема)», ответственным исполнителем которой являлся Санкт-Петербургский государственный институт культуры. Её научное руководство в Хабаровском государственном институте искусств и культуры осуществляли старший преподаватель Г. В. Громова, доцент О. В. Киселёва;

- «История книжного дела Сибири и Дальнего Востока (межрегиональная тема)» (научные руководители – доцент С. М. Нарыжная и кандидат филологических наук И. В. Филаткина);

- «Музыкальная культура Дальнего Востока (региональная тема)» (научный руководитель – доцент Н. А. Соломонова);

- «Система непрерывного образования в сфере культуры (комплексная тема института)», исполнение которой осложнялось отсутствием научного руководства из-за увольнения ректора В. С. Аксёнова;

- «Организация учебного процесса по иностранному языку в вузе культуры и структурирование учебных программ на модульной основе (комплексная тема кафедры иностранных языков)» (научный руководитель доцент С. М. Журкина) [2, 2-4, 6, 12].

В рамках исполнения научной темы «Библиотечная профессия: состояние и перспективы развития (межвузовская тема)» проводилась работа по сбору необходимого материала о кадрах библиотечных работников Дальнего Востока, разработке и апробированию анкеты по изучению потребности в библиотечных кадрах, проведению опроса экспертов из ведущих библиотек Хабаровска. Кроме этого, были разработаны рабочие задания по изучению потребности в библиотечных и информационных работниках с учётом перспектив развития факультета и кафедр института. В целях совершенствования подготовки кадров для библиотек Дальнего Востока велись изучение учебных планов, отбор содержания дисциплин, наблюдение, анализ учебной деятельности, опрос студентов института. Результаты данного исследования нашли отражение в сводном отчёте, представленном Санкт-Петербургским государственным институтом культуры в Министерство культуры Российской Федерации, и были включены в итоговую статью руководителя межвузовской темы А. В. Соколовой, опубликованной в журнале «Библиотековедение», освещены в научных докладах и выступлениях преподавателей института О. В. Киселёвой, О. А. Костиной, О. А. Лопатиной, Г. Н. Пленковой на краевых и городских научно-практических конференциях, совещаниях и курсах повышения квалификации [2, 2].

В 1992 году по теме «История книжного дела Сибири и Дальнего Востока (межрегиональная тема)» продолжалась работа по составлению библиографического словаря деятелей книжного дела: исследовался вклад семьи Матвеевых в становление и развитие книжной культуры Дальнего Востока. На Всероссийскую научно-практическую конференцию «Юдинские чтения» (г. Красноярск) доцентом С. М. Нарыжной был подготовлен доклад «Вклад династии Матвеевых в развитие книжной культуры России». По этой же теме в сборнике материалов VII научной конференции по проблемам книговедения (г. Москва) были опубликованы тезисы доклада «О состоянии издания

литературы на языках коренных малочисленных народностей Дальнего Востока» кандидата филологических наук И. В. Филаткиной [2, 3].

Работа над темой «Музыкальная культура Дальнего Востока (региональная тема)» представляла собой составную часть общего исследования Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук (ныне – Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук) по истории Дальнего Востока от первобытного общества до наших дней, в частности проблем изучения истории музыки, музыкального краеведения и музыкальной социологии. Её целями являлись познание музыкальной жизни Дальнего Востока, выявление динамики развития музыкальной культуры, освещение разнообразия жанров профессионального музыкального творчества, анализ просветительской деятельности различных обществ и исполнительских коллективов, направленной на повышение эстетического вкуса жителей региона. Результатом этой работы стало представление в печать учебного пособия «Фортепианное искусство Сибири и Дальнего Востока в 30-е годы XX века» старшего преподавателя Л. А. Дьябелко (Матвеевой), доцентом Л. П. Гладкой подготовлены методические материалы «Хоровое творчество композиторов Дальнего Востока». Доцентом Н. А. Соломоновой велась работа над написанием монографии «Песня, рождённая в оморочке» и доцентом В. Т. Романовым – монографии «Современное состояние и развитие народно-инструментального исполнительства на Дальнем Востоке». В 1992 году к разработке данной научно-исследовательской темы подключились доценты кафедры оркестрового дирижирования института Н. И. Засуха и Б. В. Панков, предметом исследования которых являлась история исполнительства на русских народных инструментах на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX веков [2, 3-4].

В рамках темы «Система непрерывного образования в сфере культуры (комплексная тема института)» в 1992 году разрабатывалось два направления исследования. По первому направлению «Научно-методическое обеспечение учебного процесса системы непрерывного образования», руководство которым осуществляли руководители предметно-цикловых комиссий института, на факультетах был подготовлен пакет учебно-методической документации в помощь организации учебного процесса (учебные, методические пособия, рекомендации, разработки, фонограммы и видеофильмы занятий и др.). Кроме этого, были разработаны тематические планы, программы дисциплин, контрольные занятия, требования к курсовым и дипломным работам по второму модулю обучения, представлен к публикации сборник методических рекомендаций преподавателей кафедры оркестрового дирижирования «Вопросы музыкальной подготовки руководителей оркестровых коллективов». Общий объём подготовленных учебно-исторических материалов составил около 15 авторских листов.

По второму направлению «Подготовка и послевузовская переподготовка работников культуры в условиях рыночной экономики» (научный руководитель – доцент Л. П. Романенко) подготовлено преподавателем Н. Н. Курной, доцентом Л. П. Романенко и отправлено в Министерство культуры Российской Федерации обоснование по открытию при институте факультета повышения квалификации на хоздоговорной основе. В апреле 1992 года в институте состоялась научно-практическая конференция «Система непрерывного образования в сфере культуры», где с докладами выступили 140 преподавателей и 50 студентов, а также преподаватели училищ культуры из Биробиджана, Благовещенска, Уссурийска, Читы. По теме конференции прошла деловая игра, организованная кафедрой народного хорового искусства института [2, 5].

Работа над темой «Организация учебного процесса по иностранному языку в вузе культуры и структурирование учебных программ на модульной основе (комплексная тема кафедры иностранных языков)» способствовала тому, что преподавателем С. Е. Котовой были подготовлены к публикации «Методические рекомендации по обучению технике чтения для адаптивного модуля», преподавателями Л. М. Полищук, С. Н. Медведевой – тест по проверке уровня базовых знаний английского языка первокурсников и сборник тестов и тестовых заданий по английскому языку для студентов библиотечного факультета, доцентом С. М. Журкиной представлен проспект пособия на английском языке для студентов специализации «Книговед-библиограф книготоргового предпри-

Скоринов С. Н.

КУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. П. ПУСТЕЛЬНИКОВА ПО РУКОВОДСТВУ
ХАБАРОВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТОМ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ (23.12.1991–11.03.1993)

ятия», проведена аprobация лингафонного курса «Деловой английский язык» в условиях традиционного обучения на первом и втором курсах специализации «Менеджер-экономист» [2, 6].

В 1992 году художественно-педагогический факультет института приступил к разработке двух хоздоговорных тем:

1. «Изучение музыкально-песенного фольклора обрядовых и ритуальных праздников», заказчиком которой выступил Государственный комитет Российской Федерации по развитию Севера (Госкомсевер). Научным руководителем от института была назначена доцент Н. А. Соломонова;

2. «Концепция культурной политики Хабаровского района Хабаровского края», заказчиком в октябре 1992 года стала администрация Хабаровского района [2, 7-8].

Целью вышеобозначенной первой темы являлось изучение традиционного и современного фольклора народов юга Дальнего Востока России. В течение года осуществлялся сбор фольклорного и этнографического материала, его обработка, перевод с национальных языков. В сентябре и декабре 1992 года в адрес Госкомсевера были представлены отчёты по проведению первого и второго этапов исследования состояния традиционного и современного фольклора народов юга Дальнего Востока [2, 7-8].

К изучению второй хоздоговорной темы были привлечены преподаватели кафедры управления экономики культуры института И. М. Богомяков, С. А. Голованова, В. В. Евтушенко, Н. Н. Курная, А. И. Радецкая, Л. П. Романенко, которые определили совместно с заказчиком содержание и задачи первого информационно-аналитического этапа исследования. В соответствии с этим был проведён опрос населения десяти сельских поселений, составлен социально-культурный паспорт Хабаровского района, организована трёхдневная деловая игра с работниками культуры, образования, районной администрации по формированию механизма социально-культурной программы, в центре культуры и досуга Хабаровского района состоялось заседание круглого стола по выявлению приоритетных направлений развития культуры района, проведено несколько совещаний у главы администрации Хабаровского района [2, 8].

В 1992 году на кафедре режиссуры массовых праздников создана хозрасчётная лаборатория «Организатор досуга», на базе которой читались лекции для организаторов по внеклассной работе школ Индустриального района, проводились занятия и индивидуальные консультации по оказанию методической и практической помощи при организации массовых мероприятий среди детей. Данной лабораторией было проведено свыше 20 мероприятий по социальному заказу, по заказу отдела социальной защиты Железнодорожного района г. Хабаровска организованы новогодние программы для пожилых людей и детей-инвалидов, в декабре 1992 года студентами под руководством преподавателя Г. Л. Малюк оказана помощь 20 семьям. В результате продажи сборника сценариев «Здравствуй, чудесная пора», подготовленного преподавателями кафедры режиссуры массовых праздников, на счёт института поступило около 200 тысяч рублей. Деятельность данной хозрасчётной лаборатории была тесно связана с учебным процессом: все материалы массовых мероприятий для детей и подростков вначале апробировались в работах студентов и преподавателей, а затем рекомендовались для практического использования в учреждениях культуры и образования [2, 8-9].

Характеризуя в целом научно-исследовательскую и методическую деятельность института в 1992 году, можно привести следующие показатели: общий объём публикаций преподавателей за год составил около 27 авторских листов, сдано в печать 25 работ объёмом около 23 авторских листов, подготовлено 65 методических материалов по дисциплинам кафедр (лекции, методические пособия, рекомендации и т. д.) общим объёмом около 60 авторских листов, 155 преподавателей института приняли участие в 12 научно-практических конференциях различного уровня, повысили свою квалификацию посредством обучения на факультете повышения квалификации и участия в индивидуальных стажировках восемь преподавателей института [2, 9-10].

В 1992 году поступила в заочную аспирантуру при Санкт-Петербургском гуманитарном университете преподаватель института Н. Н. Акимова, при Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской Академии наук (г. Владивосток) – А. В. Шавгарова, при Московском государственном университете имени Ломо-

носова – Н. Г. Констынченко, на очное обучение в ассистентуру-стажировку при Российской академии театрального искусства – Н. В. Москвитина. Продолжили свою работу над диссертационными исследованиями преподаватели И. И. Землянский и В. А. Щербаков [2, 11].

Творческо-исполнительская деятельность преподавателей и студентов института в 1992 году продолжала традиционно выбранные ранее направления художественного творчества. Главной движущей силой вузовского художественного творчества в силу своей специфики был художественно-педагогический факультет института. Преподаватели и студенты данного факультета организовали более 40 концертных программ, свыше 50 музыкально-литературных композиций на различных сценических и музыкальных площадках, осуществили разработку сценариев и проведение 13 творческих вечеров, праздников в институте и учреждениях Хабаровска и края. В институте действовала практика концертного абонемента, в результате которой с января по май 1992 года было дано восемь концертов, в том числе четыре из них преподавателями кафедры оркестрового дирижирования. Особый отклик у зрителей вызвали сольные концерты и выступления преподавателей института Е. И. Колосовой, Н. В. Пауловой, С. Н. Поповой, Б. Т. Солохина, В. В. Янушевича. Преподаватели кафедры хореографии И. Е. Ересько и В. А. Ересько были удостоены звания лауреатов на II конкурсе балетмейстеров Урала, Сибири и Дальнего Востока в г. Новосибирске, что стало значимым событием для кафедры хореографии. Заметным событием 1992 года для кафедры оркестрового дирижирования явилось выступление оркестра народных инструментов (художественный руководитель – старший преподаватель В. А. Щербаков) под управлением доцента Н. И. Засуха в концертном зале Хабаровской краевой филармонии. Творческой интенсивностью отличалась и концертная деятельность академического хора института под управлением старшего преподавателя Н. И. Березиной. Преподаватели художественно-педагогического факультета плодотворно руководили и другими творческими коллективами Хабаровска [2, 10].

В творческо-исполнительской деятельности принимал участие и библиотечный факультет института. Силами преподавателей кафедры библиотековедения и студентов была подготовлена и исполнена во время вузовской научно-практической конференции литературно-музыкальная композиция «Династия семьи Матвеевых и русская культура». Преподавателями кафедры иностранных языков были выполнены переводы учебных планов Аляскинского Тихоокеанского университета и Бизнес колледжа (США, Анкоридж), переведён на русский язык учебник американского профессора Д. Брина «Основы менеджмента» в двух частях в объёме 40 авторских листов, а также по заявке кафедры театральной режиссуры переведена на английский и немецкий языки пьеса А. Володина «Ящерица» [2, 11].

В институте проводилась спортивно-massовая и оздоровительная работа. В течение 1992/1993 учебного года при кафедре физического воспитания и спорта работали спортивные секции по атлетической гимнастике (старший преподаватель Г. Д. Пузыревская), волейболу (старший преподаватель Г. Д. Хохова), две группы по аэробике. Сборные команды института приняли участие в городском кроссе, где заняли третье место, в первенстве Индустриального района и вузов по настольному теннису заняли пятое место. Проведены две матчевые встречи с иностранными студентами (КНР) по волейболу и настольному теннису. Состоялось два первенства института по настольному теннису и волейболу среди мужчин и женщин. Кафедра физического воспитания и спорта стала инициатором пяти дней здоровья для преподавателей и студентов с целью проведения лыжных прогулок [9, 14].

В 1992 году приемная комиссия института, возглавляемая ответственным секретарём, доцентом С. М. Нарыжной, руководствовалась в своей деятельности типовыми правилами приёма и условиями приёма на текущий год, разработанными самостоятельно Хабаровским государственным институтом искусств и культуры. Вступительные испытания на библиотечном факультете не претерпели изменений, кроме письменной работы по русскому языку. На художественно-педагогическом факультете проводилось три вступительных экзамена: по специализации, русскому языку в форме изложения, собеседование по истории культуры, литературы и искусству. Сроки проведения вступительных испытаний были определены предварительно и своевременно доведе-

ны до сведения абитуриентов. Вначале вступительные испытания проходили для поступающих на заочную, а затем – на очную форму обучения. Осуществлённый в 1992 году индивидуальный подход позволил принять в институт, работающий в рамках единого образовательного комплекса «институт – училище», 30 выпускников училищ культуры на третий курс библиотечного факультета, шесть выпускников Хабаровского педагогического училища (Хабаровский педагогический колледж имени Героя Советского Союза Д. Л. Калараша) на второй курс специализации «Дирижёр академического хора» на очную форму обучения. Была продолжена практика приёма лучших выпускников училищ культуры 1992 года в институт без вступительных экзаменов, в частности, в текущем году на заочную форму обучения было принято 38 человек. На хоздоговорной основе в институт принят 17 человек, два из них – на художественно-педагогический факультет [3, 3; 10, 7].

Тем не менее события, происходящие в то время в стране, впервые не позволили институту выполнить план набора студентов. При плане приёма на очную форму обучения 150 человек было зачислено 136 студентов. На заочную форму обучения вместо запланированных 205 студентов набрали только 175 человек. Среди не выполнивших план набора значились специализации по народным, эстрадным и духовым инструментам, народному хоровому пению. На момент заслушивания вопроса на заседании Учёного совета института 5 октября 1992 года (протокол № 1) продолжался набор на только что открытую специализацию «Актёр театра музыкальной комедии». На 15 запланированных мест на данную специализацию было принято только девять. По мнению членов Учёного совета, допущенные недостатки связаны с отсутствием в течение прошлого учебного года должной профориентационной работы среди работающей и учащейся молодёжи. В целях усиления данной работы Учёный совет принял решение о введении в штатное расписание института должности ответственного секретаря приёмной комиссии и утвердил на данную должность О. Р. Шишкину. Кроме этого, было принято решение о разработке факультетских комплексных планов профориентационной работы на 1993/1994 учебный год, об утверждении не позднее 1 ноября 1992 года правил приёма в институт [3, 3; 10, 7-8].

Из архивных документов видно, что распределение выпускников института 1992 года частично можно назвать государственным. В 1992 году подлежали государственному распределению 84 выпускника института, в том числе по специализациям «Режиссёр театральных представлений и праздников» – 11 человек, «Организатор-экономист социально-культурной сферы» – 19 человек, «Универсальные библиотеки» – 35 человек, «Детские и школьные библиотеки» – 19 человек. Однако из 84 выпускников получили государственное распределение только 22 человека, в том числе 12 четверокурсников художественно-педагогического факультета (из них 11 человек в учреждения культуры государственной сети, 1 человек – ведомственной принадлежности), 10 выпускников библиотечного факультета (из них 8 человек в учреждения культуры государственной сети, 2 человека – ведомственной принадлежности). Остальные 62 выпускника, или 73,8 %, получили свободное распределение. Такое подавляющее количество свободно распределившихся выпускников института было впервые в истории института [8, 2-3] и свидетельствовало о начавшемся разрушении сложившейся в советское время системы государственного распределения выпускников вузов.

В какой-то степени постперестроенное время можно охарактеризовать как креативную пору. Для него было типичным проявление инициативы в создании новых форм во всех видах деятельности института. Ведь тогда можно было слышать из уст руководителей фразу: «Что не запрещено, то разрешено». Это послужило поводом для попытки создать в институте фонд социальной поддержки преподавателей и студентов. Постановка этого вопроса на заседании Учёного совета (протокол № 2 от 25 ноября 1992 года) объясняется проходящими в то время инфляционными процессами в экономике страны. Зарплата преподавателей не поспевала за ростом цен. Обсуждая данный вопрос, члены Учёного совета высказывали свои идеи об источниках финансирования фонда. Предлагалось использовать внебюджетные средства института, в том числе заработанные средства от международной деятельности, экономию заработной платы. Кроме этого, высказывалось два варианта создания фонда: во-первых, при ректоре института с использованием бухгалтерского ресурса, во-вторых, на общественных началах с назначением ответственного за хранение

финансовых средств и открытием счёта. В. А. Перова предложила создать фонд социальной защиты студентов, а проректор по учебной работе института Л. П. Малик – отчислять в него пять процентов от сельскохозяйственных работ и экономии стипендиального фонда. Как видно из текста протокола, обсуждение носило эмоциональный характер. Вопрос был до конца не проработан, и по этой причине решения никакого принято не было [10, 10-12].

Для начала девяностых годов XX века характерен всплеск инициативной деятельности, связанной с созданием различных структур, функционирующих на хозрасчётной основе. Так, Учёный совет института (протокол № 4 от 15 января 1993 года) стал учредителем и утвердил устав научно-производственного центра «Хореограф» – юридического лица, имеющего самостоятельный баланс, счёт в банках РСФСР, и действующего на принципах хозяйственного расчёта. Основными видами его деятельности являлись организация конференций, семинаров, лекций, консультаций, курсов, школ для подготовки и переподготовки специалистов в области хореографического искусства, создание творческих коллективов, кружков, проведение фестивалей, конкурсов, концертов и др. [10, 31-34]. С. М. Нарыжная внесла предложение об утверждении Положения о Школе художественного образования, согласно которому она рассматривалась как вечерние подготовительные курсы с целью подготовки школьников для поступления в вуз с разрешённой тогда досрочной сдачей вступительных экзаменов. Учредителями данной школы стали институт, киноцентр, комитет по делам культуры и искусства администрации Хабаровского края. Школа должна была работать три раза в неделю. Оплата составляла 2000 рублей в месяц [10, 20]. Все эти инициативы оказались безрезультативными в силу их правовой непроработанности и экономической несостоятельности.

За время работы в институте Ю. П. Пустельников вёл лекционные и семинарские занятия по учебной дисциплине «Клубоведение», выступал с научными докладами на различных научно-практических конференциях, активно занимался общественной работой. До ликвидации КПСС и распада Советского Союза избирался членом партийного бюро института, членом Хабаровского крайисполкома профсоюза работников культуры, являлся членом военно-научного общества при Окружном доме офицеров Советской Армии (ныне – Дом офицеров Восточного военного округа), возглавлял секцию военно-патриотического воспитания при Индустриальной районной организации общества «Знание». Был награждён нагрудными знаками «Отличник погранвойск II степени» (1979), «Отличник культурного шефства над вооружёнными силами СССР» (1985) [6, 45, 48, 57, 58; 11, 51].

В период руководства институтом Ю. П. Пустельникова в стране шёл процесс юридического оформления образовательных учреждений. В марте 1992 года был разработан проект устава института. Однако из-за того, что в нём было достаточно много различных неточностей, он долгое время не утверждался учредителем. Доработанный специально созданной комиссией проект устава был рассмотрен на заседании Учёного совета института 17 февраля 1993 года. Он учитывал все замечания и предложения, высказанные работниками института в течение года. Обсуждение вопроса было заинтересованным и конструктивным, что свидетельствовало об активном включении коллектива в решение значимых задач вуза. По его итогам было принято решение утвердить устав Хабаровского государственного института искусств и культуры [10, 53-74].

В 1992 году проводилась работа по укреплению международных связей с Китайской Народной Республикой. Библиотечным факультетом был подписан договор и контракт с Хэйлунцзянским государственным университетом (КНР, Харбин) по различным направлениям научной, методической и учебной работы. Подготовлены под руководством старшего преподавателя Э. В. Громовой и доцента З. И. Кадынцевой два цикла передач на Хабаровском радио по теме «Россия – Китай. Пути совершенствования» с целью их вещания в Китае. Кроме этого, состоялось подписание протокола намерений между художественно-педагогическим факультетом и Харбинским педагогическим университетом (КНР) [2, 11].

В 1992/1993 учебном году международная образовательная деятельность института проводилась в соответствии с ранее заключёнными договором и контрактом о сотрудничестве с факультетом библиотековедения и информатики Хэйлунцзянского университета и с Лансянской торгово-

Скоринов С. Н.

КУЛЬТУРНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Ю. П. ПУСТЕЛЬНИКОВА ПО РУКОВОДСТВУ ХАБАРОВСКИМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИНСТИТУТОМ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ (23.12.1991–11.03.1993)

экономической кампанией и частными лицами на обучение русскому языку, профессиональную подготовку. Реализацией данной деятельности в институте занимался специально созданный отдел международных связей, возглавляемый Э. В. Громовой. Основными направлениями его деятельности являлись организация, во-первых, обмена опытом осуществления учебного процесса по подготовке специалистов библиотечного дела и информатики, во-вторых, чтения лекций преподавателями вузов, в-третьих, проведения обменных между студенческими группами краткосрочной практики и трёхмесячных стажировок, учебного процесса для китайских студентов по изучению русского языка и, в-четвёртых, планирования профессионального обучения двух групп обучающихся из Лансянской торгово-экономической компании [10, 158].

В течение 1992/1993 учебного года все обязательства, взятые на себя институтом, были выполнены. Для студентов института заместителем декана библиотечного факультета Хэйлунцзянского университета Ли Цзинь Чженем были прочитаны лекции и проведены консультации. Шесть китайских студентов прошли трёхмесячную профессиональную стажировку на библиотечном факультете. Были проведены обменные поездки восьми делегаций (шесть китайских делегаций и две делегации института). Оказано содействие в поездке шести преподавателей русского языка в Китай. Организация международной образовательной деятельности способствовала увеличению дохода института и в какой-то мере стабилизации его финансового положения. Так, по итогам 1992/1993 учебного года доход от международной платной деятельности впервые достиг 27 496 160 рублей, что составило 30,2 % от общих доходов института (91 088 165 рублей). Для сравнения, бюджетное финансирование в том году было осуществлено на сумму 60 193 000 рублей [10, 158-159].

Приказом Министерства культуры Российской Федерации № 79 от 16 февраля 1993 года Ю. П. Пустельников был освобождён от исполнения обязанностей ректора и назначен проректором по учебной и научной работе института [6, 77]. Проработав в институте более 20 лет, он принял решение о своём увольнении из вуза с 20 апреля 1993 года [6, 78, 80; 11, 51]. До своего ухода на пенсию Ю. П. Пустельников работал доцентом кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Годовой отчёт об итогах производственной практики студентов за 1992–93 учебный год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. Р-782. Оп. 1. Д. 1789. – 9 л.
2. Годовой отчёт о научно-исследовательской работе института за 1992 год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 782. Оп. 1. Д. 1847. – 17 л.
3. Годовой статистический отчёт о работе приёмной комиссии за 1992/93 учебный год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 782. Оп. 1. Д. 1848. – 6 л.
4. Костина, О. А. Хроника Хабаровского государственного института искусств и культуры (1968 – 2013 гг.) / О. А. Костина, Е. Г. Позднякова // История и культура Приамурья. – 2013. – № 1 (13). – С. 26-38.
5. Личное дело Аксенова Владимира Степановича // Архив Хабаровского государственного института культуры. Ф. 1. Оп. 3. Д. 14. – 14 л.
6. Личное дело Пустельникова Юрия Петровича // Архив Хабаровского государственного института культуры. Ф. 1. Оп. 3. Д. 26. – 82 л.
7. Личное дело Суртаева Василия Яковлевича // Архив Хабаровского государственного института культуры. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6. – 18 л.
8. Отчёт о выпуске молодых специалистов за 1992 год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 782. Оп. 1. Д. 1788. – 4 л.
9. Отчёт о работе института за 1992–93 учебный год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 782. Оп. 1. Д. 1787. – 16 л.
10. Протоколы Учёного совета за 1992–93 уч. год // Государственный архив Хабаровского края. Ф. 782. Оп. 1. Д. 1845. – 165 л.
11. Хабаровский государственный институт искусств и культуры в событиях и людях (1968–2013): справочник / Министерство культуры Рос. Федерации, Хабар. гос. ин-т искусств и культуры: [авт.-сост. О. А. Костина, Е. Г. Позднякова]. – Хабаровск: [б. и.], 2013. – 503 с.

Смирнова. И. И.
I. I. Smirnova

СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ХОРРОР: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЖАНРОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ИСТОЧНИКОВ

MODERN LITERARY HORROR: DETERMINING THE GENRE OF SOURCES

Смирнова Ирина Игоревна – аспирант Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); тел. 8(984)284-26-13. E-mail: Originalcom@yandex.ru.

Smirnova Irina Igorevna – a Postgraduate, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); tel. 8(984)284-26-13. E-mail: Originalcom@yandex.ru.

Аннотация. Современная русскоязычная литература в жанре хоррор слабо изучена, несмотря на то что жанр набирает всё большую популярность. Статья обращает внимание на проблему типологии литературных источников в жанре хоррор и обозначает значимость учёта авторских намерений, маркетинговых стратегий и читательских ожиданий при определении принадлежности произведения к жанру. Выдвигается предложение о создании корпуса современных русских литературных хоррор-произведений, с разделением текстов на две категории: основные, подходящие под все критерии, и периферийные, подходящие лишь под некоторые критерии. В статье описываются критерии, по которым будет определяться принадлежность произведения к жанру, и проводится первичный анализ репрезентативной выборки современных русских литературных произведений в жанре хоррор, вышедших с начала 2000-х.

Summary. Modern Russian-language literature within the horror genre has been poorly studied, despite the genre's increasing popularity. The article draws attention to the issue of categorizing literary sources in the horror genre and emphasizes the significance of considering the author's intentions, marketing strategies and reader expectations when deciding if a work fits into the genre. The suggestion is made to establish a corpus of modern Russian literary horror pieces, dividing the texts into two categories: main, with the texts suitable for all criteria, and peripheral, with the texts suitable only for some criteria. The article outlines the criteria that will be used to identify a work's belonging to the genre and carries out a primary analysis of a representative sample of modern Russian literary works in the horror genre, published since the early 2000s.

Ключевые слова: хоррор, хоррор-жанр, русский литературный хоррор.

Key words: horror, horror genre, Russian literary horror.

УДК 130.2

При исследовании хоррора как дискурса и жанра возникает проблема определения критериев, по которым следует классифицировать литературные произведения в жанре хоррор. Эта проблема связана, прежде всего, с тем, что жанр хоррора охватывает широкий спектр тем, поджанров и стилей повествования. Элементы хоррора присутствуют во многих смежных жанрах (фантастике, мистике и триллере), что затрудняет установление чётких границ для классификации. Цель данной статьи – обозначить проблему определения принадлежности произведений к жанру хоррор, выявить критерии для данной типологии. Произведениям западных авторов хоррора посвящено множество научных работ, однако в России этот жанр долгое время оставался нишевым и насчитывал малое количество авторов. Исследования, рассматривающие русский хоррор как жанр современной массовой литературы, немногочисленны и, как правило, сосредоточены на анализе отдельных авторов и произведений:

- Мендагалиева А. Г., «Особенности реализации жанра “хоррор” в прозе А. Варго»;
- Куликова Д. Л., «Жанровые характеристики хоррора (на материале прозы А. В. Иванова)»;
- Трушкина А. П., «Хоррор-мотивы в творчестве А. Старобинец (на материале сборника “Икарова железа”)»;

– Евменова Т. С., «Особенности жанра хоррор на примере повести Н. В. Гоголя “Майская ночь, или Утопленница”» и другие.

В предыдущей статье [11] мы определили хоррор как жанр массовой литературы со своими характерными и содержательными чертами; подобное распределение осуществляется для удобства читателя и позиционирования на рынке.

Прототипом литературно-письменной формы хоррора является жанр готического романа, у которого он заимствовал и видоизменил многие характерные черты. Авторы готического романа обращаются к сюжетам средневековых легенд, дополняя их мистическими мотивами и кровавыми интригами.

Хоррор позаимствовал у готического романа следующие черты:

1. замкнутый хронотоп – в готическом романе действие происходит в мрачных заброшенных замках или монастырях, в то время как в современном хорроре местом действия выступают безлюдные места: кладбище, тёмный лес, пустой дом, старая часовня, заброшенная школа или больница и т. д. Страшным пространством может выступать практически любое место – главными критериями выступают безлюдность и невозможность легко его покинуть;

2. опасность, угрожающая жизни главного героя (под «жизнью» понимается не только физическое бытие, но и неприкосновенность души и разума).

В результате своего развития хоррор приобрёл новые черты, которые отличают его от готического романа:

1. создание атмосферы ужаса или мучительного ожидания ужасного. Напряжение нарастает по ходу повествования, передавая эффект «саспенс»;

2. невозможность героев противостоять потусторонним силам. Эта черта хоррора особенно заметна в компьютерных играх, где неспособность протагониста физически противостоять «ужасному» изначально заложена в механику игры;

3. инверсивное искажение реальности – привычные вещи, ценности и мир деформируются: мертвецы сосуществуют с живыми, смерть становится единственным благом, обыденные вещи пугают и кажутся незнакомыми;

4. монструозность. Этот признак выделяет американский кинокритик Н. Кэрролл, называя его «monstrous entity» – «монстр, монструзное создание», и уточняет, что важным фактором в определении хоррор-составляющей подобного «монстра» является его восприятие персонажами людьми как чего-то ужасного. При этом предполагается, что восприятие монстра читателями будет соответствовать восприятию персонажей. А. П. Трушкина определяет «монструозность» широко: «как присутствие у героя телесной деформации … либо его появление на свет неестественным путём … либо его нахождение в состоянии “пограничности” между жизнью и смертью … так и наличие у персонажа психических отклонений» [14, 66].

Многие исследователи хоррор-жанра приходят к выводу, что хоррор в первую очередь определяется не конкретными характеристиками истории, а намерением автора произведения и ожиданиями аудитории. По мнению Е. А. Сухановой, цель хоррора как жанра литературы и кино – «напугать слушателя – читателя – зрителя, вселить чувство тревоги и страха, создать напряжённую атмосферу ужаса или мучительного ожидания ужасного, передавая так называемый эффект “саспенс”» [13, 140]. Кинокритик Д. Комм считает, что у хоррора нет постоянного компонента, единой формулы, характерных для жанра персонажей или уникальных сюжетных моделей. Поскольку хоррор заимствует сюжетные модели и персонажей у других жанров, его уникальность проявляется не в фабуле, а в эмоции, которую он вызывает у зрителя/читателя. Комм обращается к определению жанра, предложеному Риком Олтманом, согласно которому жанр – это договор между автором и аудиторией, где автор обещает аудитории определённого рода эмоции, заложенные в само наименование жанра. Подобно тому как комедия обещает смешить, хоррор обещает пугать. Комм приводит термин «технология страха», которым обозначает совокупность художественных приёмов, нацеленную на выполнение упомянутого договора со зрителем [6, 9]. Согласно этому определению, произведения, в которых используются подобные приёмы, и являются хорро-

ром. Н. Кэрролл определяет жанр как форму искусства, которая стремится вызвать у зрителя чувство ужаса, страха и тревоги [17, 67].

Делается вывод, что ощущение ужаса/страха является ключевым для данного жанра. Задача автора – напугать аудиторию, а ожидаемая реакция – испуг. Таким образом, намерение автора является одним из главных элементов для определения жанровой принадлежности литературного произведения к категории хоррор.

Можно выявить это намерение, рассмотрев официальное определение произведения со стороны автора и/или издательства, а также путём изучения реакции аудитории. В формировании ожиданий читателей значительную роль играет маркетинговая стратегия. Издатели и маркетологи используют различные стратегии, чтобы позиционировать книгу как хоррор. Название, дизайн обложки, аннотация и другие рекламные материалы способствуют формированию восприятия читателей. Если книга позиционируется как хоррор, это предполагает сознательное намерение соответствовать условиям и ожиданиям жанра. Многие издательства запускают специальные серии книг, посвящённые хоррору, например: издательство Рипол-Классик со своей серией «Horror Story», издательство ЭКСМО с сериями «НЕРВ. Современный роман ужасов» и «Русский хоррор», а также издательство АСТ, выпустившее серии «Мастера ужасов», «Легенды хоррора», «Хоррор-бестселлер» и «Самая страшная книга». Всё – от внешнего вида до названий вышеупомянутых серий – закладывает в читателя определённые ожидания, а именно наличие устрашающих сюжетов внутри книги.

Исследование литературных произведений требует не только учёта намерений автора и издательства, но также анализа реакции и интерпретации читателя. Возникает сложность в том, что многие читатели имеют недостаточное понимание жанровой классификации и часто ошибочно приписывают к хоррору произведения, представляющие собой триллер, мистику и другие смежные жанры. Поэтому для проведения анализа предлагается прежде всего учитывать оценку литературных критиков, которые представляют собой «профессиональных» читателей.

Итак, в процессе классификации литературных произведений как хоррора должен учитываться комплекс факторов, включая намерения автора, маркетинговые стратегии, тематические аспекты и реакцию аудитории. Для более подробного анализа может потребоваться создание корпуса текстов, которые будут рассматриваться с учётом трёх аспектов: позиционирования произведения, восприятия его читателями и соответствия жанровым характеристикам. Мы можем начать обрисовывать границы корпуса современных русских литературных хоррор-произведений, опираясь на три основных критерия:

1. книги, официально позиционируемые как хоррор автором и/или издательством;
2. книги, обладающие формальными характеристиками жанра;
3. книги, обозначенные как хоррор литературными критиками.

Предлагается разделить корпус на «первичные», или «основные», тексты, которые лучше всего отражают вышеуказанные критерии, и «вторичные», или «периферийные», тексты, которые демонстрируют лишь некоторые признаки. Это разделение призвано показать, что не все произведения, позиционируемые как хоррор, обладают всеми необходимыми чертами или воспринимаются аудиторией как хоррор, так же как и то, что книгам может быть приписан жанр хоррор, даже если они официально не позиционируются как таковые.

Современный русский хоррор не может похвастаться той же популярностью, что фантастический или детективный роман, но данный жанр уже насчитывает ряд выдающихся авторов, признанных как публикой, так и критиками. В качестве материала исследования мы рассмотрим хоррор-произведения современных авторов, публикующихся на русском языке. В настоящем исследовании предпочтение будет отдаваться официально публикующимся авторам, отмеченным престижными литературными премиями и наградами, в том числе литературной премией «Мастера ужасов», учреждённой Ассоциацией авторов хоррора. Будут рассмотрены произведения, вышедшие с начала 2000-х, поскольку именно это время характеризуется началом коммерциализации хоррора, а значит, увеличением спроса на данный жанр.

Писательница Анна Старобинец часто именуется как «Королева русского хоррора» или «Русский Стивен Кинг». Какие-то критики с этим определением согласны, какие-то нет: «когда Анну Старобинец называют “королевой хоррора”, это – чистый маркетинг» [1], «не только и не столько Кинг, сколько англоязычная литература в целом» [4]. Однако общий вывод таков: «пугать она по-прежнему умеет так, как никто другой в России сегодня» [16]. В произведениях Старобинец хоррор переплетается с повседневной жизнью, ужасное происходит на улицах мегаполисов, отравляет жизнь обычных семей.

Повесть «Переходный возраст» была награждена премией «Нокт» от испанской Ассоциации писателей хоррора в 2013 году. Старобинец лично относит повесть к жанру хоррор и подтверждает, что писала её в манере Стивена Кинга, но оговаривается, что хоррором себя не ограничивает. «Переходный возраст» соответствует формальным признакам хоррор-жанра:

- наличие саспенса (обстановка медленно нагнетается, с каждым тайм-скрипом ситуация обостряется);
- невозможность противостоять «ужасному» (трансформация Максима, сына главной героини, закончена, мальчик потерял собственное «я»; к тому моменту, как она об этом узнает, изменить что-либо уже нельзя);
- подробное описание монструозности и телесности (неприятный запах, телесные жидкости, расплывшееся бесформенное тело, смерть);
- искажение реальности: под личиной сына героини прячется что-то чужое и страшное;
- замкнутый хронотоп (пространство представлено квартирой, в которой пребывают только центральные персонажи повести, и лесом, в котором происходит смерть детей героини. На протяжении действия помочь «извне» не поступает).

Сборник рассказов писательницы «Резкое похолодание» вышел в 2008 году. Журналист Александр Горбачев отозвался о книге так: «Старобинец уже награждали титулом “русского Стивена Кинга” – и “Резкое похолодание”… подобные эпитеты только подтверждают» [3]. По мнению Владислава Женевского, «проступают отчётливые следы Кинга – но его присутствие озаряет не букву, а дух происходящего» [4]. Несмотря на подобные отзывы критиков, заглавной повести в полной мере присущи лишь несколько признаков жанра: наличие саспенса; инверсивность («волшебница» на деле оказывается неупокоенной убитой женщиной). Пространством, на фоне которого происходят события, является маленький подмосковный городок на пересечении двух улиц, а также гора. Эти места нельзя в полной мере считать замкнутыми: из города можно уехать, по его улицам ходят люди, с горы съезжают лыжники.

Рассказ Дмитрия Костюковича «Шуга» получил первое место на конкурсе «Чертова дюжина» в 2019 году и премию «Мастера ужасов» в 2020 году. Рассказ был включён в сборник «Холодные песни» и вышел в серии «Самая страшная книга». Рецензенты журнала DARKER высоко оценили рассказ. Рассказу присущи следующие признаки:

- замкнутый хронотоп (место действия – глубокая вода, скрытая под коркой льда, «Ледовый океан, трёхкилометровая бездна»);
- невозможность противостоять сверхъестественному (в данном случае силам природы, которые по своей натуре оказываются сверхъестественными, разумными);
- опасность для жизни героя (Ивин спускается под воду в лунку, но не может отыскать выход обратно);
- саспенс (ситуация постепенно накаляется, с каждой минутой у героя остаётся меньше кислорода);
- монструозность (лже-товарищи героя, представляющие собой две фигуры из «шуги, ледяного сала и снежуры», их внешний вид соответствует облику монстра: «не рот. А звериная пасть, внутри которой квадратные зубы, ..., зубы монстра», реакция героя соответствующая – «Ивина накрывает волна ужаса»).

Роман Дарьи Бобылевой «Выюрки» вышел в популярной хоррор-серии «Самая страшная книга» и был удостоен премии «Мастера ужасов». Это сразу обуславливает восприятие книги как представителя жанра, однако критики с подобным определением не вполне согласны. Обозрева-

тель журнала «Мир фантастики» Борис Невский называет произведение «мистическим ужасом» и «современным хоррором», однако уточняет, что «полноценного романа ужасов у автора не вышло» [9]. Онлайн-журнал DARKER обозначил роман как мистику и хоррор. Литературный критик Галина Юзефович не относит произведения Бобылевой к хоррору, поскольку «в отличие от хоррора, ... “продающего” читателю, прежде всего, эмоцию страха (иногда ... в виде сострадания, отвращения, тревоги, ледяного трансцендентного ужаса), тексты Бобылевой основываются на ... сочетании ... иронии – и, ну, да, страха, но, ... страха уютного, одомашненного, соразмерного современному горожанину» [15]. Вместе с тем роман Бобылевой демонстрирует некоторые черты жанра:

- замкнутый хронотоп, представленный дачным посёлком, который нельзя покинуть;
- искажение реальности (вечное «райское» лето несёт в себе нечто чужое, иномирное; люди, пытающиеся покинуть посёлок, пропадают, и на их место приходят подменыши, похожие внешне, но отличающиеся, «иные»);
- монструозность (неведомый зверь-людоед, которым на самом деле являются два ребёнка-подменыши, внешний вид которых соответствует образу монстра: «бесформенные кожистые твари, на тушах которых толком разглядеть можно только огромные многозубые рты»; «их очертания странно плыли, руки и ноги растягивались, точно щупальца, тела распухали бесформенными мешками и снова сдувались в худенькое, детское»).

Часть характерных признаков не находит отражения в романе: жизнь героев не всегда находится в опасности; при определённых условиях сверхъестественному можно противостоять и даже уживаться с ним. Таким образом, «Выорки» можно отнести к категории «периферийных» хоррор-текстов.

Туда же относится «Пищеблок» Алексея Иванова, часто обозначаемый массовым читателем как мистика/ужасы. «Пищеблок» следует классическим хоррор-мотивам: место действия – удалённый от города лагерь, в котором обитают вампиры, угрожающие безопасности отдыхающих там детей. Литературный критик, редактор «Афиша Daily» Егор Михайлов описывает роман как «пионерский ужастик» и сравнивает его с такими произведениями, как «Оно» и «Жребий Салема» [8]. Литературный критик и публицист Елена Иваницкая описывает роман как «масскульт с использованием детского фольклора», отмечая проблему того, что в детских «ужасах» назидательная православная составляющая мешает проявлению «ужасной» составляющей, поскольку «Если существует “диавол”, против него должны помогать крест и молитва. Но тогда не будет ужастика, а будет другой жанр» [5].

Наиль Измайлова – лауреат премии «Новые горизонты» за роман «Убыр», в номинации которой роман описывается как «мистический хоррор». Многие критики отмечают неоднородность романа, разделяя его на две части: Александр Гаррос комментирует, что первая часть романа – «реалистичный хоррор», в то время как вторая «мутирует ... в сказку» [18]; Михаил Назаренко считает, что в романе «талантливо нагнетается стивен-кинговская жуть», однако «мифопоэтическое начало не работает» [18]. С этим согласна Галина Юзефович: «Поначалу роман Измайлова пугает вполне по-настоящему... Однако по мере погружения героя в фольклорную среду страх рассеивается» [16], «в первой части – страшно и здорово, во второй – скучно и муторно» [16]. Сам автор отзыется о своём романе так: «Пугать ... я особо не хотел. Видимо, не получилось – многие говорят, что книга очень страшная» [7]. «Убыр» может быть условно разделён на две части, из которых только первая подходит под определение хоррора и характеризуется наличием саспенса, искажения реальности (родители главного героя возвращаются домой иными – бродят ночью по квартире, плохо пахнут, странно себя ведут), замкнутым хронотопом. Подобная неравномерность относит произведение к периферийным хоррор-текстам.

Олег Дивов приобщился к жанру своим романом «Ночной смотрящий», который получил премии «Звёздный мост» и «РосКон». Роман вызвал неоднозначную реакцию критиков: одни ставили в плюс социальный аспект и правдоподобность описания русской глубинки «с типичной деревенской жестокостью», другие отмечали общую неровность романа, двойственность авторского замысла, обилие «чернушности» и обсценной лексики. Писатель и журналист Вадим Нестеров от-

зылся о романе следующим образом: «Поверить в реальность жестоковынного фатума, катком подминающего человечьи судьбы, мешают постоянно вылезающие уши позёрства, и грубоватый эпаж вызывает не шок, а недоумение» [10].

Принадлежность романа к жанру хоррор тоже вызывает разногласия. Начнём с того, что по внешнему виду книги рядовой читатель и не поймёт, что она как-либо связана с ужасами. «Ночной смотрящий» был издан в сериях издательства ЭКСМО «Абсолюбное оружие», «Инквизиция XXI» и «Шедевры отечественной фантастики», в которых публикуются в основном фантастические боевики. Роман также был выпущен в рамках авторской серии, названной в честь писателя. При этом заметно изменение во внешнем оформлении книги, которое стало более мрачным по сравнению с предыдущими изданиями.

Василий Владимирский упоминает, что, хотя «Ночной смотрящий» построен на привычных штампах литературы ужасов, «Дивов … не собирается пугать читателя. “Саспенса”, по большому счёту, не будет» [2]. Обозреватель журнала DARKER, Илья Снежински, отозвался о книге следующим образом: «Роман “Ночной смотрящий” приобрёл культовый статус ужастика на Руси»; «чистый русский провинциальный хоррор безо всяких прикрас»; «русская провинция – настоящий кладезь сюжетов для сельских ужасов» [12]. «Как бы трэшовый хоррор» – так отзывается о своей книге сам автор.

В книге присутствуют: замкнутый хронотоп (заброшенные дома, глухая опустелая деревня), опасность, угрожающая жизни главных героев, монстры (оборотень, вампиры). Черты жанра, отсутствующие в книге: саспенс, невозможность противостоять сверхъестественному. Таким образом, «Ночной смотрящий» причисляется нами к периферийным хоррор-текстам.

Как можно заметить, далеко не все произведения, которые позиционируются как хоррор и которым читатели могут приписывать этот жанр, соответствуют всем необходимым критериям. Например, роман Александра Матюхина «Идеальность» получил премию «Мастера ужасов» в 2022 году и вышел в серии «Самая страшная книга», но по факту является собой триллер и не может быть отнесён к хоррор-текстам.

Делается вывод о необходимости учёта намерений автора, маркетинговых стратегий, тематических элементов, формальных признаков жанра и реакции читателей для правильной классификации литературного произведения как хоррора. Обозначается проблема типологии хоррор-произведений, выявляются критерии. Выдвигается идея о создании корпуса современных русских литературных произведений в жанре хоррор. В перспективе исследования – дальнейший анализ произведений современной русской литературы в этом жанровом направлении и включение их в корпус.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирский, В. А. Русский хоррор: мрачная реальность или светлое будущее? / В. А. Владимирский // MIRF.RU: онлайн-журнал о фэнтези и фантастике: сайт. – 2023. – URL: <https://web.archive.org/web/20140421172314/http://mirf.ru/Articles/art5444.htm> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.
2. Владимирский, В. Словно нежный вампир / В. Владимирский // MIRF.RU: онлайн-журнал о фэнтези и фантастике: сайт. – 2023. – URL: <https://web.archive.org/web/20200128010023/http://old.mirf.ru/Reviews/review365.htm> (дата обращения: 25.04.2024). – Текст: электронный.
3. Горбачев, А. В. Анна Старобинец «Резкое похолодание» / А. В. Горбачев // ROLLINGSTONE.RU: журнал о музыке и популярной культуре: сайт. – 2023. – URL: <https://web.archive.org/web/20140907190538/http://rollingstone.ru/music/article/4852.html> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.
4. Женевский, В. Хоррор в русской литературе (часть II) / В. Женевский // DARKERMAGAZINE.RU: онлайн-журнал ужасов и мистики: сайт. – 2023. – URL: <https://darkermagazine.ru/page/horror-v-russkoj-literature-chast-ii> (дата обращения: 25.04.2024). – Текст: электронный.

5. Иваницкая, Е. Н. Погоня в горячей крови. О книге Алексея Иванова «Пищеблок» / Е. Н. Иваницкая // TEXTURA.CLUB: литературный портал: сайт. – 2023. – URL: <https://textura.club/pogonya-v-goryachej-krovi> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.
6. Комм, Д. Формулы страха: введение в историю и теорию фильма ужасов / Д. Комм. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 222 с.
7. Курбанова, Д. Шамиль Идиатуллин: Пугать я никого не хотел, «Убыр» попутал! / Д. Курбанова // TATARAM.RU: новостной портал: сайт. – 2023. – URL: <https://web.archive.org/web/20120310105614/http://www.tataram.ru/article/2372/6/> (дата обращения: 20.02.2024). – Текст: электронный.
8. Михайлов, Е. «Пищеблок»: Алексей Иванов как русский Стивен Кинг / Е. Михайлов // DAILY.AFISHA.RU: интернет-издание: сайт. – 2023. – URL: <https://daily.afisha.ru/culture/10614-pischeblok-aleksey-ivanov-kak-russkiy-stiven-king/> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
9. Невский, Б. Почему стоит почитать роман Дарьи Бобылевой «Выюрки»? / Б. Невский // MIRF.RU: онлайн-журнал о фэнтези и фантастике: сайт. – 2023. – URL: <https://www.mirf.ru/book/darya-bobyleva-vyurki> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.
10. Нестеров, В. Ногти в беляшах / В. Нестеров // GAZETA.RU: новостной портал: сайт. – 2023. – URL: https://www.gazeta.ru/2004/07/08/oa_126423.shtml?updated (дата обращения: 25.04.2024). – Текст: электронный.
11. Смирнова, И. И. Хоррор как жанр и дискурс. Архетипические мотивы хоррора на материале русской колыбельной / И. И. Смирнова // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № IV (68). – С. 9-17.
12. Снежински, И. А на деревне цирк уродов / И. Снежински // DARKERMAGAZINE.RU: онлайн-журнал ужасов и мистики: сайт. – 2023. – URL: <https://darkermagazine.ru/page/a-na-derevne-cirk-urodov> (дата обращения: 14.05.2024). – Текст: электронный.
13. Суханова, Е. А. Типология и характерные черты хоррор-дискурса / Е. А. Суханова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 6-3 (60). – С. 139-142.
14. Трушкина, А. П. Хоррор-мотивы в творчестве А. Старобинец (на материале сборника «Икарова желе-за») / А. П. Трушкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – № 1 (16). – С. 64-69.
15. Юзевович, Г. Л. «Наш двор» – страшные и уютные истории Дарьи Бобылевой о людях и всякой нечисти, которым приходится жить бок о бок в центре Москвы / Г. Л. Юзевович // MEDUZA.IO: интернет-издание: сайт. – 2023. – URL: <https://meduza.io/feature/2021/05/29/nash-dvor-strashnye-i-uyutnye-istorii-dari-bobylevoy-o-lyudyah-i-vsyakokoy-nechisti-kotorym-prihoditsya-zhit-bok-o-bok-v-tsentre-moskvy> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.
16. Юзевович, Г. Л. Удивительные приключения рыбы-лоцмана: 150 000 слов о литературе / Г. Л. Юзевович // ROYALLIB.COM: электронная библиотека: сайт. – 2023. – URL: royallib.com/read/yuzefovich_galina/udivitelnie_priklyucheniya_ribilotsmana_150_000_slov_o_literature.html#0 (дата обращения: 15.04.2024). – Текст: электронный.
17. Carroll, Noel. The Philosophy of Horror or Paradoxes of the Heart. New York: Routledge, 1990. – 272 p.
18. NEWHORIZONSF.RU: литературная премия «Новые горизонты»: сайт. – 2023. – URL: <http://newhorizonsf.ru/y2013/ubyhrpr> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст: электронный.

Суленёва Н. В., Емченко Е. П.
N. V. Suleneva, E. P. Emchenko

ЛОГИКО-ИНТОНАЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА

LOGICAL AND INTONATIONAL ORGANIZATION OF A POETIC TEXT

Суленёва Наталья Васильевна – доктор культурологии, профессор кафедры сценической речи Российского государственного института сценических искусств (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: nsuleneva@mail.ru.

Natalya V. Suleneva – Doctor of Culture Studies, Professor of the Department of Stage Speech, Russian State Institute of Performing Arts (Russia, St. Petersburg). E-mail: nsuleneva@mail.ru.

Емченко Евгения Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (Национальный исследовательский университет) (Россия, Челябинск). E-mail: jemchenko@mail.ru.

Evgeniya P. Emchenko – PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, South Ural State University (Russia, Chelyabinsk). E-mail: jemchenko@mail.ru.

Аннотация. В данной статье автор рассматривает роль интонационной выразительности в сценической речи, её влияние на вариативность разбора художественного поэтического текста и его воплощения на сцене. Сценическая интонация представляет собой эмоциональный тон ощущений, которые побуждают партнёров по общению к взаимодействию. Правила логического чтения существуют, однако они не включают в себя динамические, тембровые, эмоциональные и метрические явления. Интонация в стихотворном тексте играет созидающую роль: владеет ситуацией общения, формирует видения, передаёт намерения партнёров по общению. Интонационные свойства текста оказывают эмоциональное воздействие на зрителя, усиливают экспрессивный эффект сценического взаимодействия. Исследование авторских визуальных знаков и расшифровка логики текста помогают передать все интонационные нюансы поэтического произведения при его воплощении на сцене.

Summary. In this article, the author examines the role of intonation expressiveness in stage speech, its influence on the variability of the analysis of an artistic poetic text and its embodiment on stage. Stage intonation is an emotional tone of sensations that encourage communication partners to interact. The rules of logical reading exist, but they do not include dynamic, timbre, emotional and metric phenomena. Intonation in a poetic text plays a creative role: it controls the communication situation, forms visions, and conveys the intentions of communication partners. The intonation properties of the text have an emotional effect on the viewer; enhance the expressive effect of stage interaction. The study of the author's visual signs and deciphering the logic of the text help to convey all the intonation nuances of a poetic work when it is embodied on stage.

Ключевые слова: сценическая речь, интонационная выразительность, художественный текст, сценическая версия, поэтическая форма.

Key words: stage speech, intonation expressiveness, artistic text, stage version, poetic form.

УДК 7.06

Эмоциональность как важнейшая составляющая сценического общения несёт в себе и мощную смысловую нагрузку. Сценическая интонация представляет собой эмоциональный тон ощущений, которые побуждают партнёров по общению к взаимодействию. У педагогов по сценической речи постоянно возникают дискуссии о новых подходах к развитию интонационной выразительности будущих актёров. Если говорить о К. С. Станиславском, то его метод – идти к сценической интонации через словесное действие. Возникает необходимость расширения умений у студентов в плане владения логико-интонационной выразительностью речи в зависимости от поставленных сценических задач, от словесного действия партнёра. Тогда зритель видит сиюминутное

рождение речевого взаимодействия. Как же сохранить интонацию, которая в жизни коммуникативна по своей природе [4], в процессе сценического диалога?

О необходимости тренинга в овладении инвариативным звучанием всех составляющих логико-интонационных характеристик, отражающих эмоциональное состояние персонажа и партнёра по сценическому общению, пишут К. С. Станиславский, Ю. А. Васильев, В. Н. Галендеев, А. Н. Петрова, призывая доводить эти умения до автоматизма. Чем шире эмоциональный репертуар актёра, тем больше он готов к процессам внутренней регуляции поведения персонажа, тем более развито у него чувство эмпатии.

По определению В. Н. Галендеева [4], правила логического чтения существуют, однако они не включают в себя динамические, тембровые, эмоциональные и метрические явления. При этом в процессе исполнения произведения студентом реализуются именно «места неполной» определённости, авторской недоговорённости, реализующиеся в процессе эффективного переживания [6]. Добраться до первичных смыслов самого автора, выявить дограмматические связи в тексте и есть первичная задача в семантическом анализе произведения. Ю. Лотман называл это авторским художественным произведением, где только одним из компонентов является текст [6].

Вопрос развития у студентов эмоционального диапазона в контексте интонационной выразительности речи, безусловно, актуален. Напомним слова П. Экмана [11], что эмоции, хотя и являются чем-то личностным, возникают от импульса при общении с партнёром, т. к. целью сценического речевого действия является прямое выражение отношения к эмоциональному настроению партнёра.

Богатство поэтических образов в стихах, высокий стиль повествования, насыщенность общечеловеческими смыслами способствуют при работе над стихами превращению сценического слова в искусство! Интонация в стихотворном тексте играет созидательную роль: владеет ситуацией общения, формирует видения, передаёт намерения партнёров по общению. Необходимо осознавать глубокую зависимость формы стихотворной интонации от многообразных внетекстовых условий, что позволяет расширять модуляционные возможности интонационной выразительности речи студентов.

Известно, что интонационные свойства текста (темп, плавность, паузы, звуковысотный и силовой диапазоны, разнообразие тембра голоса) оказывают эмоциональное воздействие на зрителя, усиливают экспрессивный эффект сценического взаимодействия [8]. Большая часть информации по стихотворной форме рождается из интонирования. Стремясь передать все интонационные нюансы формы стиха, студенты, несомненно, подробно исследуют авторские визуальные знаки и расшифровывают прямой смысл текста. Многопараметровое отображение и выражение эмоций создают алгоритм речевого действия [3] партнёров по сценическому общению как рационально, так и чувственно, расширяют палитру интонационной выразительности речи.

Наше исследование было бы неполным, не обратись мы к практической работе по воплощению стихов на сцене. Со студентами была взята для группового тренинга «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. В данной статье предлагаем проанализировать первые четыре строчки сказки:

Царь с царицею простился,
В путь-дорогу снарядился,
И царица у окна
Села ждать его одна.

В наследство от школы нам досталось владение студентами курсорным чтением: они умеют конструировать впечатление от всего произведения по отдельно воспринятым ими частям. И у каждого тем самым вычленяются важные для личного исследования моменты содержания текста. Ещё в умениях читать есть эпифеноменальное чтение, т. е. быстро и по диагонали. И не секрет, что некоторые из студентов читают с листа вообще по слогам! В совокупности у каждого из студентов складывается своя «картина мира», или, по определению Ю. Лотмана, «авторская модель мира» [6], художественного произведения. При этой «лоскнутости» видений невозможно выстра-

ивать коллективный тренинг по сценической речи, где основной задачей является выстраивание диалога между участниками.

Прежде всего, необходимо вызвать интерес к расшифровке текста, т. к. он насыщает студентов энергией, провоцирует удовольствие от удачной расшифровки значения и смыслов текста. Интерес, как известно, играет важную роль в обучении, т. к. воспитывает сценическое внимание, улучшает память, мотивирует деятельность студентов, совершенствует их врождённые способности.

При логическом анализе текста досконально изучаются значения кодовых слов текста, даже если они на первый взгляд кажутся всем известными понятиями. Так, к примеру, слово «простился» означает ритуал прощания надолго с чем-то милым сердцу. Для сценического текста эта информация важна тем, что ведёт нас к медленному темпу речи, к выбору верных эмоций и словесному действию. Событие наполнено грустью, герои испытывают физический и эмоциональный дискомфорт и беспомощность. Интонация рождается исходя из всех вышесказанных параметров речевого действия.

По данному алгоритму расшифровываем и весь дальнейший текст. Читая вслух, студенты не концентрируют внимание на словосочетании «в путь-дорогу». А данный смысл свидетельствует о пожелании доброго пути, темп взаимодействия возрастает, при этом слово «снарядился» добавляет печаль, подавленность, т. к. это далёкий путь с большим количеством необходимых вещей. Возникает ощущение потери чего-то важного, усугубляется конфликт между желаемым и возможным в отношениях героев.

Слово «окно» также не удостоилось внимания студентов. Современные окна позволяют ярко видеть окружающий мир, который транслирует занимательные картинки жизни людей. Царица же была обречена на почти «слепое» ожидание (окна из слюды или мутного стекла), погружаясь в разочарование своего царского бытия, испытывая крушение всех надежд, не веря в счастливую жизнь.

Вся строка «Села ждать его одна» наполнена эмоцией какой-то заброшенности, ощущением ненужности и погружением в замечательное прошлое. Такие выводы позволяют сделать, прежде всего, глаголы: сидеть и ждать неудобно, если ожидание долговременно. Особенный парадокс в обстоятельствах содержится в слове «одна»! Царицы никогда не находились одни: к ним были приставлены сенные боярышни (коротать досуг), боярские жены (следить за поведением царицы), сёстры, близкие родственницы (для душевных разговоров).

Мы знаем, что при семантическом разборе стихотворного текста студентов необходимо погрузить и в его графическое, визуальное пространство. Визуальное пространство поэтического текста даёт импульс к пониманию, как звучит стих, а не только, о чём в нём говорится.

Вся стихотворная форма сказки подтверждает и усиливает логический разбор текста, позволяет обогатить сценическую речь. Известно, что фонетические фигуры вызывают в нас ассоциации с какими-то представлениями, ощущениями, эмоциями. Это способствует в дальнейшем формированию точного звука, артикуляции, выразительной дикции, силы звука, темпа речи. Четырёхстопный хорей даёт импульс к напористости действий, пляске: мысль лёгкая, быстрая, дыхание прерывистое (если говорить о межстроковой паузе), при этом каждая строка насыщена новой информацией. Значит, и в речи должны быть и какое-то замирание (тому способствует плавный пиррихий в первых двух строках), и стремительность, и порывистость (классический, чёткий, напористый ритм хорея в третьей и четвёртой строках).

Если говорить о звукописи данного отрывка, то его насыщенность звуком [ц] транслирует атмосферу духовности, возвышает обстоятельства, даёт «состояние лёгкости..., вспышки лучей, словно спускаются души растений, лучи-цветоножки летают огнями» [7, 77].

Активный звук [с] заставляет бежать вперёд, создаёт в ощущениях желание глубокого проникновения в суть события, «проникает в самые глубины существа..., модель расширяющейся вселенной» [7, 76].

Рифменные окончания дают нам возможность простроить систему взаимоотношений героев. Рифма парная, лёгкая, народная, но при этом сначала женская (мягкая, нежная, распевная) клаузула (простился, снарядился), а затем мужская (резкая, обрывистая, категоричная) клаузула (у

окнá, однá). Если позволить себе «пропеть» или удлинить женскую рифму и отрывисто озвучить мужскую, то сразу слышим, как проходило прощание. И снова не нужно думать об интонации, не нужно искать её вне текстового контекста, надо только «услышать» текст, создать соответствующую ему «киноленту вíдений» – и интонация родится сама.

Уникальность речевого высказывания, его особая значимость, логическая осмысленность дают импульс к необычной организации сценической речи. Форма стиха информирует нас, что «поэтическое высказывание – не просто сообщение или теоретико-филологическое суждение» [7, 10], а самостоятельное речевое высказывание, сигнализирующее о контекстной составляющей диалога, об эмоциональной насыщенности, предлагающее погрузиться в художественный мир поэтических обстоятельств, возвышающих над обыденной достоверностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акерман, А. Тезаурус эмоций: руководство для писателей и сценаристов / А. Акерман, Б. Пульзи; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2023. – 542 с.
2. Алфёрова, Л. Д. Диалоги о сценической речи: 2003-2023 гг.: к 60-летию педагогической деятельности В. Н. Галендеева / Л. Д. Алфёрова, В. Н. Галендеев. – СПб.: Изд-во РГИСИ, 2024. – 136 с.
3. Бабенко, Л. Г. Алфавит эмоций: словарь – тезаурус эмотивной лексики / Л. Г. Бабенко; Министерство науки и высшего образования РФ, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2021. – 432 с.
4. Дружинин, В. Е. Психология эмоций, чувств, воли / В. Е. Дружинин. – М.: ТЦ Сфера, 2013. – 96 с.
5. Галендеев, В. Н. Лев Додин: Метод. Школа. Творческая философия / В. Н. Галендеев. – СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2013. – 160 с.
6. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум / В. А. Лукин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Ось-80, 2005. – 560 с.
7. Суленёва, Н. В. Сценическая речь. Работа над стихотворным текстом: учеб. пособие / Н. В. Суленёва, Л. Р. Мочалина; Министерство культуры Российской Федерации, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения. – СПб.: СПбГИКиТ, 2021. – 79 с.
8. Сценическая речь: прошлое и настоящее: избранные труды кафедры сценической речи Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства. – СПб.: Изд-во СПбГАТИ, 2009. – 440 с.
9. Федотов, О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха. В 2 кн. Кн. 1: Метрика и ритмика / О. И. Федотов. – М.: Флинта: Наука, 2022. – 360 с.
10. Федотов, О. И. Основы русского стихосложения. Теория и история русского стиха. В 2 кн. Кн. 2: Строфики / О. И. Федотов. – М.: Флинта: Наука, 2022. – 488 с.
11. Экман, П. Психология эмоций / П. Экман. – СПб.: Питер, 2022. – 448 с.
12. Эткинд, Е. Г. Разговор о стихах / Е. Г. Эткинд; Фонд содействия развитию современной литературы «ЛЮДИ И КНИГИ». – СПб.: ГРИФ, 2019. – 416 с.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА
PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

Казанцев Д. А.
D. A. Kazantsev

**СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА**

**STRUCTURAL-CONTENT COMPONENTS OF TEACHER'S THEOLOGICAL
COMPETENCE**

Казанцев Дмитрий Анатольевич (игумен Христофор) – доцент кафедры педагогики и воспитательной деятельности Волгоградской государственной академии последипломного образования; руководитель отдела религиозного образования и катехизации Волгоградской епархии (Россия, Волгоград); 400012, Волгоград, ул. Новодвинская, 19А; тел. 8(917)845-78-38. E-mail: polezh@mail.ru.

Dmitry A. Kazantsev (Abbot Christopher) – Associate Professor, Pedagogy and Educational Activities Department, Volgograd State Academy of Postgraduate Education; Head of the Department of Religious Education and Catechesis of the Volgograd Diocese (Russia, Volgograd); 400012, Volgograd, st. Novodvinskaya, 19A; tel. 8(917)845-78-38. E-mail: polezh@mail.ru.

Аннотация. В статье предпринимается попытка научно-теоретического анализа феномена теологической компетентности как педагогической проблемы. Актуальность темы исследования обусловлена нарастающей потребностью в повышении педагогического мастерства учителей, реализующих в современной российской школе предметную область «Основы религиозных культур и светской этики» и учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Автор рассматривает различные точки зрения в отношении понятия «компетентность» и на их основе выстраивает структурные компоненты теологической компетентности педагога, а также его (понятия) функционально значимые содержательные конструкты. Кадровая подготовка педагогов на курсах повышения квалификации в учреждениях дополнительного профессионального образования для специалистов образовательных учреждений выступает одним из важнейших механизмов развития теологической компетентности как основы нравственно-патриотического образования и воспитания школьников, их родителей, педагогов, членов общества и граждан государства.

Summary. The article attempts a scientific and theoretical analysis of the phenomenon of theological competence as a pedagogical problem. The relevance of the research topic is due to the growing need to improve the teachers' pedagogical skills who implement the subject area «Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics» and the academic subject «Fundamentals of the Spiritual and Moral Culture of the Peoples of Russia» in modern Russian schools. The author considers different points of view regarding the concept of «competence» and on their basis builds the structural components of the teacher's theological competence, as well as its functionally significant meaningful constructs. Personnel training of teachers in advanced training courses in institutions of additional professional education for specialists in educational institutions is one of the most important mechanisms for the development of theological competence as the basis for moral and patriotic education and upbringing of schoolchildren, their parents, teachers, members of society and citizens of the state.

Ключевые слова: компетентность, теологическая компетентность, структурные компоненты теологической компетентности, предметная область «Основы религиозных культур и светской этики», учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России», дополнительное профессиональное образование, личностные новообразования.

Key words: competence, theological competence, structural components of theological competence, subject area «Fundamentals of religious cultures and secular ethics», educational subject «Fundamentals of the spiritual and moral culture of the peoples of Russia», additional professional education, personal new formations.

УДК 316.74

Введение. Трактовки понятия «компетентность»/«компетенция» в современном социальногуманитарном знании достаточно разнообразны, что, с одной стороны, вызывает некоторые затруднения в плане отбора/«фильтрации» необходимой содержательно насыщенной информа-

ции, а с другой – позволяет нам определиться с толкованиями, пониманиями и определениями рассматриваемого термина в достаточно узких рамках выделенного в настоящей статье аспекта темы нашего исследования, связанного с отбором содержания и конструированием структуры теологической компетентности педагога [7].

В этой связи небезынтересны мнения исследователей, которые связывают компетентность с личностью человека, понимая компетентность как личностное свойство, включающее отношение действующего субъекта к предмету деятельности [1, 3-8; 17, 271-273; 21, 7-12]. Видится перспективной в исследовательском плане и точка зрения Н. М. Борытко, утверждающего: «Первое, что характеризует компетентность – это способность субъекта реализовывать в деятельности его ценностные установки» [2, 67]. Добавим, что установки в теоретической педагогике, социальной психологии и философии образования справедливо рассматриваются и как профессиональные ментально-ценостные установки [16, 99-104], что позволяет рассматривать компетентность как сопоставление разноуровневых социально-индивидуальных ментальных конструкций.

В этот категориально-понятийный ряд характеристик компетентности мы полагаем необходимым поместить и некоторые собственные соображения по этому вопросу – в контексте определения содержания теологической компетентности [3, 21-26]. На взаимосвязь компетентности и ценностной сферы указывает и английский психолог Дж. Равен. «Рост компетентности неразрывно связан с системой личных ценностей, – утверждает он, – поэтому выявление ценностных ориентаций индивида, оказание ему помощи с целью более ясного их осознания, расширения ценностных конфликтов и оценки альтернатив представляет основу любой программы развития компетентности» [18, 187]. Учитывая ценностный потенциал религиозных культур и ментально-ценостный, аксиологический характер воспитательной деятельности педагога, мы считаем необходимым учитывать и фактор взаимосвязи ценностных ориентиров учителя и его теологической компетентности.

Факторы компетентности: структурно-содержательный аспект. Рассматривая поведение человека, обладающего необходимыми компетентностями, Дж. Равен выделяет пять, по его мнению, ведущих/определенящих его личностных свойств/показателей/факторов:

Первый фактор связан с определением актуального уровня развития мотивации индивида либо социальной группы, позволяющей при наличии необходимых способностей субъекта включаться в интеллектуальные, производственные, творческие, научные и иного рода процессы, предполагающие деятельность высокого уровня самореализации. Она же связана с элементарной способностью человека (субъекта социальной деятельности вообще) к труду в общекультурном его понимании, но вполне может быть рассмотрена как ментальная установка [14, 171-179] в отношении различного рода сфер/пространств реализации различного рода видов деятельности.

Данный фактор определяет в том числе способность и преднастроенность индивида проявлять инициативу, брать на себя ответственность, анализировать состояние, перспективы и ресурсы конкретной организации (в том числе образовательной), в пространстве которой осуществляется его профессиональное и интеллектуально-личностное самоопределение.

Второй фактор, в определённом смысле вытекающий из рассматриваемого выше показателя, предполагает реализацию готовности человека к деятельности – на практике включаться влиятельно и инициативно в организационные процессы, значимые в субъективном/субъектном отношении. Например, организовывать, структурировать и направлять политику деятельности того или иного конкретного образовательного учреждения/организации, задавая, в определённом смысле, ритм динамики социальной направленности деятельности субъектов социальной жизни [11, 60-67; 18, 187].

Третий фактор, определяющий многоуровневую компетентность субъекта, связан с готовностью не только инициировать те или иные социально значимые проекты и программы, полезные для функционирования конкретной организации, но и способствовать (спомоществовать) инновационным педагогическим инициативам в области организации поиска, определения планомерного конструирования и осуществления эффективной деятельности в направлении получения изначально проектируемого/ожидаемого результата.

Четвёртый фактор, в определённом смысле фиксирующий варианты/модели поведения индивида, необходимо включает в себя адекватное понимание жизненных принципов социальной деятельности субъекта. Данные принципы – наиболее существенные основания социального самоосуществления человека, социальной группы, большого сообщества – срабатывают и в контексте ментального осмысления явлений, событий, процессов, актуальных особенностей взаимодействия общества и человека в пространстве наличной культуры.

Пятый, в контексте настоящей работы заключительный фактор личностного становления субъекта инновационной деятельности, ориентированной на компетентностное становление индивида (в том числе развитие теологической компетентности педагога), определяет адекватное (то есть определяемое в категориях «необходимого» и «достаточного») научно-теоретическое представление/понимание аспектов/структурно-содержательных компонентов самоосуществления субъекта образования: «поиск», «выбор», «лидерство», «принятие решения», «ответственность», «инициативность», «коммуникация», «равенство» и др. [18, 150-151]. Понятно, что данным рядом критериев набор компетентностных показателей не исчерпывается, но в измерении категорий «необходимого» и «достаточного» он видится нам вполне убедительным [10, 26-31; 13, 9-16].

Применительно к учителю, реализующему предметную область «Основы религиозных культур и светской этики» и учебный предмет «Основы духовно-нравственной культуры народов России», предлагаемые Дж. Равеном показатели позволяют вполне убедительно описать существенно важные компоненты теологической компетентности как научного феномена и понятия. Основываясь на вышеизложенном и принимая во внимание актуальные нормативно-правовые требования к процессу изучения религиозных культур в образовательном учреждении, можно предположить, что учителю должен иметь некоторый набор профессиональных качеств:

- обладать профессионально-личностной мотивацией и способностью включаться в реализацию предметной области «ОРКСЭ» и учебного предмета «ОДНКНР», проявлять инициативу по организации изучения школьниками этих областей, брать на себя ответственность, анализировать работу образовательного учреждения в данном направлении;

- включаться в субъективно и субъектно значимые действия, например, стремиться влиять на происходящие в образовательной организации изменения, в том числе с целью увеличения числа родителей, выбирающих для своих детей тот или иной модуль изучения религиозной культуры;

- быть готовым и способным к поддержке и укреплению положительного отношения к предметной области «Основы православной культуры» и учебного предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» среди коллег и родителей, а также объединять заинтересованных лиц – активных субъектов/акторов образовательно-воспитательной деятельности [8, 120-125] в этом общем социально-мотивированном действии;

- адекватно оценивать нравственное состояние в семьях, классе, школе, в стране и мире с позиций ценностных основ религиозных культур и позитивно-творчески воспринимать собственную роль и роли других субъектов образования в решении проблемы духовно-нравственного, социального, культурно-исторического и гражданско-патриотического кризиса в обществе [15, 70-75];

- иметь адекватное представление о ряде понятий, связанных с управлением образовательной организацией, в число которых входят: риск, лидерство, ответственность, подотчётность, коммуникация, равенство, участие и ряд других ментально-ценостных ориентиров личности, существенных в том числе с точки зрения становления общероссийской гражданской идентичности (представляемой в концепции «матрицы идентичности» Д. В. Полежаева [10, 26-31] в виде набора структурно-содержательных концептов – культурно-исторических констант) и формирования общего социокультурного поля общества, государства и цивилизации [20, 10-120].

Известно, что «цивилизационные ценности человека складываются между высшим, “метафизическим” уровнем, конституирующем его бытие в целом, и “страновым”, или национальным, уровнем. Именно эти ценности связывают сознание представителей больших национальных культур, стремящихся к образованию наднационального духовного единства. ...человек сам определяет свои цивилизационные предпочтения» [22, 76]. Дополним приведённое высказывание профессора Ю. М. Резника, что в этом методологически значимом пространстве могут быть помещены

наши размышления и о культивировании индивидом собственных, значимых для него компетенций, в том числе теологического плана, что видится значимым как в практическом, учебно-воспитательном отношении, так и в философско-образовательном измерении.

Компетентность как социально-педагогический феномен: особенности проявления и условия реализации. В контексте нашего исследования также представляется немаловажным обратить внимание на идеи, высказанные в своё время отечественным педагогом В. В. Сериковым касательно роли и места компетентности в пространстве личностно-ориентированного образования. Автор выделяет некоторые признаки компетентного человека, формулируя их следующим образом:

«— нахождение и личностное принятие индивидом некоторой сферы бытия как своей собственной, в которой он мастер, хозяин, уверенный в своих силах человек;

— ориентированную основу деятельности, построенной на образе создаваемого продукта и логике (законов) его создания...;

— набор апробированных в ... опыте (ставших привычными) способов решения задач, входящих в структуру компетенции (мыслительных, организационных, коммуникативных, информационных, самоорганизующих и др.);

— опыт выполнения этой деятельности в проблемных условиях;

— наконец компетентный человек постоянно находится в состоянии рефлексии и самоконтроля своих действий, используя на уровне подсознания образцы и критерии эффективности» [24, 284].

Выявленные В. В. Сериковым признаки мы полагаем возможным применить и к учителю, реализующему в школе предметную область «ОРКСЭ» или учебный предмет «ОДНКНР». Так, пришедший на подготовительные курсы в системе дополнительного профессионального образования педагог может вполне убедительно опознать сферу той или иной религиозной культуры (в зависимости от мировоззренческой позиции и иных собственных предпочтений) как понятную ему и близкую для него, как культуру своего народа, как культуру, в которой он воспитывался и с которой соприкасался в течение своей жизни. Исследователи справедливо подчёркивают и региональный уровень идентификации социально-индивидуальных субъектов общественной жизни [25, 50-56], как направленной идеально-политическим образом «извне», так и органично развёртываемой «внутри» субъекта. Одним из этих пространств идентификации является и религиозное самосознание. Поэтому нам видится необходимым помочь слушателям курсов повышения квалификации – педагогам, реализующим соответствующие программы, – почувствовать себя уверенно в пространстве религиозной культуры, представляемой ими самостоятельно и отчасти «сконструированной» в ходе курсовой подготовки.

Мониторинг состоявшихся подготовительных курсов показал, что большая часть слушателей уже реализует рассматриваемые предметные области, и у них уже начал складываться свой собственный, индивидуальный подход в их преподавании и измерении качества результата. Многие педагоги по необходимости разработали и ввели в образовательную практику собственные методики учебно-воспитательной работы. Роль наших курсов видится в том, чтобы актуализировать имеющийся опыт и поддержать творческие усилия педагогов наравне с ознакомлением их с иными методиками преподавания.

Следует признать, что на сегодняшний день реализация предметной области «Основы религиозных культур и светской этики» и учебного предмета «Основы духовно-нравственной культуры народов России» в современной российской школе ещё не утвердились должным образом. Не вполне сформированным видится и мнение о них педагогов и родителей, не написаны учебники, а выбор модулей «ОРКСЭ» в четвёртом классе пока ещё, к сожалению, меняется каждый год... Всё это создаёт достаточно проблемные условия учителю, находясь в которых он призван осуществлять профессиональную деятельность качественно и эффективно. В этой связи курсы повышения квалификации и профессиональной переподготовки должны научить педагога осуществлять систематический/непрерывный мониторинг ситуации, выявлять предпочтения родительского сообщества, в том числе религиозные настроения, а также организовывать и вы-

страивать воспитательный процесс с учётом уровней нравственности воспитанников, отношения родителей детей к религии и т. п. Регулярная рефлексия нашей собственной и учительской педагогической практики может позволить избежать ошибок и провалов, сохранить деликатность в организации процесса изучения религиозных культур.

Становление теологической компетентности как «новообразование». Видится важным найти опорные точки для мониторинга изменений в становлении искомой компетентности педагога в ходе курсовой подготовки. Исследователь С. А. Манукова в своей работе, посвящённой изучению процесса формирования идейно-нравственной готовности, понимаемой в том числе как компетентности студентов педагогических специальностей, фиксирует небезынтересное в научно-теоретическом и праксеологическом отношении понятие «новообразование личности». Данное понятие/научно-педагогическая категория необходимо включает в себя учёт субъективных особенностей восприятия и понимания (в том числе в рамках субъектного подхода) отношения к педагогической деятельности [6].

Мы полагаем возможным заимствовать предложенное С. А. Мануковой понятие «новообразование личности», поскольку на курсах повышения квалификации учителей в области организации школьниками религиозных культур у педагога действительно проявляются тем или иным образом ранее не имевшие места новообразования. К ним относятся, например, умение декодировать феномены культуры, социальные процессы с точки зрения теологии, способность отстаивать присутствие/наличие религиозных культур в образовательном учреждении, способность отвечать на предельные экзистенциальные вопросы и осмысливать наличный религиозный опыт человечества.

Вполне удачной мы находим систему компонентов, предложенных С. А. Мануковой, поскольку она позволяет упорядочить, т. е. найти своё место новообразованиям в структуре компетентности, в том числе теологической. А потому данный «набор» компонентов полагаем возможным применить и к проблеме нашего исследования [4, 79-92]. Систематизируя изученные идеи, мы можем предложить следующие компоненты, содержащие личностные новообразования и составляющие теологическую компетентность учителя:

1. Мировоззренческий компонент включает в себя ряд теологически значимых личностных способностей педагога:

– способность отвечать на *ценностно-смысловые вопросы*, не связанные с точной наукой и эмпирически устойчивыми в плане повторяемости/проверки опытным путём исследовательскими конструктами;

– способность отвечать на так называемые *«предельные» экзистенциальные вопросы*, связанные с переживанием смыслов существования человека, тревогой самоопределения и самоосуществления;

– способность определять и формировать *целевые ориентиры* и генеральные направления собственного духовного развития в пространстве наличной религиозной культуры и социально-политического бытия;

– способность осуществлять *направленную рефлексию* и формировать собственное, отличное от предложений социальной среды и идеологии, относительно устойчивое в изменяющихся социально-культурных условиях *цельное мировоззрение*, а также осознанно самоопределяться в конфессиональных предпочтениях;

– способность устранять существующее либо интенциально присутствующее противоречие между действительным, личностным *стремлением к совершенству* и дисгармоничной реальностью, неустойчивой как в ценностно-смысловом, так и темпоральном отношении;

– способность *опознавать* и в образовательно-воспитательном ключе детерминировать пространство той или иной религиозной культуры, её существенные проявления (в зависимости от собственных предпочтений), определять как понятную и близкую для него *культуру своего народа*, в которой он воспитывался и с которой соприкасался в значимые моменты своего самосознания в течение всей своей жизни.

2. *Когнитивный компонент*, связанный в первую очередь с возможностями и особенностями познания человеком окружающего мира, в том числе через призму овладения теологической компетентностью, также предполагает развитие некоторых функционально значимых позиций:

– владение *теологическими знаниями*, которое возможно по итогам достаточно длительного и системного их освоения и присвоения;

– способность к *декодированию феноменов культуры* с точки зрения теологии, формирующаяся не только на уровне определения их значимых составляющих, но и уверенного различия в существенных позициях;

– способность *интерпретировать социальные ситуации* в обществе с точки зрения теологии, связанная с освоением имеющегося опыта различия и толкования явлений и смыслов религиозной культуры и традиции;

– навыки повышения собственной *теологической грамотности*, тяга к получению новых знаний в сфере теологии, а также построение собственной системы работы педагога по самообразованию и саморазвитию;

– навыки *размышления о собственной религиозности*, становящиеся устойчивыми в случае открытия потребности в религиозном самосознании и самоосуществлении, а также в последовательном и дисциплинированном самоанализе изменяющейся или устойчивой наличной ситуации собственного религиозного мироощущения педагога;

– навыки *осмыслиения религиозного опыта человечества* и его отражения в действительности могут быть представлены как система актов сравнения ценностей и смыслов различного плана в общем пространстве исторической темпоральности, в контекстуально-событийном измерении или индивидуально-личностном плане – действия, движения, поступка, выбора или решения человека конкретной исторической эпохи [11, 60-67].

3. *Мотивационный компонент* теологической компетентности учителя выступает на первый план, поскольку он связан не только с ориентированной «внутрь» социальной направленностью учебно-воспитательной деятельности педагога, т. е. собственно с педагогической рефлексией и самопознанием, но и с «включением» мотивационных механизмов других субъектов образовательно-воспитательного процесса:

– обладание устойчивой мотивацией и целенаправленной способностью *включаться в процесс практической реализации предметной области «ОРКСЭ» и учебного курса «ОДНКНР»*, проявлять творческую инициативу по системной организации процесса изучения школьниками данных областей/аспектов теологического знания, брать на себя ответственность за содержание и результаты учебно-воспитательного процесса, умение анализировать конкретный образовательный «продукт» по итогам работы образовательного учреждения;

– способность включаться в субъективно значимые действия образовательной организации, например, стремиться повлиять на происходящие в ней процессы и события, изменяющие отношение к рассматриваемым учебным предметам/предметным областям, например, с целью увеличения числа родителей, выбравших в предметной области «ОРКСЭ» для своих детей тот или иной модуль изучения религиозной культуры, с точным структурно-содержательным, ценностно-смысловым и общественно-политическим его измерением, оценкой и презентацией для заинтересованных субъектов образования;

– способность дипломатично, доказательно и уверенно *поддерживать положительное отношение* к рассматриваемой предметной области и к учебному предмету среди коллег-педагогов и родителей, а также объединять заинтересованных лиц для определения насущных потребностей, выделения и решения первоочередных задач для достижения поставленных целей [5, 88-93].

4. *Этический компонент* теологической компетентности отражает актуальную для нашей многонациональной и многоконфессиональной страны проблему «диалога культур»:

– способность *дистанцироваться* от собственной религиозности при обсуждении тех или иных вопросов, не нуждающихся в будировании крайних позиций;

– умение *поддерживать* межконфессиональный диалог, дискуссию предполагает знание сущностных положений предмета анализа и сравнения мировых религий;

– умение организовать межконфессиональное сотрудничество, важное для соблюдения правил дружеского общения православных семей, семей неверующих и семей, представляющих иные конфессии/диаспоры;

– умение адекватно оценивать нравственное состояние в семьях обучающихся, в классе и школе, в стране и мире с позиций ценностных основ религиозных культур, т. е. давать оценку словам и делам социально-политических субъектов разного уровня на основе общих, устойчивых ценностно-смысовых ориентиров, норм и правил человеческого общежития;

– способность адекватно понимать собственную роль и роли других людей в образовательной организации и обществе в целом в решении проблемы духовного и нравственного кризиса в обществе; такого рода ответственность – извечное требование к педагогам, предъявляемое к ним ими самими, что связано в том числе с профессиональным педагогическим самосознанием, профессиональной педагогической ментальностью, историческими традициями, неизменными для учителя в длительном историческом протяжении.

5. *Профессионально-педагогический компонент* теологической компетентности педагога предполагает освоение и использование для достижения положительного результата определённых способностей и умений, основанных на накопленном знании базисе:

– понимание методологии изучения религиозных культур связано не только со знанием путей осмыслиения (в том числе, как выше указывалось, сравнения) различных духовных, религиозно-культурных практик, в том числе в историческом протяжении, но и с вычленением наиболее общих, сущностных оснований и характеристик религиозной культуры;

– знание методик изучения религиозных культур и умение их применять в педагогической практике закрепляются в ходе отработки порядка/последовательности анализа социально-исторических феноменов, выработка алгоритма исследовательских действий;

– умение проектировать в пространстве религиозной культуры нарабатывается через усвоение и опытную реализацию структуры проекта, отбора принципов и отработки последовательности действия и правил проектной работы как социально-проектного, так и проектно-исследовательского и педагогического направлений;

– умение оказывать консультативную поддержку в вопросах изучения религиозных культур выступает как способность транслировать имеющиеся религиозно-культурные знания педагога воспринимающему партнёру таким образом, чтобы он освоил их в достаточной мере;

– способность теологически и религиозно-дидактически адекватно понимать центральные темы изучения и разрабатывать процессы преподавания и обучения как для обучающихся, так и для взрослых участников образовательно-воспитательного процесса: родителей и родственников обучающихся, а также заинтересованных коллег-педагогов, представителей общественности (ветеранских молодёжных движений и организаций и др.);

– способность дидактически относиться к другим конфессиональным, религиозным и идеологическим формам жизни и мышления убедительна не только с точки зрения так называемой «толерантности», но и с точки зрения устойчивости собственного самосознания, допускающего «иное» в плане сопоставления и поиска новых аргументов для обоснования собственной позиции;

– способность осуществлять профессиональную деятельность в проблемных условиях отрабатывается на выделении и преодолении наличных и возможных трудностей, в поиске, освоении и отстаивании собственных мировоззренческих установок педагога и педагогического сообщества;

– умение осуществлять рефлексию собственной педагогической деятельности по изучению религиозных культур, самоанализ возможен на основе наличных – воспринятых или выработанных собственным опытом – критериев, относительно устойчивых и дополняющихся контекстуально;

– умение описывать собственную педагогическую практику также связано с отработкой учителем правил самоанализа, его проведения и выражения значимых результатов «вовне», трансляция опыта;

– умение осуществлять мониторинг нравственного состояния воспитанников выстраивается как на отработанных/отлаженных приёмах собственного самоанализа, так и на методически и научно-практически апробированных механизмах педагогического мониторинга – «стартовой», «экспресс-» и «финишной» диагностиках, признанных в профессиональной образовательной среде.

В заключение отметим, что проведённое нами исследование позволяет сформулировать понимание *теологической компетентности* учителя как совокупности мировоззренческого, когнитивного, мотивационного, этического и профессионально-педагогического компонентов. Эти компоненты содержат существенные личностные новообразования, необходимые для осуществления деятельности педагога на ментально-ценостных, духовных основах религиозных культур. В порядке перспективы будет верным утвердительно говорить о том, что дальнейшее исследование связано с разработкой модели формирования теологической компетентности педагогов в пространстве дополнительного профессионального образования учителей на курсах повышения квалификации и пост-курсового их педагогического сопровождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородин, О. И. Философско-методологические основания образования: компетентностно-ориентированный подход / О. И. Бородин, Д. В. Полежаев // Дополнительное профессиональное образование на современном этапе: компетенции, технологии, пути модернизации: матер. обл. науч.-практ. конф. (14 мая 2003 г.). – Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2003. – С. 3-8.
2. Борытко, Н. М. Сущностные характеристики понятий «квалификация», «компетентность», «профессионализм» / Н. М. Борытко // Проблемы педагогической диагностики и компетентностного подхода в образовании: матер. «круглых столов» 2005-2006 гг. / сост. И. А. Соловцова; под ред. Н. М. Борытко. – Волгоград: ТЦ «ОПТИМ», 2006. – С. 67.
3. Казанцев, Д. А. Социологические аспекты формирования теологической компетентности учителя в системе дополнительного профессионального образования / Д. А. Казанцев // Primo Aspectu. – 2023. – № 3 (55). – С. 21-26.
4. Казанцев, Д. А. Теологическая компетентность педагога: особенности понимания феномена (философско-образовательный аспект) / Д. А. Казанцев // Вестник Российского философского общества. – 2023. – Вып. 3-4 (105-106). – С. 79-92.
5. Костюкова, Т. А. Философские основы становления личностной готовности учителя к работе с ценностями православной культуры / Т. А. Костюкова, Д. А. Казанцев // Нива Господня. Вестник Пензенской Духовной Семинарии. – 2022. – № 1 (23). – С. 88-93.
6. Манукова, С. А. Формирование идеино-нравственной готовности выпускников педвуза к профессионально-педагогической деятельности: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Манукова София Аркадьевна. – Ростов-на-Дону, 1988. – 190 с.
7. Паспорт научной специальности «Теология». Шифр специальности: 26.00.01 – Теология: одобрен президиумом Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, протокол президиума от 25 сентября 2015 г. № 24, рекомендация № 24/555 // Google Диск. – URL: <https://drive.google.com/drive/folders/1RNYkXhvAzaEF85GqxOH8HhbenJIoUMR7> (дата обращения: 21.12.2023). – Текст: электронный.
8. Полежаев, Д. В. Духовное наследие прошлого: философско-исторические истоки российского патриотизма / Д. В. Полежаев // Наставничество в современной России: оценка состояния и тенденции развития на основе опыта Волгоградской области. – Волгоград: РИЦ ВГАПО, 2019. – С. 120-125.
9. Полежаев, Д. В. Идея менталитета в русской философии «золотого века»: моногр. / Д. В. Полежаев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.
10. Полежаев, Д. В. «Матрица идентичности» как модель измерения общероссийского гражданского самосознания (Сегмент «Наука. Техника. Технологии») / Д. В. Полежаев // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2023. – № VI (70). – С. 26-31.
11. Полежаев, Д. В. Ментальность личности и внутренние механизмы динамики социальной направленности / Д. В. Полежаев // Credo. Теоретический журнал. – 2000. – № 2 (20). – С. 60-67.
12. Полежаев, Д. В. Проблема формирования картины мира личности / Д. В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8 (42). – С. 50-55.

13. Полежаев, Д. В. Социологические аспекты «Матрицы идентичности»: структурно-функциональные особенности и ценностно-смысловые константы / Д. В. Полежаев // *Primo Aspectu*. – 2023. – № 3 (55). – С. 9-16.
14. Полежаев, Д. В. Трудовая установка русского менталитета: опыт социально-философского осмысливания / Д. В. Полежаев // *Философия хозяйства*. – 2011. – № 1. – С. 171-179.
15. Полежаев, Д. В. Устойчивые концепты гражданской идентичности как критерии её содержательного измерения: философско-образовательные аспекты / Д. В. Полежаев // *Вестник Университета Российской академии образования*. – 2021. – № 5. – С. 70-85.
16. Полежаев, Д. В. Философия образования и смысл профессионального творчества учителя (ментальный аспект) / Д. В. Полежаев // *Открытое общество и устойчивое развитие: местные проблемы и решения. Вып. VII*. – М.: Изд-во МИДА, 2001. – С. 99-104.
17. Полежаев, Д. В. Философско-методологические основания компетентностно-ориентированного подхода: категориально-понятийный аспект / Д. В. Полежаев // *Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации: вторая междунар. науч. конф.* (г. Минск, 12-13 нояб. 2015 г.) / ИФ НАН Беларуси. – Минск: Право и экономика, 2015. – С. 271-273.
18. Равен, Дж. Компетентность в современном обществе: выявление, развитие и реализация / Дж. Равен; пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2002. – 396 с.
19. Резник, Ю. М. Мир России сегодня: от раскола к всечеловеческому единству / Ю. М. Резник // *Личность. Культура. Общество*. – 2020. – Т. 22. – № 3-4 (107-108). – С. 7-15.
20. Резник, Ю. М. Образы цивилизационного будущего России: отдельные проекты и возможности их интеграции / Ю. М. Резник // *Вопросы социальной теории*. – 2020. – Т. 12. – С. 10-120.
21. Резник, Ю. М. Подходят ли России проекты «Цивилизации Софии» и «Вселенской Церкви»? (Двойная утопия В. С. Соловьёва и её реконструкция) / Ю. М. Резник // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: «Социальные науки»*. – 2020. – № 3 (59). – С. 60-69.
22. Резник, Ю. М. Ценностные основания цивилизационного бытия человека в современной России / Ю. М. Резник // *Вопросы социальной теории*. – 2021. – Т. 13. – С. 73-103.
23. Розина, О. В. Ключевые и предметные компетенции в мировоззрении и самосознании преподавателей «Православной культуры» / О. В. Розина // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Педагогика. Психология*. – 2011. – Вып. 3 (22). – С. 7-12.
24. Сериков, В. В. Развитие личности в образовательном процессе: моногр. / В. В. Сериков. – М.: Логос, 2020. – 448 с.
25. Шушарина, Г. А. Акторы и практики культурной политики в контексте формирования региональной идентичности (на примере Комсомольска-на-Амуре) / Г. А. Шушарина // *Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре*. – 2022. – № II-2 (58). – С. 50-56.
26. Mendl, H. Kompetenzen, religionspädagogische / H. Mendl // *Theologisch-Religionspädagogische Kompetenz – Professionelle Kompetenzen und Standards für die Religionslehrerausbildung*. – URL: <https://www.ekd.de/ekd-text-96-fussnoten-1217.htm> (дата обращения: 17.12.2023). – Текст: электронный.

Ларченко Ю. Г.
Y. G. Larchenko

ОНЛАЙН-КУРС КАК ТЕХНОЛОГИЯ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ УНИВЕРСИТЕТА

ONLINE COURSE AS AN ADAPTIVE LEARNING TECHNOLOGY IN THE UNIVERSITY ELECTRONIC EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Ларченко Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры проектирования, управления и разработки информационных систем Комсомольского-на-Амуре государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Yulia G. Larchenko – PhD in Economics, Associate Professor, Design, Management and Development of Information Systems Department, Komsomolsk-na-Amure State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur). E-mail: l_uliya_g@mail.ru.

Аннотация. В соответствии с федеральным проектом «Цифровая образовательная среда», реализуемым в рамках действующего национального проекта «Образование», утверждённого 24 декабря 2018 г. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, одной из приоритетных задач, стоящих перед высшими учебными заведениями страны, является создание условий для свободного доступа к основным и дополнительным онлайн-курсам и платформам организаций, осуществляющих образовательную деятельность [11]. Это обусловлено необходимостью повышения персонализации образовательного процесса в высших учебных заведениях, направленной на учёт познавательных интересов и индивидуальных характеристик обучающихся. В этой связи в статье рассматривается цифровое адаптивное обучение как форма организации и реализации учебного процесса, направленная на приобретение, закрепление и (или) усиление сформированных компетенций по определённой дисциплине учебного плана соответствующего направления подготовки. На примере Центра дистанционного обучения Комсомольского-на-Амуре государственного университета рассматривается технология цифрового адаптивного обучения при освоении дисциплины «Информационные технологии» студентами инженерных направлений подготовки.

Summary. In accordance with the federal project «Digital Educational Environment», implemented within the framework of the current national project «Education», approved on 24.12.2018 by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, one of the priority tasks facing higher education institutions of the country is to create conditions for free access to basic and additional online courses and platforms of organizations carrying out educational activities [11]. This is due to the need to increase the personalization of the educational process in higher education institutions, aimed at taking into account the cognitive interests and individual characteristics of students. In this regard, the article considers digital adaptive learning as a form of organizing and implementing the educational process aimed at acquiring, consolidating and (or) strengthening the formed competencies in a certain discipline of the curriculum of the corresponding field of study. Using the example of the Distance Learning Center at Komsomolsk-na-Amure State University, the technology of digital adaptive learning is considered in mastering the course «Information Technology» by students of engineering fields of study.

Ключевые слова: адаптивное обучение, цифровизация, электронная образовательная среда, образовательная платформа, онлайн-курс, студент, университет.

Key words: adaptive learning, digitalization, electronic educational environment, educational platform, online course, student, university.

УДК 378.147.88

В настоящее время цифровизация общества и всех отраслей, сфер экономики является приоритетной задачей современного государства. Образование – это сфера народного хозяйства, которая является ядром государственной политики в области внедрения информационных техноло-

гий. В этой связи все субъекты РФ по поручению Президента страны в 2021 – 2022 годах приняли «Стратегию в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления» [12]. В Хабаровском крае основные направления стратегии цифровизации в сфере образования, следующие:

1. обеспечение доступа обучающимся к цифровым сервисам образовательной организации на безвозмездной основе;
2. повышение эффективности функционирования образовательной организации за счёт использования цифровых технологий;
3. использование электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, включённых в учебный процесс [10–13].

Алгоритм адаптивного обучения является современным и значимым инструментом решения указанных задач. С точки зрения концепции цифровизации образования технология адаптивного обучения подразумевает активное внедрение собственных и (или) сторонних онлайн-курсов в процесс формирования компетенций, закреплённых за конкретными дисциплинами учебного плана определённого направления подготовки [1–5; 7; 8].

Рассмотрим технологию адаптивного обучения в ФГБОУ ВО «Комсомольский-на-Амуре государственный университет». В университете действует Центр дистанционного обучения, который позволяет студентам вуза выбрать необходимый основной/дополнительный курс и после авторизации начать его изучение (см. рис. 1) [9; 14].

Обязательный курс изучается студентами в течение семестра, и результаты его освоения учитываются в промежуточной аттестации.

Рис. 1. Выбор онлайн-курса

Несомненными преимуществами обязательного онлайн-курса как технологии адаптивного обучения являются:

- планирование процесса освоения дисциплины по модулям в зависимости от сложности и трудоёмкости выполнения практических заданий;
- возможность повторного изучения отдельных модулей/разделов дисциплины и выполнения практических заданий при отклонении ранее отправленного ответа/решения;
- возможность подключения с любого компьютера/мобильного устройства, имеющего выход в интернет;
- наличие обратной связи с преподавателем;
- подробное изложение лекционного материала в объёме, достаточном для выполнения самостоятельной работы в форме практических заданий, а также представление дополнительных источников информации, как правило, в виде ссылок на открытые внешние ресурсы;
- планирование оценки по дисциплине в зависимости от шкалы оценивания, объёма и трудоёмкости практических заданий по модулям дисциплины и т. п. [6].

Одним из факторов успешного прохождения онлайн-курса является чёткое планирование этапов его освоения. Для этого необходимо: изучить структуру и содержание курса по модулям, количество практических заданий, составить график прохождения модулей и разделов дисциплины.

На рис. 2 показан примерный график прохождения онлайн-курса по дисциплине «Информационные технологии» для студентов инженерных направлений подготовки очной формы обучения. Структура курса включает три модуля общей трудоёмкостью 144 часа (4 зачётные единицы):

1. Модуль «Основные понятия информационных технологий» (20 часов).

2. Модуль «Современные ИТ» (98 часов):

2.1. Современные ИТ. Методы и инструменты структурирования и визуализации больших объемов информации (22 часа).

2.2. Технологии и сервисы общего назначения (28 часов).

2.3. Интернет-технологии, технологии No-code (32 часа).

2.4. Базы знаний и wiki-технологии (16 часов).

3. Модуль «Итоговая работа» (26 часов).

Необходимо отметить, что график является примерным и может редактироваться в зависимости от недельной загрузки обучающихся по другим дисциплинам учебного плана.

Общая длительность онлайн-курса составляет 4 месяца (с сентября по декабрь 2024 года). Однако у студента есть возможность в течение первой недели января 2025 года исправить ошибки, допущенные при выполнении тех или иных заданий (при наличии).

Рассматриваемый онлайн-курс является практикоориентированным, содержит большое количество домашних и проектных заданий (10), лабораторных работ (6). Для своевременного и успешного выполнения всех заданий онлайн-курс включает значительный объём лекционного материала, изложенного в форме презентаций и видеоуроков.

Выполнение расчёто-графической работы в совокупности со всеми контрольными мероприятиями является необходимым условием получения допуска студента к промежуточной аттестации. При этом минимальная сумма баллов, набранных студентом по дисциплине в ходе выполнения всех обязательных заданий, не должна быть меньше 55 % относительно максимальной суммы баллов ($79 \text{ баллов} = 0,55 \times 141 \text{ балл}$). Это соответствует оценке «удовлетворительно». Порядок формирования максимальной суммы баллов показан в табл. 1.

Критерии оценки результатов обучения по дисциплине:

- оценка «неудовлетворительно» выставляется, если студент набрал меньше 54 % от максимально возможной суммы баллов (компетенция по дисциплине не сформирована);
- оценка «удовлетворительно» выставляется, если студент набрал от 55 до 69 % от максимально возможной суммы баллов (базовый уровень сформированности компетенции по дисциплине);
- оценка «хорошо» выставляется, если студент набрал от 70 до 84 % от максимально возможной суммы баллов (достаточный уровень сформированности компетенции по дисциплине);

- оценка «отлично» выставляется, если студент набрал более 85 % от максимально возможной суммы баллов (компетенция сформирована в полном объеме).

Сентябрь	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	x	Итого
Введение в ИТ		2	2		2	2		2	2	2	2	2	2	2																20		
Современные ИТ																2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	22		
Октябрь	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	-
Технологии и сервисы общего назначения	2	2			2	2						2	2	2	2				2	2					2	2	2	2		28		
Ноябрь	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	x	-
Интернет-технологии, технологии No-code	2	2	2	2			2	2	2						2	2	2					2	2	2	2			2	2	2	32	
Декабрь	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	x	-
Базы знаний и wiki-технологии	2	2				2	2					2	2	2	2																16	
Итоговая работа																	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	26		
Обозначения:	лекция домашнее / практическое задание тест лабораторная работа проектное задание расчетно-графическая работа																															

Рис. 2. График освоения онлайн-курса (пример)

Система оценивания

Таблица 1

Оценочное средство	Количество работ	Шкала оценки, балл	Итого баллов
1. Задание в форме лабораторной работы	6	10	60
2. Задание в форме проекта	2	10	20
3. Задание в форме задачи (ситуации, кейса и т. п.)	8	5	40
4. Рубежный тест	1	1	1
5. Расчетно-графическая работа (РГР)	1	20	20
Итого баллов	18	-	141

В заключение отметим, что кроме обязательных курсов, разработанных непосредственно в электронной образовательной среде университета, обучающиеся могут обращаться и к сторонним цифровым образовательным платформам. Одним из таких образовательных порталов является платформа Stepik, разработанная ООО «Цифровые образовательные решения» (г. Санкт-Петербург), и включающая более 7000 платных и бесплатных онлайн-курсов по различным темам [15].

В сфере информационных технологий образовательная платформа Stepik позволяет обучающимся повысить свою компетенцию в следующих областях: языки программирования, основы программирования и разработки ПО, анализ данных, web-разработка, нейронные сети и искусственный интеллект, разработка мобильных приложений и игр, тестирование ПО и т. п. При этом

перед выбором конкретного онлайн-курса студенты могут первоначально ознакомиться с описанием курса, его целями и задачами, необходимыми требованиями.

Технология адаптивного обучения в электронной образовательной среде обеспечивает повышение качества подготовки будущих специалистов на рынке труда, делает их более мобильными и способными принимать самостоятельные решения в ограниченные сроки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абарникова, Е. Б. Парадигма цифрового образования и использование цифровых образовательных технологий в учебном процессе / Е. Б. Абарникова, В. С. Кортун // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о природе и технике. – 2023. – № V (69). – С. 67-75.
2. Александрова, Л. А. Модель цифровой образовательной среды вуза / Л. А. Александрова, Э. Р. Галимов // Прикладная информатика. – 2020. – Т. 15. – № 5 (89). – С. 37-51.
3. Амбросенко, Н. Д. Инновационные образовательные технологии в цифровой среде университета / Н. Д. Амбросенко, О. Н. Скуратова // Проблемы современной аграрной науки: материалы международной научной конференции, Красноярск, 15 октября 2020 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 393-396.
4. Кухтина, Я. В. Адаптивное обучение студентов вузов в системе электронной образовательной среды / Я. В. Кухтина, А. В. Филипская // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnoe-obuchenie-studentov-vuzov-v-sisteme-elektronnoy-obrazovatelnoy-sredy> (дата обращения: 05.09.2024). – Текст: электронный.
5. Моделирование в научных исследованиях профессионального образования / Л. З. Тархан, Л. Ю. Усеинова, Э. Р. Шарипова [и др.]. – Симферополь: Ариал, 2024. – 188 с.
6. Мушкина, И. А. Организация самостоятельной работы студента: учеб. пособие / И. А. Мушкина, Е. Н. Кукина, М. А. Мазниченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 235 с.
7. Павлюк, Е. И. Модель системы адаптивного тестирования учащихся / Е. И. Павлюк, Е. Б. Абарникова // Молодёжь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований: материалы IV Всерос. нац. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых учёных, Комсомольск-на-Амуре, 12-16 апреля 2021 года. В 4 ч. Ч. 3 / редакция: Э. А. Дмитриев (отв. ред.), А. В. Космынин (зам. отв. ред.). – Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВО «КнАГУ», 2021. – С. 281-283.
8. Роберт, И. В. Развитие информатизации образования в условиях цифровой трансформации / И. В. Роберт // Педагогика. – 2022. – Т. 86. – № 1. – С. 40-50.
9. Шинкорук, М. В. Возможности дополнительного образования в формировании профессиональной и коммуникативной компетентностей обучающихся / М. В. Шинкорук, Т. Е. Наливайко // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № II (58). – С. 63-68.
10. Burdakova, G., Byankin, A. The Research of Cluster Initiatives of a Higher Education Institution in a Priority Development Area. Proceedings of the international scientific conference far east con (2018) (ISCFEC 2018), 2018, (Atlantis Press, 2019), vol. 47, P. 367-370. DOI: 10.2991/iscfec-18.2019.94.
11. Паспорт национального проекта «Образование»: Утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16) // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, сайт. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 06.09.2024). – Текст: электронный.
12. Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления Хабаровского края // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, сайт. – URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/habarovskij-kraj.pdf> (дата обращения: 06.09.2024). – Текст: электронный.
13. Стратегии цифровой трансформации // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, сайт. – URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/1064> (дата обращения: 06.09.2024). – Текст: электронный.
14. Центр дистанционного обучения // ФГБОУ ВО «КнАГУ», сайт. – URL: <https://learn.knastu.ru> (дата обращения: 06.09.2024). – Текст: электронный.
15. Stepik: сайт. – Санкт-Петербург, 2013 – . – URL: <https://welcome.stepik.org/ru/about> (дата обращения: 06.09.2024). – Текст: электронный.

ИСТОРИЯ
HISTORY

Вашук А. С.
A. S. Vashchuk

**НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ И ПРОЕКТ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА
В 1990-е – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ МАГАДАНСКОЙ
ОБЛАСТИ)**

**NEOLIBERAL IDEAS AND THE RESTRUCTURING PROJECT OF THE NORTHEAST
1990S – THE FIRST DECADE OF THE XXI CENTURY (BASED ON MATERIALS
OF THE MAGADAN REGION)**

Вашук Ангелина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом социально-политических исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Россия, Владивосток). E-mail: va_lina@mail.ru.

Angelina S. Vashchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Socio-Political Research Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok). E-mail: va_lina@mail.ru.

Аннотация. В статье анализируется история проекта реструктуризации Северо-Востока в контексте инкорпорации неолиберальных идей в отечественную литературу, принятия западных теорий в целом и миграционной политики в частности политической либеральной элитой в России. Проблема рассматривается в территориальных рамках Магаданской области. Установлено, что теоретической базой реструктуризации социально-экономического пространства области стали два идеально-научных комплекса: «сжатие социально-экономического пространства», «ресурсного проклятия» – и концепт «освоения ресурсов вахтовым методом». Раскрывается картина отношения Б. Н. Ельцина и Е. Т. Гайдара, а также региональных политиков к регулированию численности населения на Северо-Востоке. Дан анализ рекомендаций Всемирного банка, которые правительством РФ были приняты для решения социально-экономических проблем региона. Сделан вывод: внедрение либеральных идей (приватизация предприятий золотодобывающей отрасли, привлечение иностранных инвестиций и освобождение предприятий от функции развития инфраструктуры, поддержка вахтового метода и закрытие неперспективных населённых пунктов) привели к сжатию физического социально-экономического пространства территории: резкому сокращению населения и руинизации территории.

Summary. The article analyzes the history of the implementation of the North-East restructuring project in the context of the incorporation of neoliberal ideas into domestic literature, the adoption of Western theories in general, and migration policy in particular, by the political liberal elite in Russia. The problem is considered within the territorial framework of the Magadan region. It has been established that the theoretical basis for the restructuring of the socio-economic space of the region were two ideological and scientific complexes: «compression of the socio-economic space», «resource curse» and the concept of «resource development on a fly-in/fly-out practice». The picture of the attitude of B. N. Yeltsin and E. T. Gaidar, as well as regional politicians, to regulating the population in the northeast is revealed. An analysis of the recommendations of the World Bank, which were adopted by the government of the Russian Federation to solve the socio-economic problems of the region, is given. It is concluded that the introduction of liberal ideas (privatization of gold mining enterprises, attracting foreign investment and freeing enterprises from the function of infrastructure development, supporting the fly-in/fly-out practice and closing unpromising settlements) led to a compression of the physical socio-economic space of the territory: a sharp reduction in population and the ruination of the territory.

Ключевые слова: Северо-Восток России, Магаданская область, политическая элита России, неолиберальные теории, инкорпорация идей, программа закрытия неперспективных населённых пунктов, миграция, руинизация.

Key words: Northeast of Russia, Magadan region, political elite of Russia, neoliberal theories, incorporation of ideas, program for closing unpromising settlements, migration, ruinization.

УДК 947(571.65/65)"1990/2010"

Северо-Восток России как значительная часть национальной территории всегда представлял большой интерес для власти и исследователей, и сегодня он остаётся зоной повышенного внимания. Особенно многих учёных интересуют демографическая проблема и дальнейшие перспективы стабильности численности и состава населения. Специалисты разных отраслей знаний фиксируют, что уже в 1992-1995 гг. в регионах Севера и Востока страны наблюдалось сокращение населения и миграция с территорий, наиболее богатых сырьевыми ресурсами. Для исторической науки актуально несколько аспектов северо-восточной проблематики. Это не только объяснение причин оттока населения, но и установление специфики вхождения местного сообщества в эпоху радикально-либеральных реформ с учётом фактора глобализации, а также установление процесса распространения нелиберальных идей среди интеллектуалов и политиков.

Цель статьи – определить роль либерального комплекса идей в разработке проектов реструктуризации российского Севера в целом и миграционной политики в частности. С учётом политического фактора, административно-территориальной реформы 1992 г. – Чукотка стала самостоятельным субъектом РФ – проблема рассматривается нами в рамках Магаданской области (см. прим. 1).

Новизна статьи заключается в постановке и решении трёх задач. Прежде всего, необходимо установить, какие же конкретные западные идеи привлекали внимание российских исследователей в контексте изучения российского Северо-Востока. Вторая задача – выявить картину отношения либеральных политиков, пришедших к власти в 1991-1993 гг., к идеям западных экспертов и учёных. Третья задача – раскрыть результаты внедрения постсоветского проекта реструктуризации Северо-Востока.

К достижению цели можно приблизиться на базе метода синтеза интеллектуальной истории и социально-политической парадигмы. Как подчёркивает Л. П. Репина, «первойшая задача интеллектуального историка – понять исторический текст (будь то письменный текст, созданный средствами языка, феноменологический текст как социальная презентация или же текст, порождённый поведением субъекта), то есть *понять выраженную в тексте идею*» [31, 9]. Она, солидаризируясь с китайским учёным Чень Синь, говорит: «Но это, в свою очередь, означает выявить во всех его конкретных деталях тот “контекст”, в котором эта идея возникла, ограничения, которые эта идея как форма накладывает на исторический текст, и вызванное этими ограничениями воздействие “объективной истории” на состояние воспринимающего субъекта» [31, 9].

Активное внимание отечественных гуманитариев к западным теориям в 1990-е годы – начале 2000-х и инкорпорация их в российское научное пространство стали отличительной чертой эпохи. В нашем случае речь пойдёт о восприятии отечественными исследователями ряда западных теорий о развитии государств, имеющих богатые природные ресурсы, в условиях перехода к рынку. Метод синтеза интеллектуальной истории и социально-политической парадигмы, используемый в исторической науке, включает не только анализ рождения идей, их распространения, но и установление их главных проводников – субъектов, институтов.

Одним из проводников интеллектуальной конвергенции в эпоху глобализации выступили финансовые институты Запада, они активно акцентировали внимание российских учёных и политиков на комплексе идей в области реформирования в целом советской системы, но особенно в сфере знаний о значении природных ресурсов для экономики страны.

В качестве примера приведём утверждение одного из экспертов МВФ Джона Одлинг-Сми (см. прим. 2), который в 2004 г. достаточно откровенно писал, что главная роль МВФ заключалась в передаче знаний по вопросам рыночно-ориентированной макроэкономической политики. Итогом многочисленных встреч стало более глубокое понимание вопросов макроэкономической теории российскими политиками и научными экспертами, которые заняли ключевые посты и должности во властных структурах [25]. С такими выводами трудно не согласиться.

Надо отдать должное отечественным исследователям, которые проделали уже огромную аналитическую работу [47]. Одной из первых в России к теме роли финансовых институтов Запада

в разработке проектов реструктуризации Дальневосточного региона обратилась А. А. Ждановская, назвав масштабный процесс инкорпорации западных идей и финансирование проектов реструктуризации Севера «неолиберальной петлёй» для России [9]. «Соответственно, задачей экономической политики стала либерализация финансовых рынков, приватизация, снижение налогов для бизнеса, максимальное снятие барьеров со свободного рынка, включая допуск иностранных компаний к банковскому сектору и прочим активам, сокращение социальных расходов, фискальная дисциплина и т.д., – то есть создание свободного рынка и минимизация государственного регулирования. *Индустриализация перестала рассматриваться как базовый путь экономического развития*. На смену пришла идея глобального разделения труда, подкреплённая убеждением о равнозначности разных видов экономической активности», – подчёркивает С. Щербак [47, 299]. Среди институтов, которые активно проводили внедрение либеральных идей, в том числе «ресурсного проклятия», оказался и фонд Карнеги (см. прим. 3), издававший журнал «Pro et Contra».

Основные тенденции интеллектуальной конвергенции в российском научном пространстве. Синхронно с деятельностью европейских финансовых институтов в российском научном сообществе наблюдался быстро нарастающий интерес к изучению зарубежной литературы гуманитариями по многим направлениям. Анализ отечественной литературы и ход реализации проекта реконструкции Севера позволяют высказать следующую гипотезу. На идеино-научный характер исследований по северо-восточной тематике как минимум повлияли две зарубежные теории: «сжатие социально-экономического пространства» и «ресурсного проклятия», – а также концепция необходимости расширения «вахтового метода» для получения прибыли от природных ресурсов на Севере.

Понятие «сжатие социально-экономического пространства» ввёл Д. Харви в 1990 г. Автор, проделав ретроспективный анализ большого массива источников, пришёл к заключению: на протяжении последних двух десятилетий «мы переживаем интенсивную fazу пространственно-временного сжатия, которое оказалось дезориентирующее и разрушающее воздействие на политico-экономические практики, баланс классовых сил, а также на культурную и социальную жизнь» [40].

Среди множества изучаемых аспектов, входящих в научный комплекс, можно выделить поиск подходов к исследованию стратегии развития северных территорий в исторической ретроспективе и на современном этапе [7; 10; 15]. Проблема влияния зарубежных идей на разработку региональной политики в России в целом и на отношение Центра к демографическим и миграционным процессам на Северо-Востоке в частности интересует представителей различных отраслей знаний. В современной литературе присутствуют две трактовки этого явления: первая – это коммуникативное сжатие пространства и вторая – физическое сжатие, связанное с сокращением площади, с изменениями системы расселения, с сокращением численности населения на активно освоенных территориях [35; 37]. В данной статье речь идёт в рамках второго смысла [40].

В контексте нашей постановки проблемы можно поддержать вывод Д. Харви о взаимосвязи идей и политики: «История социального изменения отчасти подчинена истории представлений о пространстве и времени и тем способам идеологического использования, на службу которым могут быть поставлены эти представления» [40].

В России с 90-х годов прошлого века и до сих пор ведётся бурная дискуссия по теории «сжатия» [35; 37]. Классическим примером инкорпорации западной теории в научно-экспертное отечественное пространство продемонстрировали, прежде всего, российские социальные географы. В 1993 г. Ю. Л. Пивоваров сформулировал так называемый вариант альтернативной концепции теории «сжатия», назвав её концепцией «сжатия интенсивно используемого пространства». Он писал: «На протяжении многих десятилетий в эйфории освоения несметных природных богатств в России проводилась догматическая политика “сдвига производительных сил на Восток” – в районы с суровыми социальными и природными условиями. Эта крайне неэффективная, сверхзатратная политика освоения ресурсов на огромных пространствах Севера и Востока опиралась на несостоятельную методологию управления социальными процессами» [27].

Достаточно образно выразили этот же постулат географы А. Трейвиш и В. Шупер: «....если бы за Уралом плескался океан, то, скорее всего, Россия уже давно была бы полноправным членом

сообщества цивилизационных стран» [39]. С такой позицией солидарен и Б. Родоман [34]. Кроме того, последний связывает географический фактор и богатство ресурсов с политическим аспектом, соединяя воедино «теорию сжатия» и теорию «ресурсного проклятия», и утверждает, что эта связь приводит к отсутствию демократических институтов. Вторая теория чаще всего связывает наличие природных ресурсов и политические проблемы страны. В этом плане российские учёные обращались к идеям А. Россера «Политическая экономия “ресурсного проклятия”: обзор литературы» (2006) [49].

Что касается истории внедрения теории «проклятия ресурсов» в российскую литературу, актуально вспомнить зарубежных авторов, труды которых стали предметом особого внимания отечественных исследователей. С началом проведения системных реформ в России отечественные гуманитарии анализировали американскую теорию «ресурсного проклятия», основателем которой является Р. М. Аути (в другой транскрипции Оти). Географ-экономист Ричард М. Аути из университета Ланкастера в 1993 г. ввёл в научный дискурс термин «ресурсное проклятие» для описания связи между снижением темпов роста экономики и ростом ресурсозависимости, что выражается в увеличении значимости некоего природного ресурса в экономике страны [48]. Именно это положение много раз за последние двадцать лет подвергалось обсуждению, переосмыслению. Тезис о негативном влиянии ресурсного изобилия и по сей день входит в число дискуссионных проблем. Как справедливо заметили предшественники, теория «ресурсного проклятия» стала особенно импортироваться в российское научное сообщество в середине 90-х годов XX в., после публикации труда гарвардского профессора, советника правительства России (при Ельцине), Польши, Югославии, Африки, Азии и Восточной Европы, автора «шоковой терапии» Джейфри Сакса и Эндрю Уорнера [21; 51].

В работах зарубежных авторов теория «ресурсного проклятия» рассматривается не только в контексте экономического развития, но и в тесной связке с политикой. На этот аспект, например, обращает внимание Д. Н. Трубицын. Он, цитируя Р. Аути, пишет: «...в странах, богатых ресурсами, серьёзно затрудняется не только диверсификация экономики, но и процесс становления демократии» [39, 107]. По мнению Р. Аути, такие государства «обзаводятся корыстным и хищническим чиновничеством, заботящимся только об извлечении ренты» [36, 113].

Как справедливо подчёркивают отечественные исследователи И. Ю. Ховавко, К. И. Шведов, российские учёные не исключают возможные негативные социальные последствия феномена «ресурсного богатства»: деструктивное поведение элит, максимизацию элитами собственной функции полезности, снижение эффективности государства и его возможности амортизировать экономические шоки, изменение соотношения сил больших групп и классов [28; 42].

Среди отечественных экономистов-либералов в изучаемый период оказался популярным концептуальный тезис о том, что наиболее эффективными для преодоления ресурсного проклятия институтами являются сильная защита прав собственности, «открытость экономики, низкий уровень коррупции и такие политические институты, как подотчётность правительства и гарантии исполнения им контрактов. Помимо институтов, важными факторами являются размер компаний экспортного сектора (меньше – лучше) и наличие сильного частного сектора. А гибкость фискальной политики и налогообложение средней тяжести создадут стимулы инвестировать и отведут угрозу национализации добывающего сектора в период высоких цен на сырьё» [44]. Особенно значительное число поклонников в России теории «ресурсного проклятия» оказалось после публикации книги Ф. Хилл, К. Гэдди [41]. Как утверждают эти авторы, советское планирование привело к тому, что ресурсы использовались неправильно, неэффективно [41].

Некоторые российские исследователи, принимая тезис зарубежных экспертов при изучении советского периода, игнорируют тот факт, что измерять советское прошлое регионов только на основе критерия экономической эффективности непродуктивно и некорректно. Необходимо учитывать специфику всей плановой и централизованной распределительной системы, которая была базисом «освоенческой модели», или стратегии «сдвига производительных сил на Восток» [1]. Централизованной системе планирования соответствовало и прямое регулирование политики воздействия на причины, побуждающие человека принять решение о смене места жительства в совет-

Вашук А. С.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ И ПРОЕКТ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА
В 1990-Е – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

скую эпоху во второй половине XX в. [1; 19, 1269]. Не стоит также и забывать, что освоенческая модель Северо-Востока страны тесно была увязана и с финансово-бюджетной системой советского типа.

Анализируя проблему инкорпорации зарубежных идей в интеллектуальное пространство, российские учёные уже проделали большую работу по систематизации научных подходов изучения экономических и политических последствий природных богатств [42, 63]. С позиции современного исторического горизонта можно сделать вывод, что по мере того, как усиливались позиции отечественных либералов во власти, отчётливо проявлялись основные черты неолиберального мировоззрения в российской литературе. Их можно свести к краткой формуле: чем богаче страна природными ресурсами, тем ниже темпы и уровень экономического развития; наличие природного богатства не даёт возможности развиваться демократическим институтам и способствует коррупции; частный сектор – один из механизмов преодоления «ресурсного проклятия».

Тем не менее важно заметить, что путь внедрения зарубежных идей в труды отечественных гуманитариев сопровождался наличием полярных взглядов. Например, сибирский историк М. А. Куян подчёркивает: результаты научного исследования не доказывают, что страны, богатые ресурсами, жили бы лучше, если бы избавились от них [16]. Несмотря на присутствие крайних точек зрения, для современного этапа характерна тенденция интеллектуальной конвергенции на основе так называемого промежуточного взгляда. Так, её сторонником является И. Л. Любимов: «Сами по себе природные ресурсы не приносят вреда или пользы для экономического развития, результат их использования зависит от дополняющих факторов, уровня образования и качества институтов» [19].

В 2000-е гг. в отечественной литературе начинает распространяться так называемая альтернативная «ресурсному проклятию» концепция, имеющая характер гипотезы. Согласно ей, наличие сильных государственных институтов не позволяет эффективно распоряжаться доходами природной ренты и обеспечивать высокие результаты экономического и социального развития страны [6]. Ядром предлагаемой либеральной модели является полная передача государственных корпораций, занимающихся добычей природных ресурсов, в частные руки. В её основу авторы предполагают положить показатели институциональных рейтингов и структуры собственности в добывающих отраслях сырьевых стран в различных регионах мира, верховенство закона, гарантированные права.

Однако уже в 2000-е гг. часть либеральных учёных стала скептически высказываться относительно «ресурсного проклятия». Такой пример демонстрирует бывший директор Рабочего центра экономических реформ при правительстве России А. Илларионов (см. прим. 4). Он, несмотря на то, что покинул Россию и стал критиковать современную российскую власть, назвал теорию мифом. Выступая в Высшей школе экономики на конференции «Природные ресурсы в экономическом развитии: благо или риски?», А. Илларионов заявил: «Построение моделей “ресурсного проклятия” может рассматриваться не более чем как курьёз... На самом деле “теория ресурсного проклятия” – это пропагандистский миф, не имеющий ничего общего ни с экономикой, ни с жизнью» [33; 43, 175].

Отличительной чертой интеллектуально-идеологического поля первого десятилетия XXI в. стала постановка такого вопроса, как фактор ресурсного проклятия и проблема национальной безопасности. Но при этом одни идеологи из России – либералы, – рассматривая процесс оттока населения с Дальнего Востока, считают, что власть должна учитывать интересы российского общества, которое стремится к европеизации и «сбросу избыточной “азиатской ноши”. Другие же – умеренные патриоты – возражают, что истинные интересы российского общества проявляются в традиционном сохранении “Востока” и “Севера”», – пишет В. Цымбурский в своей рецензии на книгу «Миграция и безопасность в России» [43].

Инкорпорация двух научных комплексов в труды отечественных гуманитариев стала неким ориентиром для ряда гуманитариев, которые выступили с критикой «освоенческой модели» северных территорий, сформулированной в советский период. Например, в трудах А. Широкова стала возрождаться теория внутренней колонизации Северо-Востока [46]. Тем не менее в истори-

ческом дискурсе термин «модель освоения Северо-Востока» по-прежнему остаётся доминирующим [5, 8-9; 12].

Параллельно с критикой советской модели освоения территории, богатой природными ресурсами, группа отечественных исследователей работала над научным обеспечением новой миграционной политики в северных российских регионах в условиях глобализации. Основное направление формировалось вокруг поиска аргументов для обоснования перенаселённости Севера и необходимости перехода на вахтовый метод работы, в том числе и в Магаданской области.

В центре внимания российских учёных оказалась концепция «вахтового метода», основателем которой является Кит Сторей (Storey K.), изучавший практику использования этой формы миграции в нефтегазовой отрасли Канады и Австралии. Если быть объективным, то надо признать историографический факт: он справедливо обратил внимание как на положительные итоги, так и на негативные последствия использования вахтового метода, сделав следующий вывод. Сокращение численности населения, в свою очередь, отражается на решениях, принимаемых бизнесом и властью, которые негативно влияют на регионы. «Эффект “вахты” означает, что многие выгоды от освоения ресурсов в отдалённых районах достаются более крупным и отдалённым мегаполисам» [52, 1163-1164]. Идея вахтового метода была воспринята и некоторыми дальневосточными экономистами, например, профессором В. Заусаевым [11], который абсолютизировал выгоды вахтового метода и широко пропагандировал его в СМИ.

Краткая характеристика инкорпорации зарубежных идей позволяет перейти к анализу самого проекта реструктуризации Севера, базировавшегося на рассматриваемых выше теориях. Частью проекта стала миграционная стратегия Центра по отношению к Магаданской области в период приватизации и прихода иностранного капитала в золотодобывающую и серебряную отрасль.

От теории к практике. В феврале 1992 г. МВФ и Россия подписали «Меморандум об экономической политике». Условием вступления РФ в МВФ было проведение политики структурного приспособления, которая включала реформу отношений Центра и регионов. В 1992 г. исполняющий обязанности премьер-министра Е. Т. Гайдар побывал в Магадане, тогда же он заявил, что Север перенаселён и не рентабелен [26]. В 1997 г. он вновь повторил этот тезис [17, 96]. Фактически Гайдар одновременно отразил теорию «ресурсного проклятия» и «сжатия пространства». Правительство РФ для властей Магаданской области обозначило триединую задачу: приватизацию, привлечение иностранных инвестиций и сокращение населённых пунктов, одновременно с отъездом населения из области. Хотя учёные СВКНИ на тот момент установили: к началу реформ правильно было бы говорить не об избыточном населении, а о качестве и структуре квалифицированных кадров на конкретных предприятиях [45].

После посещения Б. Н. Ельциным Магадана в 1993 г. правительству РФ было дано поручение оказать помощь Магаданской области в строительстве жилых домов и квартир для северян, проработавших не менее 15 лет и выезжающих в центральные районы России. Тем не менее эта программа не была профинансирована. И уже в 1999 г. Ельцин в своём послании Федеральному собранию высказал тезис о том, что Дальний Восток является отягчающим фактором для российской экономики.

Почти одновременно Всемирный банк (ВБ) вёл разработку проекта реструктуризации Севера. Первый документ был готов к 2000 г. Это так называемый пилотный проект реструктуризации Севера, он реализовывался в Воркуте, Норильске и Сусумане. И уже с приходом иностранных компаний месторождения золота (Кубака) и серебра (Лунное и Дукатное) в Магаданской области полностью осваивались вахтовым методом.

В исторической справке европейского документа его авторы сформулировали основные исторические выводы: советская региональная политика привела к созданию искусственной экономической структуры на Севере и раздутой численности населения, которая не могла бы развиться в условиях рынка. С 1992 г. правительство РФ пытается создать жизнеспособную экономическую базу на Севере путём постепенного прекращения государственной поддержки в соответствии с общей целью перехода страны к рыночной экономике.

Специалисты Всемирного банка правительству РФ дали свои рекомендации, например, решением проблем на Севере могло бы стать сокращение штатов муниципалитетов, поскольку они требуют государственного финансирования. Стратегия Всемирного банка включала следующие элементы: принятие нового северного трудового и социального законодательства, предусматривающее большую зависимость от рыночных сил, а также устранение искажающих стимулов, которые в настоящее время поощряют миграцию на Север; ускорение экономической реструктуризации предприятий посредством продажи социальных активов и другие меры, которые позволяют промышленным предприятиям провести рационализацию; разрешение рыночных контрактных трудовых отношений; сокращение и/или закрытие нежизнеспособных населённых пунктов; повышение эффективности предоставления муниципальных и социальных услуг; открытие возможности для реструктуризации посредством поддержки выездной миграции [50].

Реструктуризация обходилась России в 94,4 млн долларов. Из них 80 млн долларов должны были быть взяты нашей страной в кредит у Всемирного банка. Правительство РФ вкладывало 13,87 млн долларов. Международный банк реконструкции и развития – 79,2 млн долларов. Другие источники (не идентифицированные) – 1,41 млн долларов. Общая стоимость проекта – 94,4 млн долларов [50]. К этому кредиту был привязан ряд условий, например, необходимо было отменить социальные гарантии для предприятий и населения в северных регионах и осуществить переход на вахтовый метод работы, уволить лишнюю рабочую силу. Реформа предусматривала поддержку миграции из региона минимум 25 тыс. чел. Правительство РФ запланировало сократить 38 населённых пунктов. За 1993-1994 гг. в Магаданской области была ликвидирована большая часть запланированных – 30 поселений [23].

В отличие от Норильска и Воркуты, где ситуация скорее попадала под категорию «сжатия», особенно если рассматривать воркутинское «кольцо» посёлков как единую городскую агломерацию, в Магаданской области была реализована политика полной ликвидации 30 населённых пунктов. В области 7 июля 2003 г. был принят региональный закон «О программе содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населённых пунктах Магаданской области, на 2003-2007 годы» [22].

Программа реализовывалась под прикрытием социально-политической аргументации «Улучшение качества жизни населения области, сокращение затрат областного бюджета на содержание населённых пунктов, признанных неперспективными». Финансирование областной целевой программы содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населённых пунктах Магаданской области, на 2003-2007 годы осуществлялось за счёт средств областного бюджета, бюджетов муниципальных образований (по согласованию) и бюджета внебюджетного фонда социально-экономического развития Магаданской области в условиях деятельности Особой экономической зоны, а также за счёт привлечения части средств, поступающих из федерального бюджета, на выплату жилищных субсидий. Законом были определены посёлки – «пионеры расселения». Одним из первых стал п. Кадыкчан.

Одновременно предполагалось и «сжатие» сохраняющегося города Сусуман (см. рис. 1) [13, 321], где были определены к ликвидации микрорайоны «Аэропорт», «Берелёх», «Заречье», посёлок Ягодное (микрорайон Гора), посёлок Мяунджа и др. С 1990 по 2000 гг. численность жителей области уменьшилась в 2 раза. В том числе и в самом Магадане (см. рис. 2) [4; 13, 81].

В годы приватизации и реструктуризации шло сокращение доходной базы территориальных (местных) бюджетов с одновременным ростом расходных обязательств, что вело к недостатку собственных средств муниципальных образований. Для местного управляемого сообщества становилось чрезвычайно сложно реализовывать региональные (муниципальные) программы социального и экономического развития [14], проблема финансирования местного бюджета стала спутником сокращения социального пространства области.

Вследствие реализации проекта реструктуризации в Магаданской области были получены следующие итоги. Наибольший отток населения отмечался с 1995 по 2000 гг. На 2018 г. область стала одной из самых малочисленных среди субъектов РФ: 83-е место в РФ из 85 регионов с долей населения 0,09 % от общероссийской численности; в 1990 г. – 77-е место из 89 с долей населения

0,26 % соответственно; доля пенсионеров в численности населения увеличилась с 12 % в 1990 г. до 32 % в 2018 г. В миграционном обмене с регионами России по-прежнему сохраняется отрицательное сальдо миграции [8, 6; 20, 14; 24; 30, 94-95].

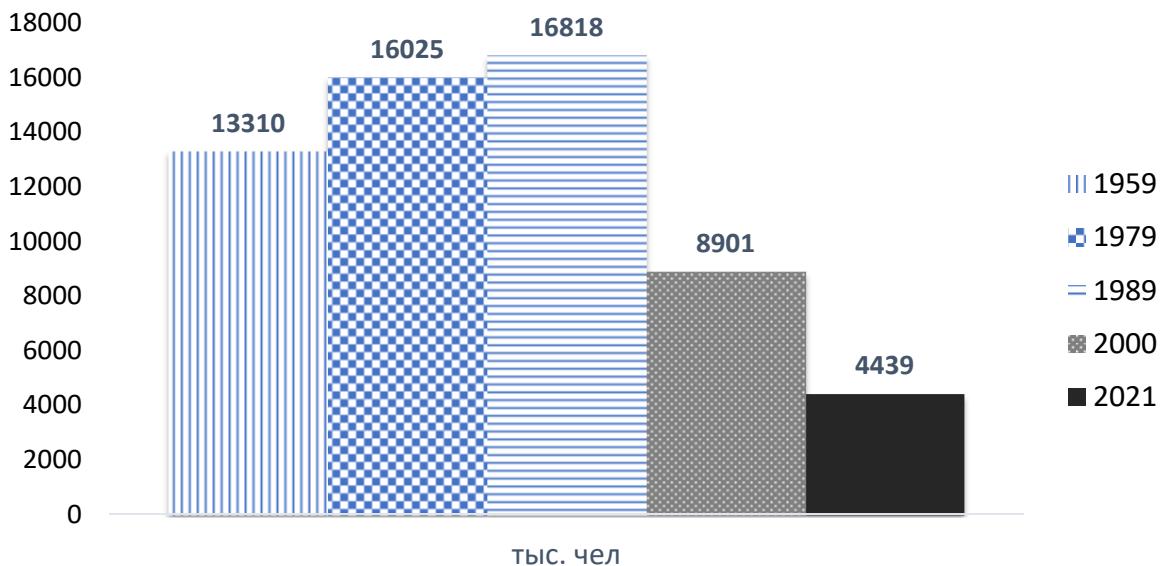

Рис. 1. Население Сусумана (1959-2023 гг.)

Заключение. Инкорпорация либеральных теорий реформирования социально-экономических отношений (приватизация предприятий золотодобывающей отрасли, привлечение иностранных инвестиций) сопровождалась внедрением в научное сообщество идей о необходимости освобождения предприятий от функции развития инфраструктуры, поддержки вахтового метода и реализации политического курса закрытия неперспективных населённых пунктов, что на практике действительно привело к «сжатию» физического социально-экономического пространства Магаданской области в 1990-е гг. – первом десятилетии XXI в.; это проявилось, прежде всего, в руинизации территории и резком сокращении населения, ухудшении демографического потенциала территории.

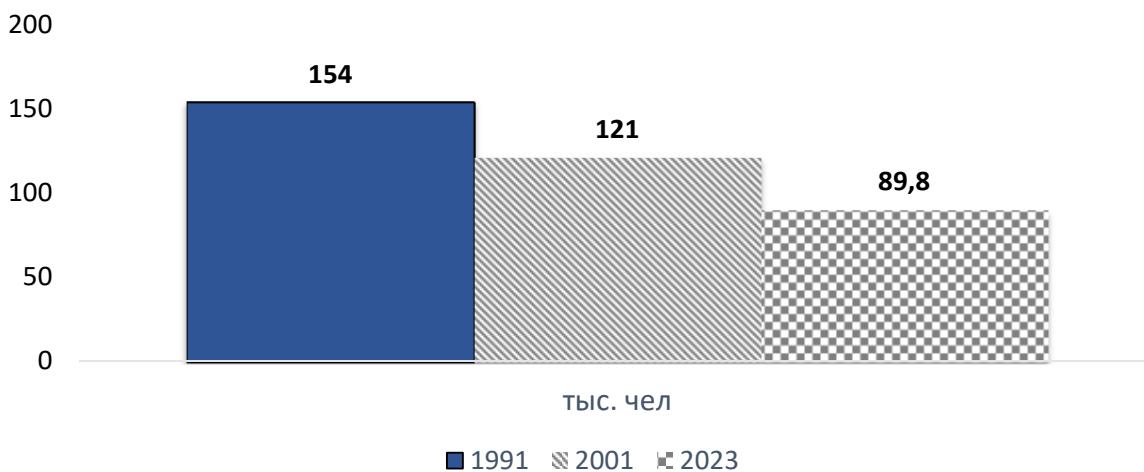

Рис. 2. Население Магадана в 1991-2023 гг. (тыс. чел.)

После получения таких негативных результатов проекта реструктуризации Севера в рамках теории «сжатия интенсивно используемого пространства», особенно после эпидемии ковида, в региональном научном сообществе появляется значительное число публикаций сотрудников СВКНИ [2; 3; 18], в частности лаборатории, которую возглавляет Н. В. Гальцева, а также Н. В. Ломакиной из института географии, А. Д. Файмана из ИКАРПа ДВО РАН. В них звучат тезисы о необходимости смены модели освоения ресурсов, взятой из зарубежного идейно-научного комплекса и инструкций финансовых институтов Европы, на стратегию создания в Магаданской области производственного обрабатывающего цикла. Они подчёркивают, что современной России нужны эффективная «золотая экономика», т. е. единый комплекс хозяйственных сфер деятельности, непосредственно связанных с «жёлтым» металлом, и, соответственно, внесение изменений в миграционную политику Магаданской области.

Миграционная политика в русле западного проекта реструктуризации привела к руинизации территории. Возникли проблемы в управлении посёлками, в частности появились поселения, которые перестали входить в какой-либо муниципальный район. Население северных регионов ожидало от Правительства определённых преференций, но развитие событий в значительной мерешло по пути, который был предложен МВФ и ВБ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вашук, А. С. Две стратегии планирования и развития дальневосточной территории: от научных идей к практикам реализации (вторая половина XX – начало XXI в.) / А. С. Вашук, Н. М. Платонова // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2022. – Т. 37. – С. 122-146.
2. Гальцева, Н. В. Уровень жизни в Магаданской области: мифы и реальность / Н. В. Гальцева, О. С. Фавстрицкая, О.А. Шарыпова // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 26. – С. 10-20.
3. Гальцева, Н. В. Социально-экономические факторы миграционных процессов в Магаданской области / Н. В. Гальцева, О. С. Фавстрицкая, О. А. Шарыпова // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 23-34.
4. Города Магаданской области // Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов – 2008 г. // Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b08_14t/lssWWW.exe/Stg/d/07-00.htm (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
5. Гребенюк, П. С. Рождение Магаданской области: Северо-Восток СССР в 1953-1957 гг. / П. С. Гребенюк. – М.: Политическая энциклопедия, 2022. – 278 с.
6. Гуриев, С. М. Экономика «ресурсного проклятия» / С. М. Гуриев, К. И. Сонин // Вопросы экономики. – 2008. – № 4. – С. 61-74.
7. Гурова, О. Н. Региональные аспекты освоения минерально-сырьевых ресурсов (на примере Забайкальского края) / О. Н. Гурова // Известия Уральского государственного горного университета. – 2020. – Вып. 2 (58). – С. 184-190.
8. Дальний Восток России: Экономическое обозрение. – М.: Прогресс Комплекс. – Приложение. – 122 с.
9. Ждановская, А. А. Куда ведут Россию МВФ, Всемирный банк и ВТО. Кн. 2: Россия в неолиберальной петле / А. А. Ждановская. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАД, 2016. – 264 с.
10. Замятин, Н. Ю. Современная теория освоения: поиски интегрирующей платформы / Н. Ю. Замятин, А. Н. Пилисов // Север и рынок: формирование экономического порядка. – 2019. – № 2 (64). – С. 16-28.
11. Заусаев, В. Как удержать людей на Дальнем Востоке / В. Заусаев // Российская газета. – 2009. – 30 июля.
12. Зеляк, В. Г. Валютный цех страны: история развития горнопромышленного комплекса Северо-Востока России в 1928-1991 гг. / В. Г. Зеляк. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – 466 с.
13. История поселений Магаданской области. – Магадан: Охотник, 2023. – 436 с.
14. Кизиль, Е. В. К вопросу об устойчивости бюджетов территориальных образований / Е. В. Кизиль // Учёные записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2022. – № VI-2 (62). – С. 119-123.
15. Современный подход к разработке и выбору стратегических альтернатив развития ресурсных регионов / В. А. Крюков, А. Е. Севастьянова, А. Н. Токарев, В. В. Шмат // Экономика региона. – 2017. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 93-105.

16. Куян, М. А. Ресурсное проклятие России: миф или реальность? / М. А. Куян // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 1 (9). – С. 140-143.
17. Либерализация и стабилизация – пять лет спустя: сб. докладов. – М.: Институт экономических проблем переходного периода, 1997. – Научные труды. – № 4р. – 98 с.
18. Ломакина, Н. В. «Фактор вахтовиков» в ресурсных отраслях: эффекты для экономики региона / Н. В. Ломакина, А. Д. Файман // Регионалистика. – 2021. – Т. 8. – № 6. – С. 5-35.
19. Любимов, И. Л. Может ли ресурсное проклятие стать благом для российской экономики? / И. Л. Любимов // Российское предпринимательство. – 2016. – Т. 17. – № 10. – С. 1265-1274.
20. Магаданская область в цифрах. 2014: крат. стат. сб. / Магаданстат. – Магадан, 2014. – 106 с.
21. Хамфрис, М. Как избежать ресурсного проклятия / М. Хамфрис, Д. Сакс и Д. Стиглиц; пер. с англ. Н. Автономовой, И. Фридмана; под ред. Е. Добрушиной и А. Ю. Кнобеля. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. – 464 с.
22. О программе содействия в переселении граждан, проживающих в неперспективных населённых пунктах Магаданской области, на 2003-2007 годы // Электронный фонд правовых и нормативно технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/802019467> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
23. Обновление схемы территориального планирования Магаданской области. Т. I. Современное состояние и потенциал развития Магаданской области // Сибирский зональный научно-исследовательский и проектный институт ОАО «СибЗНИИЭП». – URL: https://architect.49gov.ru/common/upload/29/editor/file/tom_1_2.pdf (дата обращения: 01.03.2024). – Текст: электронный.
24. Общая численность населения Магаданской области за 1991-2020 год // Численность населения РФ. – URL: <https://численность-населения.рф/магаданская-область> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
25. Одлинг-Сми, Дж. Международный Валютный Фонд и Россия в 1990-х годах // Социально-экономическая трансформация в странах СНГ: достижения и проблемы. Международная конференция, Москва, 13-14 сентября 2004 г. – Институт Гайдара. – URL: https://www.iep.ru/files/text/confer/2004_09_13-14/Oddling-Smee_ru.pdf (дата обращения: 14.04.2024). – Текст: электронный.
26. Петин, А. Колыма, которую мы потеряли... / А. Петин // Колыма. – URL: <https://www.kolymastory.ru/glavnaya/kolyma-kotoruuyu-my-poteryali/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
27. Пивоваров, Ю. Л. Сжатие интенсивно используемого пространства: концепция макрорегионального развития России / Ю. Л. Пивоваров // Известия РАН. – Серия география. – 1997. – № 5. – С. 114-124.
28. Полтерович, В. Механизмы «ресурсного проклятия» и экономическая политика / В. Полтерович, В. Попов, А. Тонис // Вопросы экономики. – 2007. – № (6). – С. 4-27. – URL: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2007-6-4-27> (дата обращения: 14.04.2024). – Текст: электронный.
29. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. – М.: Росстат, 2023. – 1126 с.
30. Регионы России. Социально-экономические показатели: стат. сб.. – М.: Росстат, 2014. – 900 с.
31. Репина, Л. П. От личностного до глобального: ещё раз о пространстве интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2005. – Вып. 14. – С. 5-11.
32. Репина, Л. П. Контексты интеллектуальной истории / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2008. – Вып. 25-1. – С. 5-11.
33. Ресурсное проклятие // Профиль. – 2007. – № 34. – 17 сентября. – URL: <https://www.hse.ru/news/1163603/1145764.html> (дата обращения: 12.04.2024). – Текст: электронный.
34. Родоман, Б. География и судьбы России / Б. Родоман // Знание – сила. – 1993. – Март. – С. 12-33.
35. Романова, Е. А. Эффект сжатия социально-экономического пространства в условиях приграничья (на примере СЗФО) / Е. А. Романова, О. Л. Виноградов, И. В. Фризина // Балтийский регион. – 2015. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effekt-szhatiya-sotsialno-ekonomicheskogo-prostranstva-v-usloviyah-prigranichya-na-primere-szfo> (дата обращения: 04.03.2024). – Текст: электронный.
36. Саква, Р. Сырьевой сектор России: экономика контроля и политика ренты / Р. Саква // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 6 (74). – С. 112-130.
37. Трейвиш, А. И. «Сжатие» пространства: трактовка и модели / А. И. Трейвиш // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования: сборник науч. трудов. – М., 2010. – С. 16-31.
38. Трейвиш, А. Теоретическая география, geopolитика и будущее / А. Трейвиш, В. Шупер // Свободная мысль. – 1992. – № 12. – С. 23-33.

Ващук А. С.

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ ИДЕИ И ПРОЕКТ РЕСТРУКТУРИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА
В 1990-Е – ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

39. Трубицын, Д. В. Исследование ресурсного проклятия в экономике, возможности использования их результатов в концепции модернизации / Д. В. Трубицын // Учёные записки ЗабГУ. – 2014. – № 4 (57). – С. 102-113.
40. Харви, Д. Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений / Д. Харви. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2021. – URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64465522 (дата обращения: 04.03.2024). – Режим доступа: по подписке. – Текст: электронный.
41. Хилл, Ф. Сибирское бремя: просчёты советского планирования и будущее России / Ф. Хилл, К. Гэдди; пер. с англ. – М.: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. – 328 с.
42. Ховавко, И. Ю. «Ресурсное проклятие»: обзор точек зрения / И. Ю. Ховавко, К. И. Шведов // Государственное управление. – 2017. – № 64. – Октябрь. – С. 56-67.
43. Цимбурский, В. Рецензия на книгу «Миграция и безопасность в России» / В. Цимбурский // Pro et Contra. – 2002. – Т. 7. – № 1. – С. 168-179.
44. Чиркова, Е. Развитие ресурсных экономик / Е. Чиркова // Московский центр Карнеги. – URL: <https://carnegiemoscow.org/2017/03/28/ru-pub-68411> (дата обращения: 12.04.2024). – Текст: электронный.
45. Шершакова, Е. М. Промежуточный отчёт. Население и трудовые ресурсы Магаданской области в 1993-1994 гг. и в первом полугодии 1995 г. по хоздоговорной теме «Прогноз численности населения и трудовых ресурсов Магаданской области на 1996-1997 гг.» / Е. М. Шершакова // Архив СВКНИ ДВО РАН. – Магадан, 1995. – С. 3-10.
46. Широков, А. И. Социальная среда советской колонизации Северо-Востока / А. И. Широков // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 299. – С. 91-93.
47. Щербак, С. Гипотеза модернизации и неолиберализм / С. Щербак // Социологическое обозрение. – 2018. – Т. 17. – № 3. – С. 291-328.
48. Auty R., The Political Economy of Resource-Driven Growth // European Economic Review. – 2001. – Vol. 45. – № 4. – P. 839-846.
49. Rosser A. The Political Economy of the Resource Curse: A Literature Survey Survey / Institute of Development Studies. – IDS Working Paper 268. – April 2006. 33 p.
50. Russian Federation – Northern Restructuring Pilot Project (English). – Washington, D.C.: World Bank Group. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/123761468763188911/Russian-Federation-Northern-Restructuring-Pilot-Project> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст: электронный.
51. Sachs J. Government, Geography, and Growth: The True Drivers of Economic Development // Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 91. – No 5. – P. 142-150. – URL: <http://jeffsachs.org/2012/08/government-geography-and-growth-the-truedrivers-of-economic-development/> (дата обращения: 12.10.2017). – Текст: электронный.
52. Storey K. Fly-in/Fly-out: Implications for Community // Sustainability. – 2010. – No. 2(5). – P. 1161-1181.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В публикациях встречается другое название – северные территории ДФО. Чукотка в 1992 г. стала самостоятельным субъектом РФ, тема рассматривается в рамках Магаданской области.
2. В период с 1992 по 2003 г. Джон Одлинг-Сми (John Odling-Smee) возглавлял Второй Европейский Департамент МВФ.
3. В соответствии с распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации от 8 апреля 2022 года Московский центр Карнеги, представлявший в России Фонд Карнеги за международный мир (США), прекратил свою работу.
4. Илларионов А. Н. – советский и российский экономист и политик, общественный деятель. Основатель и президент российской некоммерческой организации «Институт экономического анализа». Кандидат экономических наук. В прошлом – первый заместитель директора Рабочего центра экономических реформ при Правительстве России (1992–1993), руководитель группы анализа и планирования при председателе правительства России (1993–1994), советник Президента России В. В. Путина по экономике и доверенное лицо (шерпа) президента РФ в «Большой восьмёрке» (2000–2005). Он последовательно выступал за сокращение вмешательства государства в экономику, за отказ от получения иностранных кредитов, выплату внешнего долга. Предложил идею создания российского стабилизационного фонда. Будучи советником Президента, выступал в СМИ с критикой ряда решений В. В. Путина. Усиление разногласий с руководством и невозможность влиять на экономическую политику государства привели к инициативной отставке Илларионова с поста советника президента в декабре 2005 г. После отставки участвует в деятельности российской оппозиции. В настоящее время работает научным сотрудником Центра политики безопасности (США), является экспертом аналитического центра «Украинский институт будущего».

Дербенев А. С.
A. S. Derbenev

США – ИЗРАИЛЬ: БОРЬБА ЗА ЭГОИСТИЧНЫЕ ГРУППОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ

USA – ISRAEL: STRUGGLE FOR SELFISH GROUP INTERESTS

Дербенев Андрей Сергеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований Института США и Канады им. академика Г. А. Арбатова РАН (Россия, Москва); тел. 8(912)714-05-78. E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Andrei S. Derbenev – PhD in History, Researcher, Department of Foreign Policy Studies, Georgy Arbatov Institute for the U. S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow); tel. 8(912)714-05-78. E-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru.

Аннотация. Политика администрации Джо Байдена на Ближнем Востоке, особенно в связи с конфликтом в Газе, провоцирует немало критики как внутри США, так и за рубежом. 46-й американский президент неоднократно призывал стороны конфликта к достижению компромисса и прекращению огня, одновременно с этим оказывая поддержку Израилю, предоставляя вооружение и другую помощь, а также занимаясь вопросами поставок гуманитарных ресурсов в Газу. Израиль настаивает на том, что нынешняя Палестинская администрация не должна контролировать послевоенный сектор Газа. Позиция Соединённых Штатов заключается в том, что Палестинская администрация должна получить контроль над послевоенным сектором Газа. Этот тупик угрожает долговременным интересам всех заинтересованных сторон: Израиля, палестинского народа, Соединённых Штатов. Сложившаяся ситуация сулит немало проблем для Демократической партии США и Джо Байдена, о чём свидетельствуют данные социологических опросов, а также материалы аналитических изданий.

Summary. The Joe Biden administration's policy in the omnipresent East, especially in relation to the Gaza conflict, has provoked much criticism both inside the United States and abroad. The 46th U.S. president has repeatedly urged the parties to the conflict to find a compromise and destabilize the fire, while supporting Israel with arms and other aid and dealing with humanitarian supplies to Gaza. Israel insists that the current Palestinian Authority should not be held responsible for the post-war Gaza Strip. The U.S. position is that the Palestinian Authority should exercise control over the post-war Gaza Strip. This impasse threatens the long-term interests of all major parties - Israel, the Jewish people, and the US. The current situation has created many problems for the US Democratic Party and Joe Biden, as evidenced by the data of opinion polls, as well as materials of analytical publications.

Ключевые слова: США, Израиль, Газа, ХАМАС, Нетаньяху, Байден, Трамп.

Key words: the United States, Israel, Gaza, Hamas, Netanyahu, Biden, Trump.

УДК 94

Более 11 месяцев боевых действий между Израилем и ХАМАС привели к разрушению значительной части сектора Газа, пострадала важнейшая инфраструктура, включая больницы, жилой фонд, школы. По некоторым заявлениям, на современном этапе Израиль готовится свернуть крупные военные операции в Газе. Появляется призрачный шанс наладить мирную жизнь в Газе. План, который набирает популярность в израильском правительстве и среди военных, предусматривает создание «анклавов», где палестинцы, не связанные с ХАМАС, смогут жить во временных убежищах, пока израильские военные завершают свои военные действия. Часть членов партии премьер-министра Биньямина Нетаньяху «Ликуд» выдвинула свой план, ориентированный на безопасность. Он предусматривает разделение Газы двумя коридорами по всей ширине с укреплённым периметром, который позволит израильским военным проводить рейды, когда они сочтут это необходимым.

Опросы американцев арабского происхождения, проведённые арабо-американским институтом в штатах Флорида, Мичиган, Пенсильвания и Вирджиния в мае 2024 г., показывают, что поддержка президентом Джо Байденом действий Израиля в Газе влияет на настроения избирателей в традиционно демократических избирательных округах. «В 2020 г. Байден обошёл бывшего президента Дональда Трампа в соотношении 59 % к 35 %. В этом опросе Байден сейчас проигрывает Трампу 32 % – 18 %», – говорится в докладе [1].

Президент Байден «по-прежнему получает менее 20 % голосов американцев арабского происхождения, что резко контрастирует с почти 60 % голосов американцев арабского происхождения, которые он получил в 2020 г. Дональд Трамп по-прежнему получает голоса примерно трети американцев арабского происхождения – так же, как и в 2020 г.» [1].

Динамика изменений объясняется помостью администрации Байдена Израилю в войне в Газе, которая привела к большому количеству жертв среди палестинского гражданского населения: «79 % американцев арабского происхождения негативно относятся к президенту Байдену, а 56 % – к Дональду Трампу. Негативные рейтинги Байдена в значительной степени обусловлены тем, что 56 % демократов относятся к нему неблагосклонно, при этом почти все республиканцы говорят, что имеют неблагоприятное мнение о Байдене» [1].

Исходя из этих данных видно, что на текущем этапе Д. Трамп опережает Д. Байдена среди опрошенных избирателей в силу того, что поддержка Байдена падает среди арабо-американских демократов, тогда как позиции Д. Трампа укрепляются за счёт арабо-американских республиканцев. Независимые арабо-американцы, сторонники Демократической партии, на данный момент не дрейфуют в сторону Д. Трампа. Почему так происходит? Вполне вероятно, они недовольны политикой, которую Д. Трамп проводил в отношении мигрантов, будучи президентом.

4 июля 2024 г. стало известно, что «президент Байден окажал давление на премьер-министра Биньямина Нетаньяху, чтобы тот заключил соглашение о прекращении огня в Газе, заявив израильскому лидеру в телефонном разговоре в четверг, что настало время спасти жизни заложников, удерживаемых ХАМАС» [9].

Это был важный шаг для Джо Байдена, который пытается доказать, что он всё ещё готов занять пост президента после того, как провальное выступление на дебатах в конце июня 2024 г. заставило политических союзников усомниться в его способности одержать победу над Д. Трампом на предстоящих ноябрьских выборах. Байден неоднократно публично настаивал на соглашении о прекращении огня в конце мая 2024 г. и снова во время дебатов с Д. Трампом. Если соглашение о прекращении войны будет достигнуто, это станет значительным политическим успехом 46-го американского президента. Переговоры о прекращении огня зашли в тупик в мае 2024 г., но надежды появились в начале июля 2024 г., после того как ХАМАС озвучил свои предложения, которые указывают на готовность к компромиссу. Данный шаг можно считать прорывом из критического тупика. Ключевое требование ХАМАС претерпело изменения, а именно: эта организация больше не требует полного вывода израильских войск на первом этапе сделки, который будет включать в себя освобождение некоторых заложников в Газе во время шестинедельного перемирия. Новые предложения ХАМАС могут придать импульс к продвижению переговоров.

По мере того как война в Газе затягивается, напряжённость на северной границе Израиля усилилась после того, как «Хезболла» выпустила несколько ракет по Израилю. Поддерживаемая Ираном ливанская группировка заявила, что выпустила более 200 ракет и дронов по северу Израиля, на этот раз в отместку за убийство израильской стороной высокопоставленного командира «Хезболлы» [3]. Израильские военные заявили, что перехватили несколько снарядов, но падающие осколки вызвали пожары в ряде районов на севере, когда сирены тревоги выли в течение нескольких часов. «Хезболла» заявила, что её атаки направлены на поддержку палестинцев.

Убийство Мухаммада Неамы Насера и других высокопоставленных командиров «Хезболлы» в последние месяцы, наряду с усилением нападений «Хезболлы», вызвало новые опасения, что война Израиля в Газе может перерасти в более широкий конфликт, в который могут быть вовлечены США, Иран и сеть союзников Тегерана по всему региону. Обстрел «Хезболлы» также включал ударные беспилотники, нацеленные на военные базы на севере Израиля. Израильские во-

енные заявили, что Насер был ответственен за руководство террористическими атаками в Израиле. Израиль и ХАМАС подтвердили в начале июля 2024 г., что переговоры о прекращении огня возобновились [5]. ХАМАС заявил, что его политический лидер Исмаил Хания недавно передал посредникам в Катаре и Египте идеи для достижения соглашения [4].

Переговоры с ХАМАС будут трудными, и, вероятно, потребуется немало времени, чтобы выработать какое-либо соглашение, прежде чем стороны смогут приступить к исполнению взятых на себя обязательств. Из примерно 250 заложников, захваченных в результате столкновений 7 октября 2023 г., 116 остаются в Газе.

4 июля 2024 г. Джо Байден провёл 30-минутный телефонный разговор с премьер-министром Израиля Б. Нетаньяху [10]. Американский президент изложил своё видение реализации трёхэтапного плана по нормализации ситуации в Газе. «Первый этап продлится шесть недель и будет включать в себя “вывод израильских войск из всех населённых районов Газы” и “освобождение ряда заложников, включая женщин, стариков, раненых, в обмен на освобождение сотен палестинских заключённых”. Фаза два позволит “обменять на освобождение всех оставшихся в живых заложников, включая солдат-мужчин”. На третьем этапе, по словам президента, “начнётся масштабный план восстановления Газы, и все последние останки убитых заложников будутозвращены их семьям”» [7].

Израиль готовится апробировать экспериментальную модель управления послевоенной Газой. Пилотная схема создания «гуманитарных анклавов» – план того, что, по мнению Израиля, следует за войной – скоро будет запущена в северных городах Газы Бейт-Ханун и Бейт-Лахия и районе Аль-Ататра.

Невзирая на то что израильские политики и военные находятся на пороге запуска пилотных проектов, в экспертной среде бытует широко распространённый скептицизм по поводу их жизнеспособности, учитывая яростное сопротивление ХАМАС, внутреннюю борьбу в правительстве премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху по поводу деталей и прохладную поддержку со стороны арабских государств.

План Израиля подразумевает, что израильские военные будут направлять помочь с близлежащего КПП «Западный Эрез» проверенным местным палестинцам, которые будут распределять помочь и постепенно расширять свои обязанности, чтобы взять на себя гражданское управление в этом районе. Израильские силы, по крайней мере на начальном этапе, будут обеспечивать безопасность. В случае успеха Израиль расширит «пузыри» на юг в другие части Газы, чтобы вытеснить ХАМАС с занимаемых позиций после почти двух десятилетий нахождения у власти этой организации, управляющей сектором. Вполне вероятно, что этот план также рассматривался как способ оказывать давление на ХАМАС в условиях зашедших в тупик переговоров о прекращении огня в обмен на заложников. Данная израильская инициатива появилась спустя несколько месяцев международного давления на правительство Нетаньяху с целью формулировки заслуживающего доверия альтернативного режима для послевоенной Газы. В заявлении, направленном агентству «Синьхуа», ХАМАС подчеркнул, что дискуссия о «послевоенном будущем» Газы и его план отражают настойчивость израильского правительства в «бесполезном пути». «Будущее сектора Газа должно определяться только палестинским народом ... его сопротивление отрежет любую руку оккупации, пытающуюся вмешаться в судьбу нашего народа и его будущее», – говорится в заявлении ХАМАС [6].

Ключевым препятствием является последовательное неприятие Нетаньяху какой-либо роли в Газе для умеренной Палестинской автономии. Нетаньяху также категорически отверг любой вариант создания палестинской государственности. Крайне сомнительно, что арабские государства поддержат восстановление Газы или послевоенные планы, если Израиль не предпримет конкретных шагов по созданию палестинского государства. Через Катар и Египет Вашингтон в настоящее время оказывает значительное давление на ХАМАС, чтобы достичь соглашения. Катар пригрозил выслать политическое руководство группировки из своей столицы.

Эксперты Центра Вильсона (Вашингтон) предлагают свои идеи по урегулированию конфликта. Она сетуют на необходимость коалиционного подхода к разрешению конфликта. Экспер-

ты воздерживаются от призыва к Израилю рассмотреть вопрос о создании палестинского государства. По мнению аналитиков, США должны создать международные полицейские силы для налаживания безопасности в Газе, а со временем передать эту задачу палестинской администрации, которая ещё не определена [8; 11].

Одновременно с этим Израиль утверждает, что ему нужны тяжёлые бомбы для разрушения туннелей. Эта потребность перевешивается опасениями США по поводу потенциальных жертв среди гражданского населения, когда такие большие бомбы используются в густонаселённых районах. 10 июля 2024 г. стало известно, что администрация Байдена разрешает отправить партию 500-фунтовых бомб в Израиль, после того как отправка была приостановлена более двух месяцев назад. Первоначальное решение о прекращении поставок 2000-фунтовых и 500-фунтовых бомб было связано с опасениями США по поводу того, что Израиль использует тяжёлые боеприпасы, в частности более крупные 2000-фунтовые бомбы, в своей операции в Рафиахе [2].

Поставки американского оружия в Израиль остаются серьёзным фактором американской поддержки, одновременно с этим являясь весомым рычагом давления на администрацию Байдена. Текущие планы по нормализации ситуации, как представляется, не направлены на окончательное урегулирование конфликта в Газе. Вероятнее всего, предложения сторон отвечают на срочную и неотложную необходимость обеспечить безопасность и стабилизацию Газы, включая те её части, которые вскоре выйдут из-под контроля ХАМАС.

Всем сторонам есть что терять, тем более что угрозы голода, болезней, анархии могут привести к ещё большим страданиям для населения охваченного конфликтом региона. Соединённые Штаты заинтересованы в тесном сотрудничестве с Израилем и Египтом. У США есть опыт создания и работы многонациональных полицейских сил, которые образовывались для Ирака, Афганистана, а также для Боснии и Косово. Кроме того, у США есть опыт работы коалиции по борьбе с ИГИЛ. Израилю требуется немало экономических, людских и прочих ресурсов для сдерживания ХАМАС. Израильские политические круги не заинтересованы в долговременной оккупации Газы. Одновременно с этим текущий конфликт показывает, что современные средства ПВО крайне важны не только для выживания участников конфликта, но и для гражданского населения тоже.

Текущий конфликт рассматривается палестинцами как продолжение десятилетиями длящейся войны и оккупации, а потому сопротивление насильственной иностранной оккупации считается законным. Пока есть израильские силы, оккупирующие какую-либо часть палестинских территорий, будут палестинцы, которые чувствуют себя обязанными сопротивляться им. Во время Второй мировой войны коммунистическая партия во Франции нарастила свою силу и значимость, сыграв ведущую роль в сопротивлении нацистской оккупации Франции. Безусловная поддержка Вашингтоном Израиля на протяжении уже многих десятилетий подогревает конфликтный потенциал региона. Израильские силы, настроенные крайне негативно по отношению к ХАМАС, такие как министр финансов Израиля Бецалель Смотрич, открыто призывающий к чистке, используют американскую поддержку в своих интересах. Это усугубляет конфликт, поскольку агрессивные поселенцы на Западном берегу всё больше поддерживаются несовершенной политической и судебной системой. Это также вызывает реакцию среди палестинцев, которые не видят партнёра для мира на израильской стороне, ещё больше увеличивая пространство, которое заполняет ХАМАС. Все эти факторы, безусловно, воздействуют и на политических игроков региона, и на внешних акторов, в первую очередь США.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arab Americans In Key States Poll: Florida, Michigan, Pennsylvania, Virginia // Arab American Institute. – 30.05.2024. – URL: <https://www.aaiusa.org/library/keystatespoll> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.
2. Atwood, K., Liebermann, O., Hansler, J. Biden administration to allow paused shipment of 500-pound bombs to be sent to Israel // CNN. – 10.07.2024. – URL: <https://edition.cnn.com/2024/07/10/politics/biden-administration-allows-bomb-shipment-israel/index.html> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.

3. Chehayeb, K. Hezbollah fires over 200 rockets into Israel after killing of senior commander // Associated Press News. – 04.07.2024. – URL: <https://apnews.com/article/lebanon-hezbollah-israel-rocket-5358640d72d7bbe59b1a0f21dc713ba> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.
4. Diamond, J. Israel and Hamas appear on brink of framework agreement for ceasefire and hostage deal, Israeli source says // CNN. – 03.07.2024. – URL: <https://edition.cnn.com/2024/07/03/middleeast/israel-hamas-ceasefire-hostage-talks-intl-latam/index.html> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.
5. Hamas drops key demand to accept phased US deal on ceasefire, hostages // France 24. – 06.07.2024. – URL: <https://www.france24.com/en/middle-east/20240706-hamas-drops-key-demand-to-accept-phased-us-deal-on-ceasefire-hostages> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.
6. Hamas rejects Israeli official's post-war plan for northern Gaza // China Daily. – 26.06.2024. – URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/586550> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.
7. Houthis: Eisenhower hit now off Jeddah: technicians on board. Hamas and Israel discuss with mediators. Next escalation in Lebanon // AGC News. – 04.06.2024. – URL: <https://www.agcnews.eu/israelhamaswar-houthis-eisenhower-hit-now-off-jeddah-technicians-on-board-hamas-and-israel-discuss-with-mediators-next-escalation-in-lebanon/> (дата обращения: 13.07.2024). – Текст: электронный.
8. Jeffrey, J. F. The Gaza Ceasefire Proposal Could Still Resolve the Israel-Hamas Conflict // Wilson Center. – 01.07.2024. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/gaza-ceasefire-proposal-could-still-resolve-israel-hamas-conflict> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.
9. Li, S., Lieber, D., Thomas, K. Biden Presses Netanyahu to Close Cease-Fire Deal After Talks Show Progress // The Wall Street Journal. – 04.07.2024. – URL: <https://www.wsj.com/world/middle-east/israel-hamas-cease-fire-talks-show-new-signs-of-progress-c6577823> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.
10. Nagle, M., Hutzler, A. US warns of policy changes if Israel doesn't take action to better protect civilians // ABC News. – 04.04.2024. – URL: <https://abcnews.go.com/Politics/biden-netanyahu-speak-first-time-after-wck-aid-workers-killed/story?id=108850610> (дата обращения: 13.07.2024). – Текст: электронный.
11. Nusseibeh, J. Self-defeating US Policies in Gaza Will Only Prolong Conflict in the Middle East // Wilson Center. – 03.07.2024. – URL: <https://www.wilsoncenter.org/article/self-defeating-us-policies-gaza-will-only-prolong-conflict-middle-east> (дата обращения: 12.07.2024). – Текст: электронный.

Затесова О. М.
O. M. Zatesova

СТАНОВЛЕНИЕ КУРОРТНОЙ СИСТЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1920-Е ГОДЫ

ESTABLISHMENT OF THE FAR EAST RESORT SYSTEM IN THE 1920s

Затесова Ольга Михайловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Россия, Хабаровск); тел. +7(914)316-85-65. E-mail: olgazhs@rambler.ru.

Olga M. Zatesova – PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern State Transport University (Russia, Khabarovsk); tel. +7(914)316-85-65. E-mail: olgazhs@rambler.ru.

Аннотация. Полноценное развитие дальневосточных курортов началось в 1922 г., после окончания Гражданской войны. Молодому советскому государству в первые годы необходимо было решить ряд актуальных задач: выстроить эффективную схему управления курортами, определить источники их финансирования, восполнить кадровый голод и – в русле общероссийской тенденции – охватить широкие массы населения санаторно-курортным лечением. Организационные схемы управления были пластичны, подстраивались под изменения административно-территориального устройства региона и потребности населения. Основные сложности, с которыми пришлось столкнуться местным органам здравоохранения, это кадровое обеспечение здравниц и источники финансирования. В данной статье анализируется региональный опыт проведения курортных кампаний – деятельности органов здравоохранения по привлечению нуждающихся на санаторно-курортное лечение. Несмотря на ряд проблем, курорты края демонстрировали устойчивый рост и улучшение качества обслуживания. Система управления курортами стала основой дальнейшего успешного развития курортов Дальнего Востока.

Summary. The full-fledged development of Far Eastern resorts began in 1922 after the end of the Civil War. In the first years the young Soviet state had to solve a number of urgent problems: to build an effective scheme of resort management, to determine the sources of their financing, to fill the staff shortage and, in line with the all-Russian trend, and to cover the broad masses of the population with health resort treatment. Organizational schemes of management were plastic and adaptable to changes in the administrative-territorial structure of the region and the needs of the population. The main difficulties that local health authorities had to face were the staffing of health resorts and sources of financing. This article analyzes the regional experience of resort campaigns - the activities of public health authorities to attract people in need of health resort treatment. Despite a number of problems, the resorts of the region demonstrated steady growth and improvement in the quality of service. The resort management system became the basis for further successful development of the Far East resorts.

Ключевые слова: советский Дальний Восток, здравоохранение, курортная система, страховая медицина, курортные кампании.

Key words: Soviet Far East, health care, resort system, insurance medicine, resort campaigns.

УДК 615.8(571.62)

В научных работах представителей различных отраслей гуманитарного знания развитие курортной системы в 1920-е гг. не раз становилось объектом исследования [2; 5; 8; 9; 10; 12; 14; 16; 19; 20]. Тем не менее вне поля исследования остаётся региональный аспект становления курортов в указанный период, а именно содержательная сторона этого вопроса: организационно-административная структура управления, источники финансирования, кадровая обеспеченность. Целью данной публикации является восполнение этой исторической лакуны.

История становления и развития курортов на Дальнем Востоке неразрывно связана с освоением региона. Так, первые упоминания о минеральных источниках можно встретить в дневниках В. Беринга в годы Первой Камчаткой экспедиции (1725–1727), в которых он описывает русские

поселения у целебных вод [1, 54]. Участники более поздних экспедиций (С. П. Крашенинников, Г. А. Сарычев) описывали купальни и бани, где лечились люди. В начале XIX в. врачи экспедиции И. Ф. Крузенштерна исследовали лечебные свойства местных вод и выявили их положительные свойства [6, 74]. Однако долгие годы целебные воды использовались лишь с гигиенической целью, а лечение проводилось опытным путём.

В середине XIX в. после подписания Айгунского и Пекинского договоров форсируется переселенческая кампания на Дальний Восток. Переселенцы из-за тяжёлого перехода часто на местность прибывали уже больными людьми (в первые годы кампании на место проживания шли пешком – *от авт.*). Медицинское обслуживание для большинства людей было недоступным, долгое время материковую часть Дальнего Востока обслуживал единственный госпиталь, находящийся в Николаевске-на-Амуре. Организация мест лечения на водах являлась жизненно необходимой для солдат и офицеров корпуса Сибирской военной флотилии и населения. Врачам корпуса удалось обнаружить группу минеральных источников близ нанайского стойбища Мыхель. Так, в 1866 г. при участии Военного генерал-губернатора, под протекцией местной власти, возник первый курорт Приамурья – Анненские воды [7, 29]. В дальнейшие годы интенсивного развития края минеральные источники обнаруживали вдоль линии строительства участков Транссибирской магистрали. Были открыты Шмаковские, Кульдурские ключи, садгородские грязи бухты Угловой (около Владивостока). Всего до революции функционировало 4 курорта: Анненский, Кульдурский, Игнашинский, Шмаковский (только как мини- завод по розливу воды). До революции они не рассматривались как места отдыха, а предназначались только лишь для лечения.

К концу XIX в. население региона выросло 23 раза [13]. Это обстоятельство форсировало формирование политики здравоохранения края. Следует уточнить, что власти не рассматривали курортные местности как пространство для отдыха. В первую очередь они были местами лечения ввиду недостаточности больниц, аптек и медицинского персонала. При этом курорты финансировались властями региона по остаточному принципу, вследствие чего они все пребывали в упадочном состоянии. Чтобы преодолеть эту негативную тенденцию, власти региона применили существовавшую в то время в России практику передачи курортов в аренду предпринимателям. Предполагалось, что государство сможет сэкономить бюджетные средства, а обязательства по развитию курортной инфраструктуры лягут на плечи арендаторов. Однако такая мера не оправдала надежд правительства. Развитие курорта целиком зависело от заинтересованности в этом самого арендатора [7, 31–36]. Если первые арендаторы стремились облагородить лечебную местность, то последующие занимались коммерческой деятельностью, никак не связанной с оздоровлением: заготовливали древесину, рыбу и другие ресурсы, тратя на свои личные нужды государственные субсидии. В связи с этим правительство края вновь передало все объекты в ведение министерств и ведомств и планировало самостоятельно, не прибегая к услугам арендаторов, решать проблемы в этой сфере. Однако все замыслы прервала Первая мировая война: финансирование региона сократилось, вопрос о курортном строительстве был отложен на неопределённое время. В 1916 г. правительство рассматривало предложение группы японских промышленников о передаче им курортов на основании концессии сроком на 50 лет. Предполагалось строительство грязе- и водолечебниц, гостиниц, дорог, но из-за разразившегося общественного протеста в прессе это предложение осталось на бумаге [18]. В 1917 г. курортное хозяйство края выглядело весьма скромно: к некоторым курортным местностям были проложены подъездные пути, кое-где имелись бараки для проживания, а в основном были шалаши и грунтовые ванны.

Таким образом, подытоживая краткий исторический экскурс, можно утверждать, что в Приамурье до революции не существовало развитой курортной сети. Не было централизованного управления и практически отсутствовало финансирование. После Октябрьской революции новым властям пришлось решать комплексно проблемы курортного хозяйства.

Полноценное развитие курортной системы началось в конце 1922 г., после появления нового административного образования – Дальневосточной области – в составе РСФСР. В основе развития данной сферы лежали Ленинские декреты. В марте 1919 г. был подписан Декрет «О лечебных местностях общегосударственного значения» [11]. Согласно декрету, курорты и курортные

местности были выведены из подчинения местных органов самоуправления, ведомств и министерств и переданы в подчинение и наблюдение Народному Комиссариату здравоохранения. Государственной власти на местах предстояло решить ряд насущных задач: выстроить эффективную схему управления курортами, определить источники их финансирования, восполнить кадровый голод и – в русле общероссийской тенденции – охватить широкие массы населения санаторно-курортным лечением.

Дальневосточная область в лечебно-санитарном отношении руководилась Дальневосточным отделом здравоохранения. Сам Дальздрав включал в себя несколько отделов: общий подотдел, лечебный, санитарно-эпидемиологический, фармацевтический, отдел охраны материнства и младенчества и санаторно-курортный отдел. Дальздрав также подчинял себе работу 5 губернских отделов здравоохранения: Забайкальского, Амурского, Приамурского, Приморского и Камчатского, а также работу Дальневосточного курортного управления (см. рис. 1). Декрет сосредоточил управление курортами в одном органе – Наркомздраве, что позволило ликвидировать хаос в управлении. Сам Дальздрав подчинялся Наркомздраву РСФСР, а Далькуруупр заведовал санаториями, грязе- и водолечебницами, минеральными источниками, пляжами, парками, лиманами, а также необходимыми для обслуживания курортов лесами, пастищами, пахотными землями, сенокосами [11].

Рис. 1. Схема управления курортами Дальнего Востока с 1923 по 1925 гг.

На развитие большого хозяйства требовались деньги. У Далькуруупра в основном было два источника финансирования: особо перспективные курорты Кульдур и Садгород и страховые кассы. Ежегодная прибыль курортов Кульдур и Садгород была на порядок выше, чем у Анненского и Игнашинского курорта. Во-первых, эти курорты обладают высоким суточным дебитом природного лечебного фактора (у Кульдура 22 000 литров в сутки, садгородская грязь – быстровосполняемый ресурс). Во-вторых, указанные здравницы расположены вдоль железных дорог, и до них относительно легко было добираться. В-третьих, эти курорты расположены в более мягким климате с большим количеством безветренных и солнечных дней [12; 19; 20]. Благодаря указанным факто-

рам были желающие поехать и была возможность самих курортов удовлетворить спрос. Обе здравницы состояли на строгом хозрасчёте и содержались исключительно за счёт сумм, поступающих от бронирования мест. Отметим, что с 1925 г. начинает функционировать Шмаковский курорт. Его зачислили в состав особо перспективных ещё в 1922 г., но сам курорт не функционировал, т. к. сильно пострадал от хозяйственной деятельности местного крестьянства и варварства японских интервентов. В годы Гражданской войны крестьяне облюбовали плодородные земли в окрестностях минерального источника и, чтобы государство не могло там развивать курорт, занимались откровенным вредительством: забивали трубы, выводящие воду с источников, вырубали лес на сопках (см. прим. 1, л. 12). А японцы в конце войны взорвали скважины, вырубили и вывезли в Японию вековые деревья [2, 63].

Тем не менее власти пытались улучшить лечебную базу курортов. С 1923 г. их стали оснащать эмалированными ваннами. Кульдурский курорт оснастили мягким и жёстким инвентарём. Однако проблем оставалось много. Не было полноценного врачебного надзора. В лучшем случае на курорте присутствовал фельдшер, в худшем – ветеринар. В большей части курортов кровати были со времён Первой мировой войны. В конце 1920-х гг., с усилением роли отделов здравоохранения, страховые органы стали основное внимание уделять курортному делу и капитальному строительству [15]. С 1925 г. региональные власти возвращаются к практике передачи в аренду курортов страховым кассам, чтобы за счёт арендных платежей их обустраивать. Повсеместно курорты нуждались в ремонтах помещений, возведении новых. Требовалось строительство теплиц и формирование подсобного хозяйства, т. к. курортам необходимо было хотя бы часть пищевой продукции производить самостоятельно, а не приобретать с большой наценкой у сторонних организаций. Необходимо было расширять методы лечения, снабдив курорты оборудованием не только для медико-исследовательской деятельности, но и для лечебной работы [17, 31–34]. После того как в 1925 г. страховая медицина из частных рук была передана в органы здравоохранения, стало возможным передавать курорты в аренду страховым кассам (см. рис. 2).

Рис. 2. Схема управления курортами в период с 1925 по 1927 гг.

Представленная схема отражает управление небольшим количеством курортов, расположенных на материковой части юга Дальнего Востока. В действительности Далькурупра руководил ещё курортами, расположенными на территории современного Забайкальского края (Угдан, Молоковка, Шиванда, Оленуй, Дарасун и др.). Президиум Далькомсоцстраха 27 марта 1926 г. принял решение «О ликвидации Далькурупра» (см. прим. 2, л. 24). Такое решение было оправданным: 04 января 1926 г. была образована новая административно-территориальная единица – Дальневосточный край, разделённый на 9 округов и 75 районов. Необходимо было сделать схему управления более компактной. В подчинении Далькурупра были сосредоточены курорты, находившиеся на обширной площади – от Забайкалья до Николаевска-на-Амуре. Возникла необходимость курортное хозяйство рассредоточить по местным исполнительным органам. Таким образом, большая часть курортов края была передана в ведение Краевых исполнительных комитетов (см. прим. 3, л. 24). Последние, в свою очередь, передавали их в арендное пользование Далькомсоцстраху (см. рис. 3).

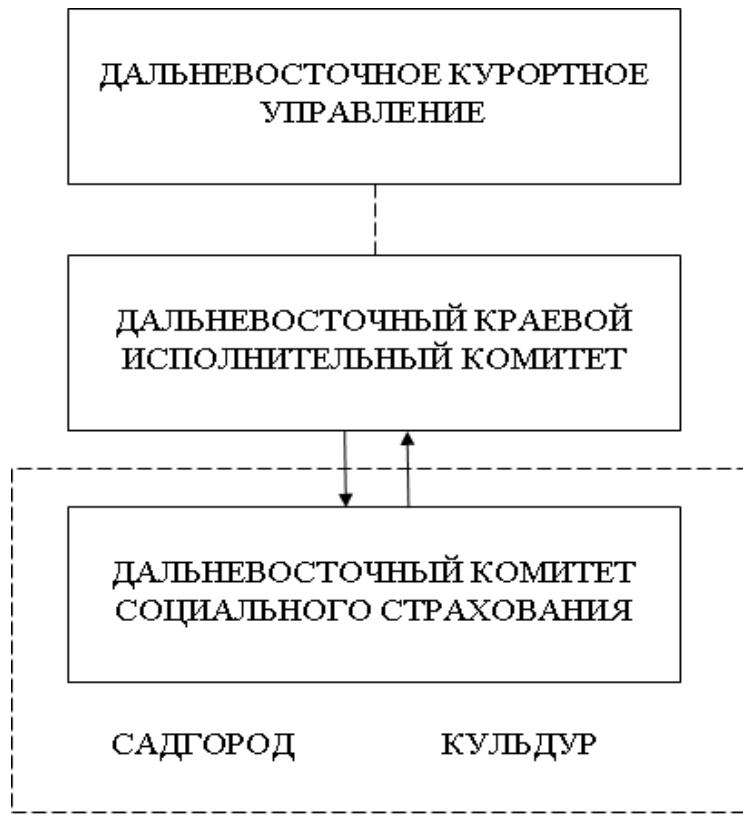

Рис. 3. Схема управления курортами с 1926 г.

В данной схеме управления решено было не отходить от уже зарекомендовавшей себя практики финансирования на благоустройство курортов за счёт передачи в аренду Далькомсоцстраху. Ввиду того, что Далькомсоцстрах по-прежнему считал Кульдур и Садгород наиболее перспективными, он ежегодно утверждал финансовый план, куда включались расходы на строительство дорог, благоустройство территорий, научные исследования и др. Сметы обоих курортов базировались на бездефицитном бюджете. Если какое-то предприятие приносило меньший доход, то дефицит в бюджете одного курорта покрывался бюджетным профицитом другого (см. табл. 1). Денежные средства шли на строительство дорог, благоустройство территорий, научные исследования свойств природных лечебных факторов. Позже к их финансированию подключился Республиканский фонд медпомощи застрахованным. С 1926 по 1931 гг. на материально-техническое обеспечение курортов было выделено 643 031 р. Кульдуру и 629 785 р. Садгороду (см. прим. 4, л. 5–6). С увеличением бюджета, стало возможным повышение их пропускной способности (см.

табл. 2). Исключение составили Анненский и Игнашинский курорты. Там не удалось увеличить пропускную способность ввиду их труднодоступного местоположения и невысокого суточного дебита воды. Анненский и Игнашинский курорты функционировали только в летнее время, до 1 сентября. В итоге эти здравницы за первое десятилетие сильно обветшали и готовились к консервации.

Таблица 1

Бюджет курортов в 1930 г. (см. прим. 2, 5, 6)

Название курорта	Доход, р.	Расход, р.
Кульдур	252 091,20	242 518,59
Садгород	183 353,73	192 928,27

Таблица 2

Вместимость и пропускная способность курортов в 1930 г. (см. прим. 7, 8, 9)

Название курорта	Количество развёрнутых коек, шт.	Пропускная способность в год, чел.
Кульдур	300	1140
Садгород	275	825-924
Игнашино	120	360-400
Анненские воды	До 200	500

Для охвата санаторно-курортным лечением в середине 1920-х гг. были организованы курортные кампании – комплексная деятельность органов здравоохранения по отправке нуждающихся на санаторно-курортное лечение. Первая курортная кампания сезона 1923-1924 гг. ознаменовалась расширением и открытием здравниц. Однако её нельзя назвать успешной, т. к. на вновь открытых курортах смогли получить лечение лишь 1500 застрахованных лиц, что составляло 1,5 % от общего числа застрахованных [21, 110–111]. Страхкассы, не имея практического опыта, провели отбор больных, нуждающихся в санаторно-курортном лечении, и произвели бронирование мест в санаториях. Места на курортах были распределены неравномерно, нормы направления на лечение рабочих оказались не выполнены, сроки направления больных не выдержаны, а ряд пациентов был отобран с противопоказаниями и направлен в непрофильные здравницы (см. прим. 10, л. 29–30). С 1924 г. контроль над распределением мест на курортах области осуществляли Губернские комитеты партии (см. прим. 7, л. 46–47).

Курортная кампания 1925 г. была призвана увеличить охват нуждающихся в лечении, в связи с этим она стала трёхступенчатой:

1. предварительный лечебный отбор нуждающихся в курортном и санаторном лечении;
2. окончательный врачебный и социальный отбор в отборочно-курортных комиссиях;
3. отправление и лечение [3].

Отбор пациентов производился по двум критериям: лечебному и социальному – и пациент проходил две комиссии. По лечебным показателям его осматривали врачи, по социальным показателям с ним беседовали представители профсоюзов и партии на предмет «благонадёжности» и «лояльности советской власти». Если отборочно-курортная комиссия одобряла кандидата, то ему выдавались деньги на проезд до места отдыха и обратно. После прибытия с курорта пациент также обязан был проходить медицинское освидетельствование для подтверждения результатов лечения. В сезон 1925 г. к перечню курортов добавился курорт «19 километр» (сейчас это Приморская курортная зона под Владивостоком – *от авт.*). Кампания тоже не была удачной, при её организации не учли отдалённость населённых пунктов от курортов. Поскольку кампания начиналась в марте, то отбор пациентов производился в короткие сроки до начала функционирования курортов. Врачи не успевали проанализировать состояние всех пациентов, что приводило к отправке последних на курорты, не соответствующие профилю заболевания (см. прим. 11, л. 117). Это приводило к неполному использованию лечебной базы и нерациональному использованию коечного фонда.

В 1927 г. Дальздрав выпустил циркуляр «О порядке отбора на курорты» и разослал во все отделы здравоохранения (см. прим. 11, л. 18, 31). В нём было сказано, что теперь врач должен наблюдать пациента в течение года. Помимо алгоритма отбора пациентов предписывалось обязательное соблюдение соотношения социальных групп, отправляемых на курорты: 80 % – рабочие и 20 % – служащие. Цены на питание и проживание теперь находились под строгим контролем Далькурупра. Средняя стоимость путёвки составляла 150-200 р. за месяц при полном пансионе (см. прим. 11, л. 119).

К началу 1930-х гг. курортное дело в регионе относительно стабилизировалось. Оптимизация структуры управления курортами края в корне не изменила качественные и количественные показатели санаторно-курортной системы региона. Курортное развитие конца 1920-х гг. сопровождал целый ряд проблем: плохая оснащённость кадрами, скучный уровень благоустройства здравниц, низкая пропускная способность санаториев. В курортном управлении и на местах по-прежнему отсутствовали квалифицированные кадры. Не хватало прежде всего врачей. Немногочисленные медицинские факультеты университетов СССР не могли обеспечить врачебными кадрами все районы страны. Таким образом, на курортах в основном трудились фельдшеры. Младший медперсонал (в основном лекары – *от авт.*) набирали из способных к обучению и освоению данной профессии молодых людей, чаще всего из числа бывших пациентов, некогда лечившихся на курортах [4]. Также остро стоял вопрос нехватки квалифицированных кадров вспомогательных служб, прежде всего бухгалтеров, заведующих складами. Нужны были люди, умеющие элементарно правильно посчитать деньги. Руководители курортов и здравоохранения края шли на разные уловки. Заманивали из других регионов специалистов, предлагая хороший заработок и обещая, что работы будет очень мало. Введённые в заблуждение люди ехали на курорты и не спрашивались с объёмом работ. В сезон увольнялись 2-3 бухгалтера. Уезжали и ввиду отсутствия жилья. Так, в Хабаровск на длительный срок был откомандирован главный бухгалтер Л. Ф. Мензоров из Днепропетровска. Приехав в Хабаровск, он был вынужден жить в каморке 5 м². Конечно же, он с семьёй быстро покинул Дальний Восток (см. прим. 7, л. 18-18 об.). Проблему недостатка кадров в первом десятилетии советской власти на Дальнем Востоке решить не удалось. Регион был занят большимистройками, требовались специалисты из других областей, вопросы курортов, как и в царское время, оставались на втором плане. Однако именно курорты смогли решить проблему быстрого восстановления рабочего после болезни и увеличить продолжительность активного труда.

Главный итог деятельности органов здравоохранения в 1920-е гг. – курортное лечение перестало быть стихийным. Оно стало организованным и строго на научной основе. Проблемы организации курортной системы на Дальнем Востоке были прежде всего связаны с отсутствием практического опыта в рассмотренных вопросах. Тем не менее именно в эти годы шли гидрологические изыскания, описывались минеральные источники и составлялись методики лечения. Охват пациентов курортным лечением был небольшой. Чтобы покрыть потребности быстрорастущего края, требовалось ввести в эксплуатацию 2500 новых койко-мест. Наметилась тенденция перехода от количественных показателей к качественным, а именно улучшение условий пребывания и расширение действующих курортов. Поиски оптимальной системы хозяйствования в 1920-е гг. заложили основы эффективного управления курортами региона в последующие десятилетия. С 1926 г. курорты распределили в подчинение территориальным органам власти, что позволило улучшить канцелярскую коммуникацию, увеличить скорость принятия решений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беринг, В. Камчатские экспедиции / В. Беринг. – М.: Эксмо, 2012. – 480 с.
2. Курорт Шмаковка: история и современность / Л. Н. Деркачева, А. Б. Косолапов, Я. А. Демеев [и др.] // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. – 2017. – № 1. – С. 62-66.
3. Доктор Алексер. Курорты Приморья в 1925 году / Алексер // Красное знамя. – 1925. – № 1357.
4. Журавлева, А. Полвека назад / А. Журавлева // Искра Хингана. – 1979. – № 14.

5. Анненские минеральные воды. История открытия / В. Н. Завгородько, В. В. Кортелев, Т. И. Завгородько, С. В. Сидоренко // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физкультуры. – 2015. – № 3. – С. 62-65.
6. Завгородько, В. Н. Вклад моряков Сибирской военной флотилии в развитие курортного дела на Дальнем Востоке / В. Н. Завгородько // Морская медицина. – 2018. – № 2. – С. 73-76.
7. Затесова, О. М. Курорты Приамурья в системе здравоохранения Российского Дальнего Востока (1863–1991 гг.): моногр. / О. М. Затесова. – Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2024. – 195 с.
8. Коршунов, В. А. Очерки по истории организации и становления здравоохранения Дальнего Востока России / В. А. Коршунов. – Хабаровск: [б. и.], 2004. – 142 с.
9. Кошмас, Ю. К. Меры Дальневосточной партийной организации по перестройке и укреплению системы народного здравоохранения в период восстановления народного хозяйства (1922–1925 гг.) / Ю. К. Кошмас // Доклады и сообщения научной конференции архивных учреждений и вузов Сибири и Дальнего Востока, посвящённой 50-летию Ленинского Декрета по архивному строительству. – Томск: Изд-во Томского университета, 1968. – С. 146-155.
10. Мальгин, А. В. Русская Ривьера / А. В. Мальгин. – Симферополь: СОННАТ, 2006. – 352 с.
11. О лечебных местностях общегосударственного значения: декрет совета народных комиссаров: [19 марта 1920 г. № 231] // Проект «Исторические Материалы». – URL : <http://istmat.info/node/37912> (дата обращения: 11.04.2024). – Текст: электронный.
12. Оппенгейм, Д. Г. Лечение и отдых на курортах Советского Союза / Д. Г. Оппенгейм. – М.: Государственное изд-во медицинской литературы, 1962. – 264 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.: моногр. Вып. 1. Население империи по переписи 28 января 1897 года по уездам / Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел. – Санкт-Петербург, 1897. – 300 с.
14. Прядко, В. Е. Целебные источники Амурской области / В. Е. Прядко. – Хабаровск: Хабаровское книжное изд-во, 1967. – 96 с.
15. Ратманов, П. Э. История обязательного медицинского страхования в РФ и на Дальнем Востоке России / П. Э. Ратманов, Н. А. Капитоненко // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. – 2019. – № 1. – URL: <http://eport.fesmu.ru/voz/20191/2019104.aspx> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст: электронный.
16. Ратманов, П. Э. Медицинская помощь застрахованным на Дальнем Востоке в первые десятилетия XX века: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 07.00.10 / Ратманов Павел Эдуардович. – М., 2002. – 26 с.
17. Резолюции 2-го Д.-В. краевого совещания работников органов социального страхования: 28 ноября – 3 декабря 1926 года, гор. Хабаровск / Дальневосточный краевой комитет социального страхования. – Хабаровск: Издание Далькомсоцстраха, 1927. – 39 с.
18. Сибирский врач: газета научной и общественной медицины и врачебного быта / ред. С. В. Лобанов, П. И. Чистяков, В. В. Корелин; изд. Н. Н. Топорков. – 1916. – № 39-40 (2 октября).
19. Улицкий, Л. Курорты и санатории Южного Приморья / Л. Улицкий. – Владивосток: [б. и.], 1957. – 63 с.
20. Чулков, Е. Г. Дальневосточные здравницы / Е. Г. Чулков. – Хабаровск: Кн. изд-во, 1971. – 190 с.
21. Яковленко, И. А. Развитие санаторно-курортной системы на Дальнем Востоке в 1920–1930-е гг. / И. А. Яковленко // Седьмые Гродековские чтения: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина «Дальний Восток России: мульткультурное пространство в XIX–XX вв.». Т. II / под ред. Т. В. Мельниковой. – Хабаровск: Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2012. – С. 109-117.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК (Государственный архив Хабаровского края). Ф. Р-353. Оп. 3. Д. 297.
2. ГАХК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 85.
3. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 3. Д. 17.
4. ГАХК. Ф. Р-683. Оп. 1. Д. 163.
5. ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 23. Д. 233.
6. ГАХК. Ф. Р-1755. Оп. 1. Д. 36.
7. ГАХК. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 8.
8. ГАХК. Ф. Р-1623. Оп. 1. Д. 347.
9. ГАХК. Ф. Р-1624. Оп. 1. Д. 31.
10. ГАХК. Ф. Р-912. Оп. 1. Д. 8а.
11. ГАХК. Ф. Р-1157. Оп. 1. Д. 5.

Content

CULTURAL STUDIES AND ART STUDIES

E. G. Galkina, A. D. Kanchuga

NATIONAL CULTURE IN THE ENVIRONMENTAL SOLUTION OF SECONDARY
SCHOOL NAMED AFTER AKIM SAMARA OF KONDON VILLAGE.....4

K. N. Kolyadinova

MYTHOLOGICAL AND SYMBOLIC ASPECTS
OF TRADITIONAL GAMES OF HEDZHE PEOPLE IN CHINA 13

I. S. Kryzhanovskaia, A. A. Nishchimnykh

CORPORATE MUSEUM IN THE CULTURAL SPACE
OF A MODERN CITY (ON THE EXAMPLE
OF THE V.P. BOZHEDOMOV ENERGY MUSEUM, KHABAROVSK) 18

I. S. Kryzhanovskaia, A. V. Khomchuk

THE MUSEUM IN THE CONTEXT OF CREATIVE INDUSTRIES:
FROM THE EXPERIENCE OF THE AMUR CITY
MUSEUM OF LOCAL LORE 25

Lo Da, E. V. Savelova

HISTORICAL DEVELOPMENT AND CULTURAL SIGNIFICANCE
OF THE HEILONGJIANG PROVINCIAL MUSEUM
(30 – 50S OF THE 20TH CENTURY) 33

A. V. Markov, O. A. Shtayn

LIDIA YUDIFOVNA BERDYAEVA:
SPIRITUAL PROFILE AND CULTURAL THOUGHT 41

E. A. Musalitina, N. E. Pustovit

PROBLEMS OF INTEGRATION OF FOREIGN STUDENTS
INTO CULTURAL ENVIRONMENT OF THE KHABAROVSK
REGION (IN VIEW OF FOREIGNERS) 48

I. G. Nareyko, E. V. Savelova

SNOW AND ICE TOWN AS A CULTURAL PHENOMENON:
A STATEMENT OF THE PROBLEM 57

Z. V. Petrunina, D. R. Ababkov

THE IMAGE OF MANCHURIA AT THE END OF THE 19TH CENTURY
IN THE TRAVEL NOTES OF BRITISH AND AMERICANS 64

S. N. Skorinov

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF YU. P. PUSTELNIKOV
ON THE LEADERSHIP OF THE KHABAROVSK STATE INSTITUTE OF ARTS
AND CULTURE (23.12.1991–11.03.1993) 69

I. I. Smirnova

MODERN LITERARY HORROR:
DETERMINING THE GENRE OF SOURCES 80

N. V. Suleneva, E. P. Emchenko

LOGICAL AND INTONATIONAL ORGANIZATION OF A POETIC TEXT 87

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGY

D. A. Kazantsev

STRUCTURAL-CONTENT COMPONENTS
OF TEACHER'S THEOLOGICAL COMPETENCE 91

Y. G. Larchenko

ONLINE COURSE AS AN ADAPTIVE LEARNING TECHNOLOGY
IN THE UNIVERSITY ELECTRONIC EDUCATIONAL ENVIRONMENT 100

HISTORY

A. S. Vashchuk

NEOLIBERAL IDEAS AND THE RESTRUCTURING PROJECT
OF THE NORTHEAST 1990S – THE FIRST DECADE
OF THE XXI CENTURY (BASED ON MATERIALS OF THE MAGADAN REGION).....105

A. S. Derbenev

USA – ISRAEL: STRUGGLE FOR SELFISH GROUP INTERESTS.....116

O. M. Zatesova

ESTABLISHMENT OF THE FAR EAST RESORT SYSTEM IN THE 1920S.....121

Научное издание

Учёные записки КнАГТУ
2024 № VI (78)
Науки о человеке,
обществе и культуре

Выпускающий редактор
Г. А. Шушарина

Подписано в печать 27.09.2024
Дата выхода в свет 30.09.2024

Формат А4.
Бумага офисная 80 г/м².
Усл. печ. л. 13,63.
Уч.-изд. л. 17,18.
Тираж 200. Заказ 31181

Отпечатано в типографии
КнАГУ
681013,
г. Комсомольск-на-Амуре,
пр. Ленина, д. 27.

